

**АРХИВ
МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА**

XI

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

**АРХИВ
МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА**

ТОМ

XI

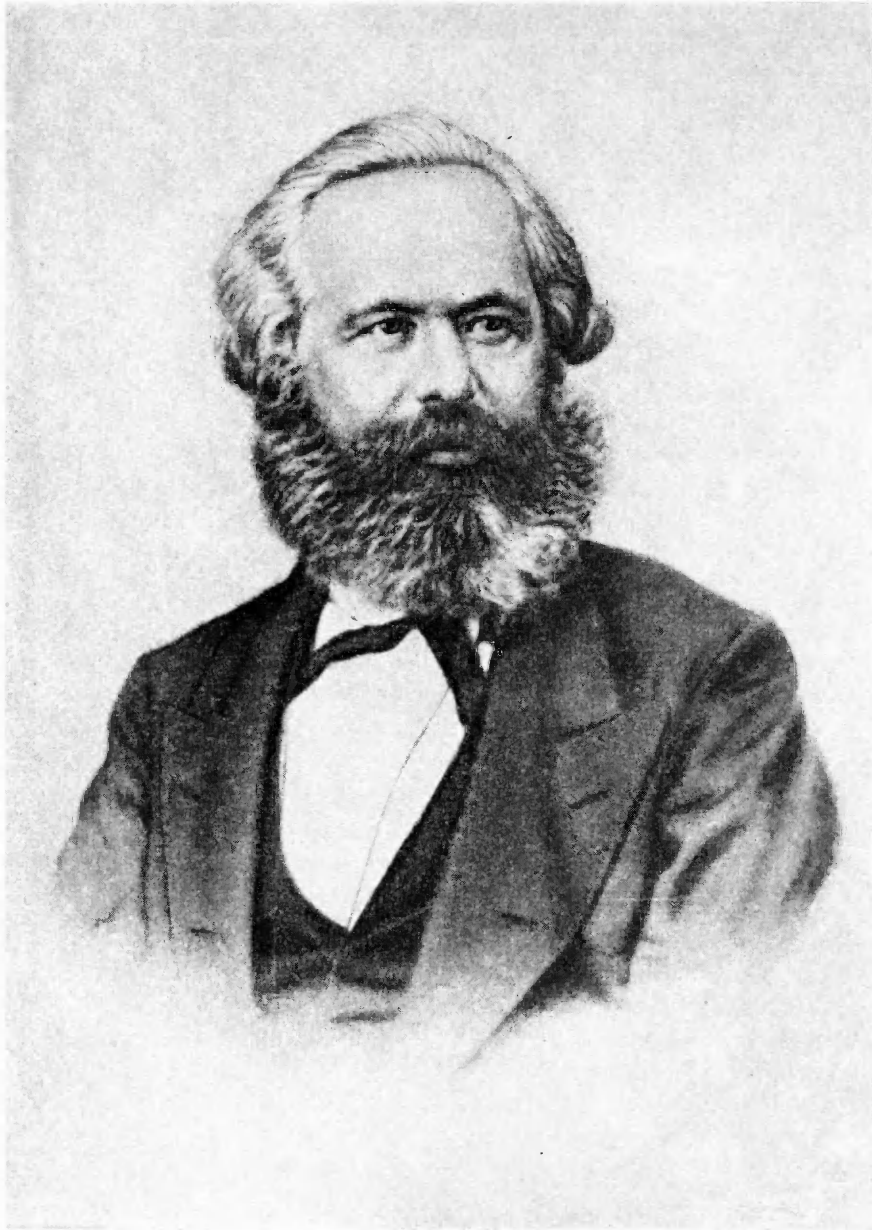
ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ

1948

Подготовитель Р. П. Конюшая

Тираж 15 000 экз. Подписано к печати 1/VII 1948 г. Объем $13\frac{1}{4}$ п. л. + 4 вклейки ($\frac{1}{2}$ л.).
Уч.-авт. л. 14,20 (48 000 тип. зн. в 1 п. л.). Формат $68 \times 100\frac{1}{16}$. Заказ № 983.
Цена в переплете 6 руб. 50 коп.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфблгиз» ОГИЗа при Совете
Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый том «Архива Маркса и Энгельса» содержит составленные Марксом конспекты и выписки из работ Чернышевского, Кошелева, Самарина, Кавелина, Скалдина, Янсона, Энгельгардта, а также конспект статьи Попельницкого, составленный Энгельсом. Публикуемые переводы рукописей представляют собой только небольшую часть рукописных материалов Маркса о социально-экономическом развитии России во второй половине XIX века.

Общей темой, объединяющей публикуемые в томе рукописи, является характеристика реформ 60-х годов и пореформенного развития России. Самый перечень авторов говорит о том, что Маркс имел дело с работами людей самых различных общественно-политических направлений. Конспекты Маркса показывают, как отлично он разобрался в политической физиономии, в классовой направленности каждого автора, отдав каждому по его заслугам. Вместе с тем они показывают направление научно-исследовательских интересов Маркса и его отношение к фактическому материалу и обобщениям, содержащимся в названных работах.

Н. Г. Чернышевский был первым, по времени, русским писателем, правильно понявшим подлинную сущность крестьянской реформы 1861 года. Его труды Маркс изучает с особым вниманием, считая, что они «делают действительную честь России». Он оказывает содействие напечатанию в Швейцарии «Писем без адреса», предварительно изучив их самым тщательным образом еще в рукописи. Перегруженность работой и трудности языка не остановили Маркса. «Результат стоит усилий» — говорил он, принимаясь штудировать знаменитую работу Флеровского и труды Чернышевского, «великого русского ученого и критика». Это было началом его самостоятельного, без помощи переводчика, изучения по первоисточникам русских земельных отношений, анализ которых он собирался дать в «Капитале».

Извлечения Маркса из «Писем без адреса» Чернышевского состоят из двух рукописей: одной рукописи 1871—1873 гг., объемом в один печатный лист, и второй рукописи 1881 года. В первой рукописи содержатся выписки, сделанные Марксом непосредственно с рукописи Чернышевского, полученной им от Даниельсона. Выписки идут строго последовательно — от первого письма к пятому. Первое письмо Маркс перевел целиком, фразу за фразой. Перевод был выполнен им с необыкновенной тщательностью, с глубоким проникновением в ход мыслей Чернышевского. Письма — 2, 3, 4 и 5 даны уже в виде более или менее длинных цитат, чередуемых с самостоятельным кратким изложением содержания работы Чернышевского. Из развиваемой автором логической цепи доказательств Марксом не опущено ни одно существенное звено. Вторая рукопись самим Марксом озаглавлена: «К вопросу об отмене крепостного права в России» («Zur russ. Leibeig. Emanzipation»).

«Письма без адреса» были написаны Чернышевским уже после его ареста, во время заключения в Петропавловской крепости и предназначались для № 2 «Современника» за 1862 г., но не были пропущены цензурой. Чернышевский дает здесь замечательно правильную оценку сущности крестьянской реформы 1861 г., показывая всю ее узость, убожество, ее крепостнический характер. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹.

Замечательно, что и Маркс подчеркивает в своем конспекте как раз те положения, которые подтверждают именно этот вывод. Маркс отмечает, подобно Ленину, все те места в работе Чернышевского, которые рельефно «показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов»².

Маркс тщательно переводит, снабжая своими подчеркиваниями, следующую основную мысль из «Писем без адреса»: «дело было исполнено *неудовлетворительно*; исполнено: 1) *бюро-*

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 1, стр. 263.

² Там же.

кратически и 2) с пристрастием к дворянству; от него требовали возможно меньше жертв; бюрократия занималась формалистикой; потому изменена была преимущественно *форма отношений* между помещиками и крестьянами с возможно малым изменением *существа* прежних отношений. Этим думали удовлетворить помещиков».

Маркс учитывал, что «Письма без адреса» были написаны для опубликования в подцензурном органе, чем определялась и особая — весьма тонкая — форма изложения. Маркс выделяет у себя в конспекте все те места из «Писем», в которых несмотря на эзоповский язык прорывается революционный образ мышления Чернышевского и его демократизм.

Кроме названных рукописей Маркса, в Архиве ИМЭЛ имеется также печатный экземпляр «Писем без адреса», принадлежавший Марксу. Он весь испещрен марксовскими подчеркиваниями, которые показывают, с каким вниманием Маркс входил в детали расчетов, в аргументацию Чернышевского, с каким интересом следил за его обобщениями и выводами. В приложении к тому приводится текст «Писем без адреса» с воспроизведенными отметками и подчеркиваниями Маркса.

Конспект, выписки, замечания и подчеркивания в своей совокупности дают яркое представление о том, какое впечатление произвело на Маркса изучение произведения великого русского демократа и социалиста.

В томе помещены конспекты Маркса на книги Кошелева и Самарина — двух «независимых либералов» (по определению Ленина), выступавших в 70-х годах. В начале конспекта книги Кошелева Маркс записывает характеристику, которую Кошелев дает в предисловии самому себе, что он, дескать, не коммунист, не революционер и не оппозиционер. Маркс попутно не раз выражает свое отношение к Кошелеву замечаниями вроде: «дальше он много болтает...» о том-то и пр.

Маркса мало занимают политические «проекты» Кошелева, крохоборческая программа предлагаемых им преобразований. В Кошелеве он видит выразителя тенденций буржуазного развития (среди русских помещиков) и из его высказываний пытается выделить материал, характеризующий вступление России на путь капиталистического развития. Своими подчеркиваниями и замечаниями Маркс вскрывает классовую позицию автора.

Книга Самарина и Дмитриева «Революционный консерватизм» была прочитана и проконспектирована Марксом сразу после выхода ее в свет в заграничном издании, приблизительно осенью 1875 года. Либерализм Самарина был весьма и весьма умеренного свойства,

но в названной работе он разоблачает (конечно, с либеральных позиций) партию крепостников и в связи с этим приводит большой и довольно яркий материал, характеризующий общеполитическое положение в России. Поэтому Маркс в своих записных тетрадях посвятил ему много места: конспект его книги занимает около 3 печ. листов.

Конспект Маркса на книгу Кавелина «Чем нам быть?» примыкает по своему содержанию к двум вышеназванным работам.

Известно, что Ленин характеризовал Чернышевского и Кавелина как представителей двух противоположных течений в русском общественном движении, а именно: революционно-демократического и либерально-реформистского. Эти два течения наметились как раз в период реформы 1861 года. Чтобы охарактеризовать различие этих идейно-политических направлений, Ленин постоянно приводил в пример, с одной стороны, революционера Чернышевского, с другой — либерала Кавелина. В 1911 г. в своей работе ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал: «19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему... сознательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение»¹.

Сопоставление позиции либералов 60-х годов и позиции «все-российского демократа-революционера Чернышевского» дает, писал В. И. Ленин, «интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе»².

Конспект Маркса на книгу Скалдина дает чрезвычайно интересный материал для сопоставления его с выписками Ленина из этой же работы («В захолустьи и в столице») и соответствующими характеристиками, содержащимися в работе Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Подбор выписок, отношение к фактическому материалу и выводам автора со стороны Маркса и Ленина поразительно близки.

Работа русского либерального экономиста и статистика Янсона («Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 17, стр. 96

² Там же, стр. 100.

платежах») весьма заинтересовала Маркса, поскольку в ней содержался большой и добросовестно подобранный фактический материал по актуальнейшему для пореформенной экономики вопросу. Помимо того, названная работа представляла собой наиболее полный для 70-х годов систематический свод всех наличных статистических данных о русском землевладении.

К фактическим сведениям о положении русских крестьян после «освобождения», приведенным в работе Янсона, Маркс отнесся с самым серьезным вниманием. Он тщательным образом изучил этот труд. Маркс сам проверял расчеты Янсона, производил свою группировку цифр, делал свои вычисления.

Приблизительно в конце 1873 г. Маркс читает работы Энгельгардта, появившиеся в 1872 г. в «Отечественных записках». В статье Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства» особенно заинтересовал Маркса раздел: «Дороговизна ли рабочих рук составляет большое место нашего хозяйства?» Он составляет подробный конспект этого раздела. Конспект Маркса дает яркое подтверждение слов Ленина о том, что: «Народничество Энгельгардта... находится... в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные и наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны»¹.

Рукопись Энгельса — конспект статьи Попельницкого «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле» по своему содержанию тесно примыкает к публикуемым рукописям Маркса. Она свидетельствует о том, что и Энгельс также, со своей стороны, внимательно следил за развитием социальных и, в частности, аграрных отношений в России и что его оценка реформы 1861 г. совпадала с оценкой Маркса.

Публикуемые рукописи Маркса и Энгельса, разумеется, не предназначались ими для печати. Они являлись для них средством для уяснения самим себе сущности изучаемых явлений и материалом для последующих обобщений. Отсюда своеобразие формы печатаемых документов — их порой отрывочный, конспективный характер. Сохраняя эту форму изложения, редакция тома в целях пояснения прибегала к вставкам отдельных слов, заключенных в фигурные скобки.

На полях воспроизводится нумерация рукописных страниц. Текст замечаний, отдельные реплики Маркса и Энгельса по поводу

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 2, стр. 475.

содержания разбираемого в книге вопроса или по адресу автора конспектируемой книги, напечатаны *черным курсивом*, а в случае, если они подчеркнуты Марксом — *черным курсивом в разрядку*. Подчеркнутые Марксом слова и выражения из конспектируемой работы напечатаны *светлым курсивом*, подчеркнутые дважды — *светлым курсивом в разрядку*. Прямые и круглые скобки принадлежат Марксу и Энгельсу. Слова, написанные в рукописи Маркса по-русски, отмечаются в тексте звездочкой. Все подстрочные примечания принадлежат редакции тома.

Том подготовлен к печати Р. П. Конюшей.

*Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)*

**КОНСПЕКТЫ И ВЫПИСКИ
К. МАРКСА ИЗ РУССКИХ КНИГ**

«ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА».
Петербург.
(РУКОПИСЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО)

I

Вы недовольны нами. Это пусть будет, как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы, и не от вас мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы, *следовательно*, этот судья мог произносить с сознанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни.

К сожалению, этого нет. Вас он* знает по имени, но будучи совершенно чужд вашего круга {понятий} и вашей обстановки*, решительно не знает ни ваших мыслей*, ни причин, руководящих вашими действиями, — а нас он не знает даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положение дел {фальшиво}. Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них, — это очень неудобно* для работающих и невыгодно для успеха работы. Думаешь, что какое-нибудь дело принесет пользу, а видишь, что оно остается неисполненным по недостатку сочувствия в людях, для которых предпринято. Вы испытывали это при каждом хорошем* вашем деле.

131 || То же очень часто испытывали и мы. Это печалит и под конец сердит. Становишься мнителен и раздражителен. Не имеешь духа объяснить свою неудачу настоящей ее причиной, — недостатком общности в понятиях между собою и людьми, для которых работаешь. Признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успех всего того образа действий, которому следуешь. Не хочешь признать эту настоящую

причину и стараешься найти для неуспеха мелочные объяснения в маловажных, случайных обстоятельствах. Таким образом, вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если бы эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач! Тогда задача разрешилась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела. Но грустно то, что никакие наши действия против вас, или ваши против нас, не могут привести ни к чему полезному. Апатичен остается народ; какой же результат могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты о его пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?

132 || Вы говорите народу: ты должен итти вòт как; мы говорим ему: ты должен итти вот тàк. Но в народе почти все дремлют; а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уже раздаются призывы к народу, чтобы он жил так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывы, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков, — народ пошел, выручил, и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде || и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, по ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, — он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Такую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних.

133 || Виноваты ли в этом недоверии народа вы или мы, нынешние люди? Нынешнее расположение народных мыслей устроилось долгим ходом событий, бывших раньше вас и нас. Постараемся понять это. Истина одинаково горька для вас и для нас. Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь действительно полезное {для него}. Мы все, отделяющие себя от народа какими-нибудь именами, — именем ли власти, именем ли того или другого привилегированного сословия, — мы все, предполагающие у себя какие-нибудь особенные интересы, различные от предметов народного желания, — интересы ли дипломатического и военного могущества, || или интересы распоряжения внутренними делами, или интересы личного нашего богатства, или интересы просвещения, — мы все смутно чувствуем, какая развязка вытекает из этого

расположения народных мыслей. Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не только вы одни, а также и мы желали бы избежать ее; ведь* между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять, как единственный предмет наших желаний*, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения*. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем, отказавшимся от его диких привычек; он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково; он не пощадит ни нашей науки, ни нашей поэзии, ни наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию. Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы почетнее для самого народа, || и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все — и нашу любовь к свободе, и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства, обращаюсь к вам с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас.

Делая это, я понимаю, что делаю.

Я изменяю народу.

Изменяю потому, что, руководясь личными опасениями за вещь более драгоценную для меня, нежели для народа, — за просвещение, — я уже не думаю о том, полезна ли для народа забота о разрешении запутанностей положения русской нации вашими и нашими усилиями, а напротив, не выиграл ли бы народ через независимое от нас занятие национальными делами больше, чем от продолжения наших хлопот о нем. В этом случае, для своей выгоды, я подавляю в себе убеждение, что ничьи посторонние заботы не приносят людям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам. Да, я изменяю своему убеждению и своему народу. Это низко. Но мы принуждены были делать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для нас не значит.

А я предчувствую, что она будет совершенно лишней, что останется недостигнутой та жалкая цель, для которой изменяю я народу.

135 || || Никто не в силах изменить хода событий: одни хотели бы, но не имеют средств; у других есть средства, но не может быть желанья*.

Из-за чего же я становлюсь изменником народу, когда сам знаю, что не помогу ни вам, ни себе*? Не лучше ли продолжать молчание? Да, было бы лучше; но презренная писательская привычка надеяться на силу слова отуманивает меня *.

Я не в состоянии держаться на точке зрения житейского благо-разумия, с которой очень ясно вижу, что всякие объяснения на-прасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбивает* с* толку* обыкновен-ная наша писательская мысль: «ах, если бы можно было объяснить дело! оно уладилось бы!» Поэтому я и молчал более двух лет оттого, что не имел возможности бить воздух словами, и, как видите, возобно-вляю этот пустой *напрасный* труд с первой же минуты, как мне показалось, что можно мне возобновить его.

Почему мне так показалось? В какой журнал, в какую газету я ни загляну, везде я нахожу признаки того, что как будто бы почув-ствовалась надобность в наших объяснениях. Очень вероятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастие добиваться хороших результатов посредством объяснений так сильно в писателях, что я увлекаюсь им.

136 || Это увлечение неизвинительно после стольких опытов. Но я || усиливаюсь прикрыть в собственных || глазах жалкую забавность его, твердя себе о фактах, которые действительно таковы, что *даже* вы действительно могли бы желать объяснения. Вот некоторые из них: бывшие помещицы крестьяне, называемые ныне срочно-обязанными, не принимают уставных грамот; предписанное продолжение обяза-тельного труда оказалось невозможным; предписанные доброволь-ные соглашения между землевладельцами и живущими на их зем-лях срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены в безысходное положение этой неисполнимостью предположенного решения, помещики ропщут и предъявляют тре-бования, о которых не отваживались говорить не больше, как год тому назад; в государстве появилось и усиливается общее безде-нежье; курс падает, что равнозначительно возвышению ценности звонкой монеты сравнительно с бумажными деньгами, или, что то же, падению ценности бумажного рубля. Одних этих фактов внутренней жизни русского народа уже достаточно, и я не имею надобности касаться ни многих других значительных фактов ее, ни других *столь же*¹ верных явлений, принадлежащих отношениям рус-ского народа к жизни других народов, входящих ныне в состав* одного с ним целого.

Примите уверение в искренности чувств, склонивших всту-пить в это объяснение вашего покорнейшего слугу, и пр.

¹ У Чернышевского: менее.

137 ||

II

(Из этого письма я даю только выдержки)

Виною всему этому, по мнению «вашего» и «нашего» круга, — крестьянский вопрос.

Заняться крестьянским вопросом вынудила Россию последняя война (с Турцией и пр.).

«В народе ходил слух, что император французов требовал уничтожения крепостного права и согласился подписать мир лишь тогда, когда внесена была в договор тайная статья, постановлявшая, что крепостным крестьянам дается воля...» Вся масса народа этому поверила... В этом виде выразилось предчувствие народа, что «Крымская война сделала необходимостью освобождение крестьян...»

Крепостное право было *в действительности* «только одним частным приложением принципов, на которых был устроен весь прежний порядок; но внутренней связи этого частного факта с общими принципами большинство нашего общества тогда еще не понимало. Потому общие принципы прежнего порядка были оставлены в покое и вся реформационная сила общества обратилась против самого осязательного из его внешних применений...»

Законная сущность крепостного права была сообразна всему порядку нашего* устройства*; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее. «А между тем общество предполагало отменить* крепостное право силою* старого* порядка*». Причина, давшая толчок «была недостаточно сильна для {возбуждения} в обществе совершенно отчетливых понятий об основаниях его жизни...» Крымская война, действительно, не нанесла России удара слишком тяжелого... В нас сохранилось уважение к старому порядку (русская || армия и пр. в Крыму; нападения на Балтийском море давали лишь повод к насмешкам и т. д. ..). Оно поколебалось, но не пало...

«Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно. Англо-французы... прорвали {небольшую} прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы... замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться...» и оказалось, что всему обществу надо одеться с ног до головы в новое: *на штопках не выедешь...*¹

В самом начале движения поднялась молва, {предсказывавшая то самое} движение дворянства, которое действительно обнаруживается теперь... Молва эта в ту пору казалась смешной болтовней.

¹ У Чернышевского: «штопать оно не хочет».

При начатии крестьянского дела: с одной стороны, активное участие принимала государственная власть; помещики, желавшие отсрочить это дело из {опасения} за свои денежные интересы; сами крепостные; просвещенные люди, {стоявшие} за уничтожение крепостного права.

С другой стороны, значительная часть общества — купцы, мещане, государственные крестьяне, беспоместные чиновники, духовенство *и пр.* — симпатизировала либеральной партии, но теперь только начинает понимать неизбежность своего участия в этом деле.

Теперь *первым делом* займемся рассмотрением тех 4-х общественных элементов, которые с самого начала принимали *активное* участие в этом деле.

III

Эти 4 элемента:

1) правительство, 2) либеральная партия, или просвещенные люди, 3) земельное дворянство и 4) сами крепостные крестьяне.

139 || Крепостное право было создано* и распространяемо властью*; || всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у нас не само собой и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегии.

Почему же власть принималась за отмену той из установленных ею самой привилегий, которой наиболее дорожило *дворянство*?.. Неудачная политика, втянувшая страну в несчастную войну, доставила силу так наз. либеральной партии, требовавшей уничтожения крепостного права. Таким образом власть принимала на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, не согласных с характером самой власти.

Неизбежным результатом этого было то, что дело было исполнено *неудовлетворительно*; исполнено: 1) *бюрократически* и 2) *с пристрастием к дворянству*; от него требовали возможно меньше жертв; бюрократия занималась *формалистикой*; потому изменена была преимущественно *форма отношений* между помещиками и крестьянами с возможно малым изменением *сущности* прежних отношений. Этим думали удовлетворить помещиков. Но без формы нельзя сохранить и сущности; помещики увидели себя не в состоянии пользоваться выгодами, которые были оставлены за ними; выгоды эти исчезали без всякого вознаграждения для них, потому что власть

никоим образом и не предполагала, чтобы выгоды эти на самом деле исчезли.

Дворянство видело, что власть старалась сделать для него все, что могла, и приходило к выводу, что она {ничего сделать} не может; что, следовательно, дворянству самому надлежит позаботиться о сохранении оставленного ему и о получении вознаграждения за отнятое у него; наконец: до сих пор опорой земельному дворянству служило правительство; так как эта опора оказалась слишком слабой, то надо отыскать для себя новую опору. Но где?

140 || Крепостные крестьяне не поверили, чтобы обещанная им воля была ограничена теми формальными переменами, какими ограничило ее бюрократическое решение. Отсюда повсюду {произошли} столкновения между крепостными крестьянами и властью, старавшейся провести свое решение. {Произошли} смуты¹, и страна опасалась {новых смут}. Смутное время тяжело для всех. || В силу этого в массе других сословий стала развиваться мысль, что во избежание смут требуется иное решение крестьянского вопроса. Раз уж мысль заработала в этом направлении, она не ограничилась частным вопросом *и подвергла критике существующий порядок вообще*². Все признали наличие учреждений³, пагубных⁴ для всех сословий и соединились в желании их устранить. Все чувствовали над собой гнет административного произвола, неудовлетворительность судебного устройства и запутанную формалистичность законов. Дворянство точно также страдало от этих недостатков как и другие сословия. Таким образом открывался дворянству сам собой способ найти новую опору. Оно сделалось представителем стремления к реформам, нужным для всех сословий. Эти {желания} не имеют ничего общего с раздражением некоторой части дворянства против власти из-за уничтожения крепостного права. С его уничтожением большая часть дворянства уже совершенно примирилась, как с фактом безвозвратным. Оставшиеся у дворянства сословные требования относятся только к размеру* выкупа*.

Тут возможен спор, и еще неизвестно, какой размер выкупа* *окажется по вкусу другим сословиям*⁵. Но в том, что касается

¹ У Маркса французский термин «*sédition*», что означает мятеж, бунт, восстание.

² У Чернышевского: «перешли от частного вопроса, давшего *их* мыслям такое направление, к общему положению вещей...».

³ У Чернышевского: черт.

⁴ У Чернышевского: невыгодных.

⁵ У Чернышевского: «будет одобрен или донесен другими сословиями».

административных, законодательных, судебных реформ, свободы печати и т. д., дворянство представляет все сословия. Оно представляет их не потому, чтобы оно сильнее чувствовало потребность этих изменений, но потому, что при существующем порядке оно так организовано, что имеет возможность выражать свои желания и располагает для этого законными органами (а другие сословия нет). Все другие сословия страдают еще больше, чем дворянство, от этого недостатка — купечество, духовенство, мещане, крестьяне, даже масса чиновников (за исключением бюрократического меньшинства, которому нынешний порядок выгоден).

*Этих стремлений — быстро разрастающихся — не подавить никакими карательными мероприятиями*¹.

IV

141 || В прошлом году (1866 или 64 или 65?) смуты в Варшаве, смуты внутри России, загадочное появление программ², порицаемых одними, хвалимых другими, но принимаемых к сведению всеми, небывалое движение молодежи в самом Петербурге, страшная развязка его, слухи о требованиях, предъявленных дворянством, || приготовление его к занятию общественными вопросами, — вот сколько в один год новостей, из которых каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направлению. Едва ли кому был приятен какой-нибудь из этих сюрпризов, но они все-таки *следовали друг за другом*³, производимые натянутостью отношений. Не следует ли позаботиться о том, чтобы избавиться от их повторения? Но избавиться от него можно только прекращением* натянутости* отношений, а для этого надобно разобрать, отчего отношения сделались натянутыми. Начнем разбор самого главного отношения, то есть вопроса *об освобождении крепостных крестьян*.

«Целый угол моей комнаты завален многотомным изданием «Материалов {Редакционных} комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости»⁴.

¹ Эта фраза, в такой ее редакции, принадлежит Марксу. По цензурным соображениям Чернышевский был вынужден выразиться следующим образом: «Вы совершенно освободились бы от мысли, что можно принимать какие-нибудь меры против общего стремления, начинающего обнаруживаться».

² У Чернышевского: программы.

³ У Чернышевского: «но они все-таки случались».

⁴ Название документов написано Марксом по-русски.

Редакционная комиссия, плодом которой явились эти «Материалы», была открыта 4-го марта 1859 г.; это первое заседание было только приговорительным, и журнал его занимает с небольшим одну страницу; для действительного начала своих занятий Редакционная комиссия собралась на другой день, 5 марта, и вот что мы читаем в самом же начале журнала этого второго заседания:

*«Председатель предложил на обсуждение Комиссий извлеченные из печатных и литографированных его мнений некоторые основные мысли, которые, по его убеждению, не бесполезно было бы принять к соображению, а именно...»*¹ *(Из этих 9 пунктов, {предложенных} председателем, Чернышевский приводит следующие пункты):*

142 || «2) Одновременно с личным освобождением крестьян, необходимо дать им возможность *приобретать в собственность от помещиков, по добровольному с ними соглашению, достаточное количество земли для упрочения || своей оседлости и обеспечения своего быта.*

«4) Обязательные барщинные повинности, и при срочно-обязанном положении, будут все-таки составлять вид крепостного права, но лишь подчиненного законным правилам. Посему они все-таки не могут не быть для крестьян тягостны, а для крестьян и правительства могут сделаться источником важных затруднений, что не соответствовало бы благим намерениям государя о действительном прекращении крепостного состояния. В этих видах, обязательные повинности должны быть рассматриваемы лишь как мера переходная, и если Комиссиям удастся сократить срок, или умерить действие оной, то улучшение быта может быть упрочено даже и на время срочно-обязанного периода.

«6) Помещики должны получить справедливое, вполне достаточное вознаграждение за те земли и угодья, которые крестьяне у них выкупят»².

Вот что следует в журнале прямо за изложением предложений председателя:

«По выслушании сего, члены Комиссий единогласно изъявили полное сочувствие выраженным председателем основным соображениям, как вполне согласным с их убеждениями, а потому и просили о внесении сих соображений в журнал Комиссий для неперемennого руководства. Председатель не встретил препятствий ко внесению всего этого в журнал, предоставляя однакоже каждому из членов

¹ Выписка из журнала приведена Марксом на русском языке.

² Содержание пунктов 2, 4 и 6 приведено Марксом по-русски.

высказывать искренне свои убеждения, если бы они были, в чем бы то ни было, и не согласны с его мыслями»¹.

143 || «Вы можете видеть из этого, — *продолжает Чернышевский*, — что такое значит бюрократический порядок. Старший* говорит: я полагаю, что надобно решить дело вот так и вот так; согласны ли вы, господа? Я не навязываю вам своих мнений: возражайте против них, если не согласны; можете совершенно отвергнуть их, если они неправильны*. На это все младшие (*по рангу*) сотоварищи {единогласно} отвечают: ваши мнения совершенно согласны с нашими убеждениями, и мы вполне принимаем их». (*Комиссия вместе с председателем состояла из 11 человек.*)

При бюрократическом порядке всегда предполагается, что председатель лучше осведомлен о целях высшего правительства, что он служит истолкователем планов, уже принятых высшим правительством... Председатель сам скоро перестает различать между собой и высшим правительством. Хотите пример? Вы видели, что в заседании 5 марта председатель еще представлял свои мнения, только как свои личные мнения, которые только «не бесполезно было бы принять к соображению»... в заседании 20 мая он уже выразался следующим образом:

«Выкуп крестьянами земли, как уже было мной изъяснено, должен быть на основании *высочайшей* воли** не *обязательный**, а *полюбовный**, т. е. выкуп не может происходить без формального согласия помещика продать, а крестьянина купить поземельные угодья, за исключением *усадеб**, продажа коих обязательна для тех помещиков, которые не изъявят согласия на продажу угодий полевых». Он и на этом заседании тоже приглашал членов Комиссий не стесняться его мнением, давал им свободу отвергать это мнение.

144 || По тону же всей его речи следовало принимать мнения за неизменную инструкцию, {так как они представлены} в связи с высочайшей волей. Итак, оставалось только принимать их к исполнению. Редакционные комиссии так и делали.

Правительство, определив некоторые, самые общие принципы {дела}, нашло нужным, чтобы им *в дальнейшем* занялись специалисты. Они же нашли все устройство дела заранее предопределенным. У председателя в свою очередь имеются некоторые личные мнения по крестьянскому вопросу, как и о том, что Виардо — хорошая певица, а Вольтер — остроумный писатель и т. д. При бюрократическом порядке ум и пр. людей совершенно бесполезны, они действуют как машины — по {случайным} намекам и догадкам и т. д. о том, как думает {про это дело} то, или другое, или третье лицо.

¹ Выписка из журнала приведена Марксом на русском языке.

По вышеизложенному могло казаться, будто председатель {Комиссии} действовал по своему убеждению, остальные же члены Комиссии — по инструкциям председателя. Следовательно, он мог придать делу какую-то руководящую идею. Отнюдь нет!.. Председатель самостоятелен в отношении других членов {Комиссии}, но он находится в сношениях не только с ними одними, а со множеством иных лиц, в числе которых есть люди, занимающие относительно его точно такое же положение, какое занимает он относительно членов Редакционных комиссий.

В заседании 6 апреля председатель говорит:

«Возбужден был вопрос: какую степень гласности должны иметь занятия Комиссий?»

145 || По мнению, выраженному председателем, «занятия эти составляют дело всей России, — дело, с которым тесно связано и спокойствие и благосостояние целого государства, как в настоящем, так и в будущем. Опыт показал, что, хотя поднятый вопрос живо затронул интересы всего народа, но Россия в полном доверии к своему государю осталась спокойной; что спокойствие это можно частично приписать {некоторой} гласности, с которой с самого начала, по высочайшему повелению было ведено дело. При том || же Комиссии, которые совершают труд, столь близкий интересам всех сословий, обязаны честным отчетом в своих действиях перед всей Россией. Дать этот отчет, успокоить всех и каждого, можно только посредством полной откровенности, потому что где дело ведется открыто, там нет места ни превратным слухам, ни ложным опасениям, ни нелепым толкованиям. Наконец, на Комиссиях лежит святая обязанность уяснить вопрос и самим себе *со всех сторон*. Как бы ни был добросовестен труд Комиссий, как бы ни было велико стремление их быть беспристрастными и неодносторонними, они, при всей опытности своих членов, вряд ли избегнут таких ошибок, которые, при применении к действительной местной жизни, могут оказать неблагоприятное влияние на успех дела. А потому, и здесь необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участие, которое прольет свет на каждую оставшуюся в тени сторону вопроса, дополнит недостающие факты и исправит во-время* каждую ошибку Комиссий».

А вот какая практика {извлекается} из этой теории:

«Вследствие всех сих соображений, председатель полагал бы полезным:

(1) Все журналы и труды Комиссий печатать в значительном количестве экземпляров;

(2) Напечатанные экземпляры рассылать гг. членам Главного комитета, министрам и главноуправляющим отдельными

146 || департаментами, генерал-губернаторам, {начальникам губерний и губернским} предводителям || дворянства (сим последним в нескольких экземплярах);

«3) Предварить всех означенных лиц, что подлежащие обсуждению Комиссий вопросы будут разрешаемы не {ранее} прибытия членов*-экспертов*, а затем труды Комиссий будут предъявляемы депутатам губернских* комитетов* для сообщения замечаний с их стороны;

«4) Просить всех лиц, которым будут рассылать такие труды, сообщать свои замечания к определенному сроку, на особом по каждой главе листе, и по возможности кратко, чтобы Комиссии могли принять их в соображение своевременно, тотчас же разделять по отделениям и иметь физическую возможность прочесть и обсудить их»¹.

Такое противоречие между принципами и их применением можно объяснить только тем, что и сам председатель {Редакционных комиссий был} совершенно связан в своих решениях. И кем же {был он связан}? Не твердой и обдуманной волей того лица или тех лиц, волю которых он обязан был исполнить по закону; он был связан мнениями, опасениями, привычками множества других лиц, которые не имели никакого законного права оказывать влияние на Редакционную комиссию. {Он был связан мнениями} целого круга, от которого, по формальному своему полномочию, был совершенно независим. В таком случае при бюрократическом порядке нет ни у кого независимости.

147 || В мелочах, особенно в поступках с подведомственными лицами, каждый имеет при бюрократическом порядке много произвола. Но следовать своим убеждениям в делах серьезных никто не властен; все связаны безгласной и незаконной взаимной зависимостью, потому что все тут основано на слухах, догадках, т. е. на привычке угождать всякому, кто мог бы распустить невыгодный слух, если бы человек ему не угодил.

Сравните практическое заключение {председателя Редакционных комиссий о сообщении «Трудов Комиссий»} губернским предводителям и губернаторам с теоретическим {стремлением председателя} призвать всю Россию к участию в этих трудах и давать отчет о них целой России — {вы увидите} бюрократизм: начинают

¹ Далее Чернышевский, обращаясь к своему адресату, спрашивает: «разве начальники губерний и губернские предводители дворянства целая Россия? Разве суд их — общий суд целой России? Разве отчет перед ними, — отчет перед всею Россией?» Это место усиленно отчеркнуто Марксом в принадлежавшем ему экземпляре «Писем без адреса» (см. Приложение к тому, стр. 193).

тем, что видят надобность чего-нибудь существенного и великого, а делают лишь нечто маловажное, только формальное.

Мнения губернаторов и губернских предводителей никак не могли придать новой силы правительственному делу; губернаторы имеют только силу, заимствованную от правительства. Они не имеют значения, независимого от правительства; отсюда {не могло иметь} самобытного веса и их мнение. Таким образом {Редакционные} комиссии никак не могли найти в них подкрепления, в котором они нуждались. То же относится и к замечаниям {этих лиц на труды Комиссий}. Губернаторы смотрели на дело с правительственной точки зрения, подобно самой Комиссии, а губернские предводители могли делать замечания только с помещичьей точки зрения, которая уже и без того была больше чем достаточно знакома Комиссиям. Итак, Редакционные комиссии принуждены были работать без критики и пр. с чьей-либо стороны.

Таков бюрократический порядок. Созываются люди, чтобы рассмотреть дело; но с первого же раза им предлагают заключения, которыми уже решается все дело; а ведь оно еще не рассмотрено ни ими, ни лицом, предлагающим эти решения. И эти лица *тут же* принимают предлагаемые им решения. Они только каменщики при стройке, хотя те, которые созывают их, приглашают их обсудить план (здания). Как произошла такая перемена в их назначении? Этого никто не знает. Никто этого не хотел. Она произведена

148 || || силой бюрократического порядка, противодействовать которой не в силах никто, хотя бы он и стоял во главе всего управления.

Думал ли кто-нибудь в высшем правительстве о том, что *крепостное* право** должно быть *сохранено* при *провозглашении его отмены?* Никто {этого не хотел} в высшем правительстве. Председатель {Редакционных} комиссий этого тоже не хотел. Не хотели и члены Комиссий. А что мы видели с первого заседания? {Редакционные} комиссии начали свою работу принятием принципа: *при провозглашении освобожденная крестьян крепостное право должно быть сохранено*. Вот подлинные слова журнала (заседание 5 марта):

*«Обязательные барщинные повинности и при срочно-обязанном положении будут составлять все-таки вид крепостного права»*¹. (Это говорит председатель.) (*Барщина* — Frohndienst.*) Члены Комиссии соглашались и вносят это в журнал для неперменного руководства...

Председателю Комиссии показалось по какой-то догадке, что хочет этого какое-то лицо, которому необходимо угождать; членам Комиссий показалось, что слова председателя {служат} выраже-

¹ Цитата приведена Марксом по-русски, а затем по-немецки.

нием неизменного решения высшего правительства; а высшее правительство, увидев такое решение Комиссий, убедилось, что нельзя уничтожить крепостного права, если даже специалисты, и притом известные противники крепостного права, решают, что надобно сохранить его.

149 || Точно так же {определились} и все другие черты* дела: выкуп земель не обязательный, а по добровольному соглашению и пр.

V

Несмотря на обещанную гласность, я целые два года даже не видывал изданий трудов Комиссий: так мало было их обращение между публикой.

Один отдел этого издания — в $\frac{1}{8}$ долю листа — {содержит в себе} материалы, более или менее переработанные самими Комиссиями;

другой отдел — в $\frac{1}{4}$ долю листа — под названием «Приложений* к трудам* Комиссий*» {заключает в себе} статистические данные о помещиках¹, имеющих более 100 душ. (Тут обозначены: имя владельца и поместья, количество душ и тягол в каждом поместье, общее количество земли при поместье, количество каждого рода угодий, размер повинностей и пр.) Этот второй отдел Чернышевский успел получить раньше, {чем достал первый отдел}. На основании его он составил себе понятие о том, какая перемена производится Положениями в существовавшем (*крестьянском*) наделе земли и в повинностях, *отбываемых** (*отрабатываемых барщиной*) или платимых крестьянами помещику. {Работу свою} он ограничил великорусскими губерниями... Цифры эти наполняют четыре тома. Он взял в каждом только некоторые уезды, *представляющие собой некоторые средние условия*². Он берет только те уезды, в которых общее число крепостных свыше 10 тыс. душ. Таким образом осталось у него *175 уездов**. Из них он взял те, которыми будет начинаться каждый десяток, т. е. первый уезд*, {одиннадцатый уезд}, двадцать первый уезд, и т. д.

150 || Таким образом он взял для разработки цифр *18 уездов**.
Общее число {душ} в *оброчных** *имениях**, по всем 18 уездам*:
125 324 души.

Прежний надел* их показан в *419 406¹/₂ десятин** (*десяти* * *десяти* * *на это участок земли в 2400 квадратных сажень*).

¹ У Чернышевского: о поместьях.

² У Чернышевского: «чтобы судить по ним о всем целом».

Всего оброка {за этот надел} при крепостном праве платили они помещикам: *842 728 руб. 50 к.*

Таким образом, в среднем бралось с крестьян за одну десятину* надела* *2 руб. 9 к.*

После освобождения по *Положению*, из прежнего надела должно отойти к помещику:

101 767³/₄ десятины.

Остается за крестьянами: *317 638³/₄* десятины.

За них установлен оброк: 731 346 руб. 80 к.

То есть, за каждую десятину земли своего надела крестьянин должен по новым правилам платить *2 руб. 30¹/₂ к.*

Иначе сказать, по новым Положениям освобождаемые крестьяне должны платить *помещику* 1 руб. 10 к. вместо каждого рубля, который платили ему при крепостном праве.

К ВОПРОСУ ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Власть взялась за исполнение дела, не ею придуманного, говорит Чернышевский в «Письмах* без* адреса*» (*написанных им в 1862 г.*), изданных в Цюрихе в 1874 году.

«Она выполнила дело, {придерживаясь} своих привычек: 1) *бюрократического характера* действий; 2) *пристрастия к дворянству*» (стр. 25). Дело начато было с желанием требовать как можно менее пожертвований от дворянства. С другой стороны, бюрократия по самой сущности своей занималась, главным образом, *формалистикой** (25, 26). Крепостные крестьяне не поверили, чтобы обещанная им «воля» была ограничена теми *формальными* переменами, какими ограничило ее *бюрократическое решение*. Отсюда *столкновения* между крепостными крестьянами и *властью** и сцены, которых нельзя было видеть хладнокровно. Страна подверглась *смутам** и опасается новых {смут} (27). В массе других сословий (помимо дворянства и крепостных крестьян) заметили, что в старом¹ порядке находятся черты, пагубные² для всех сословий. Они объединились в желании *уничтожить*³ эти черты (27, 28). Гнет административного произвола, плохое судоустройство, путаный формализм законов; дворянство страдало от этого, как и другие сословия. Таким образом открывался ему путь найти (*помимо царского престола*) {нужную для него} *опору*. Оно сделалось *представителем стремлений к реформам, нужным для всех сословий* (28). Вот каково положение теперь [*именно в 1862 году*] (там же). *Большая часть дворянства* считает при этом *уничтожение крепостного права* уже совершившимся фактом (29). В этом отношении речь идет для него уже только о *размере выкупа**... В отношении *общих реформ* {дворянство} — представитель {других сословий}, потому что при нынешнем порядке

¹ У Чернышевского: *настоящем*.

² У Чернышевского: «*невыгодные*».

³ У Чернышевского: *изменить*.

оно одно обладает организацией, дающей ему возможность выражать желания (29).

*В прошлом году смуты** в Варшаве, *смуты* внутри России*, таинственное появление программ, небывалое движение молодежи в самом Петербурге, слухи о *требованиях, предъявленных дворянством* и т. д. (32).

Затем {Чернышевский} говорит о *многотомном издании {материалов} Редакционных комиссий* по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Он, говорит, их не читал. Вот что удержало его от чтения: *4 марта 1859 г.* Редакционная комиссия открыла свое {первое} заседание (только подготовительное); *5 марта* первое настоящее заседание; председатель предложил *9 основных пунктов* в качестве руководящих; остальные 10 членов — все выразили свое с ним согласие, как люди, на все говорящие да. *Для Чернышевского этого было достаточно* (стр. 34 и последующие).

5 марта 1859 г. председатель высказывает свои мнения (9 пунктов) как свои личные мнения, которые «не бесполезно было бы принять к соображению», а

20 мая 1859 г. он *поет* уже другое¹: «*Выкуп крестьянской земли, как уже было мною изъяснено, должен быть на основании высочайшей воли не обязательный, а полюбовный, т. е. выкуп* не может происходить без формального согласия помещика* продать, а крестьянина купить поземельные* угодия*, за исключением усадеб*, продажа коих обязательна для тех помещиков, которые не изъявят согласия на продажу угодий* полевых**» (стр. 39).

Но затем он все-таки снова прибавил, что каждый может свободно высказать свое мнение, что Комиссия имеет право изменить их, что он вносит свои предложения не на основе решений финансовой комиссии и т. д. (стр. 40)².

6 апреля 1859 г. председатель открыл, что общественное мнение тоже имеет некоторое отношение к этому делу; он говорит, что занятия эти составляют «дело всей России» и т. д. Комиссия-де — обязана дать России отчет о своей деятельности; «необходимо призвать на помощь общее участие» и т. д. (стр. 46, 47). «Вследствие {всех} этих соображений председатель полагал бы полезным: 1) все журналы и труды Комиссий печатать в значительном количестве экземпляров; 2) напечатанные экземпляры рассылать членам Главного* комитета*, министрам и главноуправляющим департаментов, гене-

¹ У Чернышевского: «он уже выражался следующим образом».

² У Чернышевского: «все эти мои соображения я не предлагаю в основу суждений финансовой комиссии».

рал-губернаторам, начальникам губерний и губернским предводителям дворянства и пр. (47, 48); 3) всех означенных лиц предварить, что подлежащие обсуждению Комиссией вопросы будут *разрешаемы* не ранее прибытия членов*-экспертов*, а затем труды Комиссией будут *предъявлены* депутатам губернских* комитетов для сообщения замечаний и с их стороны; 4) просить всех лиц, которым будут рассылать такие *труды*, сообщать свои замечания к определенному сроку, по возможности кратко, на особом по каждой главе листе» и т. д. (стр. 48).

Значит эти господа — министры, генерал-губернаторы, предводители дворянства — вся Россия?

Что же получилось из этой бюрократической процедуры? С самого начала, говорит Чернышевский, «*при провозглашении освобождения крестьян от крепостного права*» было заявлено «*о его сохранении*» (53) и это уже на *первом* настоящем заседании *5 марта 1859 г.*, когда председатель сказал: «*обязательные барщинные повинности и при срочно-обязанном положении будут составлять все-таки вид крепостного права*» (54). Члены Комиссии (10) тотчас же согласились и внесли это в журнал, приняв к неукоснительному *руководству* (54). Труды Комиссии состоят из 2-х отделов: во-первых, *материалы*, ею более или менее обработанные; 2) *приложение: статистические данные о поместьях**, имеющих более 100 душ. Тут обозначены: *имя владельца и его поместья*, количество душ и *тягол* в каждом поместье, общее количество земли при поместье; количество каждого рода *угодий**, входящих в эту общую цифру, величина существовавшего *надела* и размер повинностей, отбываемых или платимых за него (56).

На основании 2-го (статистического) отдела Чернышевский вычислил, что раньше с крепостного крестьянина за одну десятину надела бралось 2 руб. 9 к., а по новым положениям «освобождаемые» {крестьяне должны платить помещику} 2 руб. 30¹/₂ к., иначе говоря, на каждый рубль — лишних 10 копеек.

А. КОШЕЛЕВ*. «НАШЕ* ПОЛОЖЕНИЕ*».
(Берлин, изд. Бера. 1875.)

[*В предисловии:* Более двенадцати лет никто ¹ не печатал за границей, потому что можно было печатать у нас, на Руси. За границей автор печатает только из крайней необходимости; автор не коммунист, не революционер, не оппозиционер по своей склонности: годы, состояние, общественное положение автора защищают его от подобного обвинения; по настроению он даже не пессимист, но нынешние обстоятельства не позволяют молчать.]

I. Наше положение вообще

Наше положение тяжело, весьма тяжело — в этом согласны все (1). Сборы и налоги все более и более ложатся на нас, государственные расходы страшно увеличиваются и разнообразятся; никакой равномерности в первых, никакой производительности в последних (4). Наши денежные дела все более и более затрудняются, отчасти вследствие неопределительности нашей денежной единицы, отчасти в особенности вследствие произвольных (*deus ex machina*) распоряжений министерства финансов (5). Но мы имеем сейчас банки и денежные и поземельные (там же). Благосостояние сельского населения скорее ухудшилось, чем улучшилось; но крестьяне продолжают пьянствовать, а землевладельцы вместо того, чтобы посвящать себя нелегкому делу сельского хозяйства или местной деятельности, предпочитают жизнь в городах, занимаясь государственной службой или частной и компанейской спекуляцией акциями (6). Теперешние посредники *, в отличие от первых ², своевольничают, воскрешают память

¹ Кошелев в предисловии говорит: «Более двенадцати лет я ничего не печатал за границей».

² Кошелев сравнивает посредников 70-х гг. с посредниками первых пореформенных лет. Маркс в своем конспекте это сравнение опускает.

о действиях прежних бесчестных помещиков* и побуждают старшин* и старост* к противозаконным действиям (6, 7).

«Несмотря ни на что» он¹ находит, что положение лучше, чем оно было до 1855 (8).

Отчего даже люди, пережившие прежнюю эпоху, все же предпочитают ее теперешней? Откуда отчаяние молодого поколения? (8.) Люди свыкаются с тюрьмой, но когда их после освобождения опять загоняют туда по произволу тюремщиков, то это убийственно, необычно (8, 9).

Это — разочарование, наступившее в результате только частичного исполнения первоначальных обещаний. Для выпущенной из тюрьмы России уже наступила новая эра (9). *[Эти выпуски только тогда дословны, когда это обозначено кавычками.]*

80 || Дарованные законы, права и учреждения окольными путями, законодательными и административными, истолковываются неправильно, искажаются, задерживаются, переиначиваются в свою противоположность, «под словами новыми удерживалось недоброе старое». Он возлагает вину на *бюрократию* (10).

II. Наше положение в общественно-гражданском* отношении

Общественно-гражданская жизнь возникла у нас с учреждением губернских* комитетов по улучшению быта крестьян (11). «Тогда впервые собрались люди для обсуждения* важного общественного и государственного дела» (12). Русская мысль пробудилась от сна. Такого оживления у нас еще не бывало... Но эта минута была коротка; в высших сферах испугались избытка проявлявшихся жизненных сил (там же). Русскую мысль удалось опять усыпить и сделать ее немой (там же). *Митингов* не бывает; они *даже* запрещены (там же). *Клубы* — для веселого времяпрепровождения; других нет (13).

В России бывали раньше «народные* веча» (*совещательные народные собрания*), не только равноправные с князем*, но имевшие даже власть, превышавшую права* княжеские* (16). Впоследствии, когда земля русская соединилась воедино и расширилась, когда власть царская не только усилилась, но и сделалась неограниченной, установились соборы* (*собственно говоря*, синоды*), по временам созывавшиеся царями. Тут выборные от народа высказывали свои мнения по предложенным от правительства делам, заявляли о народных нуждах и составляли приговоры; но цари решали по своему усмотрению (17). Затем произошли в Западной Европе и в России коренные перемены, — и в напра-

¹ Кошелев.

влениях противоположных. Там права человека все более и более признавались *и т. д.*, здесь, наоборот, усилились права правительства; там гражданское и промышленное развитие, здесь народные* способности* и всякая самобытность* подавлялись (17, 18). Спасло Россию вторжение французов (*при Наполеоне I*), как позже Крымская война. «Хотя и горько сознаться, но грешно таить: бедствия всего благотворнее на нас действовали и они именно спасали Россию» (19)¹. Но было бы глупо надеяться на то, что в тяжелые дни Россия опять сольется воедино. Нет*!.. Уроки, даваемые провидением, многократно не повторяются; кроме того, теперь Европа, за исключением России и Турции, конституционна, т. е. везде там народ перестал быть только пассивным материалом, а является товарищем правительственной власти, носителем нравственных, умственных и физических сил и богатств *и т. д.* (там же)².

11 || Со времени освобождения крестьян и других реформ 60-х годов «произвол помещичий* уничтожен; но произвол административный и законодательный остается в полной силе; вообще произвол господствует у нас во всех высших и низших слоях нации и во всех отношениях людей между собой» (21).

Губернскими предводителями* дворянства избираются* состоятельные люди, живущие недалеко от губернского города и склонные отстаивать интересы дворянства. *В председатели губернских управ* назначаются* люди, *и мушкетерное положение*³ которых позволяет им проживать в губернском городе (23). *Ни те, ни другие не представляют мнения страны.* Уже при составлении *Положения** 1861 *и т. д.* обнаруживалась рука враждебных делу людей. Так, например, они сгоняют (*стр. 30 и 31 Положения* о земских* учреждениях**) выборных от крестьянских общин в одно место, где они должны назначить 5, 6, 7 и более депутатов (гласных*), словом, всех депутатов, полагающихся на участок* [*охватывающий несколько волостей; таким образом, уезд* опять делится на участки**]. Известно, что крестьяне разных волостей мало между собой знакомы; а потому они, при таком порядке, выбирают тех, кого им указывают посредники*; а сии последние всегда рекомендуют старшин*, которые находятся у них в зависимости и которые, вследствие того, в земских* собраниях* суть их покорные слуги. Кроме того, согласно Положению*, выбор гласных* производится под наблюдением *мировых судей.*

¹ Вся фраза после двоеточия написана Марксом по-русски.

² На этом Маркс прерывает конспект, написав: «Смотри окончание в тетради с выписками из Бакунина и др.». Далее дается перевод рукописи из названной тетради Маркса.

³ У Кошелева речь идет о «домашних обстоятельствах».

Правительство продолжает производить выборы под руководством *посредников**, которые пользуются этим правом без всякого зазрения совести для опутывания крестьян и простых поселян. В *уездных и губернских земских собраниях председательствование поручается предводителям* (по вышеупомянутому Положению* ст. 43 и 53), выбираемым только дворянами для собственных дел дворянства — для заведывания опеками, для защиты дворянских интересов и пр. Часто они оказываются весьма плохими председателями. Далее для *законности* земских собраний требуется одна треть голосов; в губернских собраниях это особенно вредно. В Петербурге и Москве для законности думских собраний признано достаточным присутствие одной пятой части гласных*. Теперь часто гласные*, даже съехавшиеся в губернский город, делают утром визиты и занимаются своими делами, надеясь на то, что раньше часа или двух никогда не собирается законное число гласных (примечание к стр. 25).

В проекте о податной реформе, недавно разосланном всем губернским* земствам*, в которых дворянство постоянно {составляло} громадное большинство, правительство ограничивалось изменением способа раскладки податей, не расширяя круга плательщиков; но земство* единогласно признало несправедливость существующей системы и потребовало обложения *всех* граждан налогами в пользу государства (28, 29).

Для того чтобы судить о деятельности земства*, следует сначала учесть условия, в которых началась его деятельность. В каком положении находились дела, переданные ему государственными чиновниками? Чиновники обращали особенное внимание на *мостовое дело*, но и оно было в жалком состоянии, и злоупотребления при* перевозах* 12 || были вопиющими; || *дорожная* повинность** была источником поборов, которыми крестьяне откупались от обязанности напрасно тратить свое время, лежа на дорогах и ковыряя там землю; *подводная* повинность** (*повинность, относящаяся к извозному делу*) поставлена была так, что, по приказам местного суда, не ездил на обывательских лошадях только тот, кто не хотел пользоваться этим способом передвижения¹; уездные больницы были пусты, а больные, попадавшие туда случайно, считали себя более под арестом, чем на излечении; уездные врачи ездили разве только на освидетельствования находимых по местам трупов и к тем больным, которые платили за визиты; сельских школ вовсе не было в заведывании администрации, даже в казенных селениях они существовали только на бумаге, а в помещичьих они находились в полном распоряжении тех немногих помещиков*, которые уделяли на них *по своему усмотрению*

¹ Вся фраза, начиная со слов: «не ездил...» у Маркса написана по-русски.

излишки от своих доходов. Первые земские* собрания* не имели никаких данных для исполнения возложенных на них задач; сведения, которые они получали от губернских правлений и судов, могли возбудить удивление и смех гласных*, но отнюдь не послужить к их назиданию. К тому же административные власти относились почти везде весьма недружелюбно к новым общественным учреждениям и старались затруднять их работу и сбивать их с толку. А потому первые годы были посвящены собиранию статистических сведений и отпору неуместным притязаниям со стороны прежних распорядителей, ни в коем случае не желавших выпускать¹ из своих рук разные выгодные статьи; {земские собрания} старались прежде всего устранить злоупотребления из дел, но без значительных улучшений (29—31). Затем к этому присоединились многие более существенные обстоятельства, ухудшившие положение земства.

21 ноября 1866 года было обнародовано высочайше утвержденное мнение Государственного совета, воспрещающее облагать торговые и промышленные свидетельства и билеты, а также патенты на винокуренные заводы и питейные заведения, иначе как процентным отношением к казенной* стоимости* этих документов. Если бы правительство определило стоимость документов известной суммой капиталов, ими представляемых, и допустило бы обложение этих капиталов общим процентом земского* обложения*, то подобным постановлением оно оградило бы промышленность и торговлю, находящихся в земских* собраниях* в меньшинстве, от чрезмерных обложений со стороны большинства, но единство в земстве* не было бы нарушено. Законом 21 ноября правительство, наоборот, до некоторой степени откололо от земства торгово-промышленное сословие. Самый высший, допущенный законом, процент обложения свидетельств, билетов и патентов *крайне* низок; поэтому эти документы облагались всегда по высшим ставкам. Таким образом, купечество и промышленники утратили всякий интерес к одному из самых важных дел земства* — к *повышению и понижению земского* обложения*. Зная, что выше они обложены быть не могут и что ниже их не облажат, они стали голосовать за всякие расходы и сделались совершенно равнодушными к сбережениям и к улучшению земского денежного хозяйства. Этот раскол в земстве* очень вредно отразился на ходе его дел (31, 32).

Еще более чувствительный удар нанесли земским учреждениям два других постановления от 13 июня 1867 года. *Правила о порядке производства дел в земских**; дворянских и городских общественных и сословных собраниях предоставили председателям {этих собраний}

¹ У Кошелева: «весьма неохотно выпускавших».

13 || почти диктаторскую власть. Они определяют очередность || занятиям собрания, самопроизвольно прекращают прения и приказывают собранию перейти к обсуждению следующего предмета. Им предоставлено право лишить гласного слова по любому вопросу, по которому, **по их мнению**, гласным допущено нарушение порядка, и устранять всякое предложение одного или нескольких гласных, которое председатель считает противоречащим закону или выходящим из круга предметов ведомства собрания. Председатель, допустивший постановление, выходящее из пределов, ограничивающих ведение собрания, или не исполнивший требования губернского начальства об устранении присутствия посторонних лиц или допустивший какое-либо другое существенное нарушение законного порядка в собрании, подлежит по степени его вины, одной из мер взыскания, определенных ст.* 65 *Уложения** о наказаниях, т. е. более или менее строгому выговору, удалению или снятию с должности. При таких условиях председатель подавляет всякое свободное движение собрания (32, 33). Это удаляет гласных от собраний в большей мере, чем что-либо другое (34).

Второе из упомянутых постановлений запрещает печатать что-либо о земских* собраниях* без разрешения местного губернского начальства. **Это уничтожило всякую самостоятельность собраний и сделало их полностью зависимыми от губернаторов.** Но оно еще вреднее отозвалось на земстве* вообще. В первые годы все образованные люди принимали участие в земских совещаниях. Повременные издания, ежедневные и месячные, {печатали отчеты об этих совещаниях}, оценивали их действия и т. д. Корреспонденты писали об этом для больших газет и т. д. Таким образом устанавливались *соревнование* и связь между земствами* разных губерний и уездов, общественное мнение контролировало их деятельность. После упомянутого постановления все корреспонденции о земствах* подвергаются предварительной цензуре губернаторов; в результате корреспонденты замолкли окончательно. А журналы собраний перестали интересовать публику, ибо знали, что губернаторы почти безапелляционно вычеркивают из них все, что им не нравится. Жалобы на это министерству внутренних дел были бесполезны; наоборот, Петербург всячески поощрял произвол начальства в отношении земства* (34, 35).

[*Примечание к стр. 35. Сапожковское* земское* собрание* осталось при прежнем своем мнении по одному постановлению*, опротестованному губернатором. Доклад комиссии, утвержденный собранием, вместе с мнением губернатора, был представлен первому департаменту Сената, который нашел, что протест губернатора не имеет законного обоснования и приказал дать законный ход постановлению*

земского собрания. Губернатор запретил печатать в журнале собрания что-либо относящееся к этому делу. На следующий год земское* собрание* пожаловалось на это министру внутренних дел; министр полностью согласился с губернатором, и дело осталось без последствий.]

Неудивительно поэтому, что при таких обстоятельствах все мыслящее и интересующееся общественными делами население России охладело к земскому* делу*. *Упадок земства* (35). Если земство* еще живет, то это только по милости отдельных лиц (36).

14 || Относительно *городского самоуправления* нельзя сказать ничего утешительного; особенно о самоуправлении в уездных городах. Здесь вина лежит всецело на самих людях. Прежде (*при Николае*) *городские думы** были в полной зависимости от губернских правлений и не могли ничего делать без утверждения последних. Теперь они могут хозяйничать по своему усмотрению. Правительство не дало городам больших прав без их на то желания, но предоставило им самим просить о введении у себя нового городского положения. Утомленные опекой губернского правления города один за другим ходатайствовали об этом; но, получивши эти права, они в большинстве своем не могли с ними справиться. Основная причина: *недостаток интеллигенции среди городского населения*. Большинство избирателей в городах принадлежит к *купечеству*; а оно не только в уездных, но и в губернских городах, до крайности мало развито. Права получены; дела много, а людей способных их вести мало, очень мало; а потому упреки сыпятся на думы и управы; вообще заметно равнодушные в отношении дел городского самоуправления (36, 37).

Говорят, что мы русские не настойчивы, {что мы}, пылкие вначале, быстро остываем и т. д. *Но — но!* «Нам вначале дают на бумаге {как будто} большие права, действительные права. Потом идут урезки, разъяснения, истолкования, ограничения, и на деле от дарованного остается мало и даже очень мало. Кроме того агенты правительства, *plus royalistes que le roi* {более роялисты, чем сам король}, стоят за абсолютный произвол *и т. д.* Так было с земскими* учреждениями*, судебной реформой, законом о печати и т. д. (37, 38). Кто тут виноват, тот ли кто остывает или тот кто остужает? (38.)

Участие в отправлениях правосудия. Залы не только общих судебных учреждений, но и съездов мировых судей редко бывают без посетителей. В местах постоянного пребывания *окружного** суда все более или менее важные дела привлекают большую аудиторию; в уездных* городах, где окружной суд бывает только временно, все заседания переполнены людьми всех состояний. Люди хотят знать, как дела действительно производятся; в особенности люди из низших слоев народа. Обязанности присяжных заседателей и участ-

ковых* мировых судей *в конце концов* нелегки; по большей части они исполняются весьма добросовестно, как следует быть. Мы знаем, что худшая часть журналистов, крепостники, *люди, пережившие свой век*, и в особенности чиновники *из богатых слоев*, нападают на присяжных заседателей, упрекая их в чрезмерной снисходительности к преступлениям и проступкам, а мировых судей в тенденциозности их решений. Первый упрек вполне устранен статистическими данными, показывающими, что у нас менее оправдательных приговоров, чем в любой другой стране и чем их было у нас самих в прежнее время. Крестьяне скорее более строги, чем снисходительны. А если при явном совершении проступков, присяжные иногда выносят оправдательные приговоры, то вина тут лежит на *Уложении* о наказаниях*, которое определяет кары, несоразмерные {с тяжестью} содеянных проступков, и тем вынуждает присяжных предпочитать ложь совершению явной несправедливости. Из двух зол выбирают меньшее. Действия суда присяжных говорят в пользу русского человека, хотя он и неопытен. Что касается второго упрека, то мировой судья склонен несколько, *как мы все*, к произволу и к недостаточному уважению закона (открытые примеры этого каждодневно даются низшими и высшими чиновниками); обвинять же мировых судей, не в виде исключения, а *в общем*, в тенденциозности в ту или другую сторону, значит сваливать вину с большой головы на здоровую. Этим укороткам хотелось бы без всяких выборов передать обязанности мировых судей || крупным землевладельцам или назначаемым администрацией чиновникам. Первые будут или гораздо более пристрастны, чем теперешние, — если они воспользуются уроками своих наставников, — или, что более вероятно, вовсе не будут заботиться об отправлении судебных дел; сословные инстинкты у нас не в крови, богатые люди не привыкли постоянно жить в деревне, непрерывное жертвоприношение в пользу привитых убеждений противны практическому смыслу русского человека. Но мировые судьи, назначаемые правительством, были бы чиновниками без всякой связи с населением и под исключительным контролем отдаленной центральной власти... Этот опыт, в силу необходимости, был получен при замещении в западных губерниях вакантных должностей мировых судей судьями, назначенными правительством... Желательно понижение ценза мировых судей, распространение их ведомства на дела крестьян и т. д. В целом институт мировых судей у нас устроен так, что лучше его устроить нельзя. Народ в общем к нему весьма расположен (39—42).

[Примечание к стр. 42. Министр юстиции как будто предложил Государственному совету продлить срок службы мировых судей до

6 лет вместо существующего сейчас срока в 3 года. Кошелев, состоящий председателем мирового съезда* со дня его возникновения, т. е. восьмой год, считает это вредным. Устранение влияния общественного мнения на судебные учреждения было бы вредно. Многие молодые люди, избранные мировыми судьями, оказались лучше старых, прежде избранных судей. Оценка их трехлетней деятельности производится земством, т. е. всем населением, а не одним сословием. Выборы (посредством перебаллотировки земства*), {повторяющиеся} каждые три года, весьма полезны для оживления и укрепления этого института.]

Печать. Даже внутри круга нашей *единственной* гражданской деятельности — местные земские учреждения, мировой суд и участие присяжных заседателей в уголовных процессах — свобода печати исключительно ограничена (*или вернее ее нет совсем*), так как корреспонденции о действиях земских* собраний* и отчеты о постановлениях и прениях, в них происходящих, не могут быть напечатаны без разрешения местного губернского начальства. Мы в этом отношении всецело находимся в зависимости от губернаторов и под самым бдительным, но в такой же мере вредным, надзором. Наши помпадурь* (*как Щедрин* называет чиновников*) всегда склонны наложить печать {запрета} на уста и перья жителей той местности, где они царствуют; к этому надо прибавить их ответственность перед высшим начальством, которое, при малейшем снисходительном пропуске статей к напечатанию заподозревает своих агентов в либерализме, социализме и т. д. Таким образом, в собраниях мы связаны по рукам и ногам диктаторскими правами председателей, а в печати — полным произволом губернаторов. Официальные журналы собраний, печатаемые в ограниченном количестве (по числу гласных*) по прохождении через губернаторскую цензуру становятся такими сухими и жалкими, что их почти никто не читает (43, 44). Без гласности общественные дела не могут быть доведены до общего сведения (45). Наше правительство *высказалось* за закон о самоуправлении областей в европейском смысле, а *действует* по *турецкой* системе управления провинциями (*пашалыки*), что вызывает неудовольствие и ропот в народе (там же).

16 || III. Наше положение в административном отношении¹

«Бывшие у нашей администрации в зародыше, в естественном, так сказать, виде пороки и недостатки развились (*в отличие от времен Николая*) при помощи позаимствованной цивилизации, укрепились, были обобщены и приведены в полную систему» (47).

¹ Название раздела книги Кошелева написано Марксом по-русски.

Кажется, что чиновников, берущих *взятки*, теперь стало меньше. Повышение окладов, самая малость допущенной в печати гласности, хотя и незначительный подъем образования, боязнь лишиться должности сократили количество грубых взяточников. Но количество денег и других вознаграждений, идущих в карманы чиновников (особенно крупных), в настоящее время бесконечно значительнее, чем когда-либо. Прежде {брали} гроши и рубли, теперешние же цивилизованные администраторы не гнушаются тысячами и десятками тысяч, особенно в виде паев*, акций или постоянных окладов от банкиров и банкирских контор, железнодорожных и других обществ. {Наши администраторы} не отличаются от современных, особенно наполеоновских и австрийских, государственных деятелей по части игры на бирже; в этом отношении они идут в ногу с веком. В действительности *взятки** только видоизменились и вместо того, чтобы уменьшиться, они все более и более увеличиваются в объеме. Прежде воздух был чище в верхних слоях администрации, смрад и душливость сосредоточивались внизу; а теперь — наоборот. Отдельные люди страдают теперь меньше, массы — больше, вследствие распоряжений железнодорожных и других промышленных управлений, которые в этом случае не грабят*, а только эксплуатируют за ними утвержденные точные или неточные статьи уставов. В этих {постановлениях} встречаются такие пункты, что не знаешь чему приписать их допущение и одобрение: слепоте ли лиц, рассматривавших эти уставы в проектах, или чему-нибудь худшему? А между тем от этого страдают люди в торговле, промышленности и в других отраслях общественных сношений (48, 49).

Произвол наших администраторов едва ли когда был настолько сильным и всеобъемлющим, чем в настоящее время. Прежде их действия были более созвучны строю тогдашних порядков. Тогда было больше грубого произвола и надувательства в отдельных случаях, но администраторы знали, что они грешили. Теперь наши администраторы считают своим долгом проявлять где только возможно свою власть, думая таким образом охранять и утверждать священные права самодержавия. Им дела нет до лиц, особенно, если у последних нет связей в Петербурге, для них не существует частных страданий; для них важны *только* их руководящие принципы и пуще всего — воззрения и желания их высшего начальства. Законы — для управляемых; для них — {администраторов} — циркуляры и конфиденциальные предписания и т. д. Начальство бесконечно важнее, чем кодекс законов или опубликованные указы (49, 50). {Циркуляры и предписания} сообщают немногим посвященным настоящие тайные взгляды *и намерения* правительства. Законы для них являются *всегда* удобным арсеналом, из которого они в случае нужды извлекают ору-

жие [*против неудобных и пр.*]; но воля правительства для них *supreme lex* {высший закон}. Частные лица часто страдают от этого; но произвол направлен теперь *пристрастно и тенденциозно* против земских и городских учреждений. В этом отношении администраторы, в особенности губернаторы, действуют неудержимо, со страстной ненавистью к учреждениям, мечтающим на основании закона быть самостоятельными и на том же основании установить границы административному произволу. На эту борьбу они тратят все свои силы как по влечению своего сердца, а еще больше — в надежде заслужить благоволение своего начальства. Они не считаются с указами Сената. Сенат пожалуй сделает замечание, но начальство именно за это сочтет их вполне «благонадежными»¹, а это важнее. Нельзя винить низших и средних чиновников, когда они в своем усердии теперь иногда идут дальше, чем желательно высшему начальству. Но губернаторы, исправники* и пр. знают, что, если они в своем усердии в нарушении законов зайдут даже слишком далеко, то им приличия ради сделают замечание, за которое они будут потом вознаграждены; а за недостаток рвения и за малейшее послабление общественным учреждениям (земствам* и пр.) они зачисляются в разряд «неблагонадежных» и часто лишаются своих мест. *Они знают поэтому откуда дует ветер.* Наши чиновники* в большей своей части люди, живущие на одном своем жаловании и для них, часто обремененных многочисленными семействами, служба есть вопрос жизни и смерти (50, 51).

17 || Угодливость* начальству всегда была характерной чертой нашего || служебного люда, || но крайность, до которой она дошла в последнее время, просто поразительна. *В высших сферах правительства* самым дурным свойством подчиненных считается стойкость в убеждениях и в характере. Такие люди получают эпитет «неблагонадежных» и «беспокойных». При первом удобном случае их лишают места. Идеальным чиновником является тот, для которого воля начальства заменяет совесть, который всегда готов выполнить любой приказ. Прежде были у нас очень приличные люди в верхних, в средних и даже в низших сферах чиновничества. Мы это знаем из личного опыта. А теперь? Высшие сановники дают пример постоянной готовности действовать против своих убеждений. Удержаться на своем месте, получать *деньги*² и пользоваться другими, связанными с высоким саном, выгодами является теперь единственным руководящим принципом (52, 53).

¹ Слово «благонадежными» Маркс взял в кавычки. У Кошелева кавычек нет.

² У Кошелева: ленты.

Издавна бумаги и номера играли важную роль в нашем управлении: и недаром кто-то назвал Россию бумажным* царством*; но прежде администраторы все же сохраняли некоторую связь с действительностью. Они осведомлялись лично и путем расспроса других лиц и т. д. Этого сейчас никто больше не делает — ни губернаторы, ни министры (53—58).

[Забавны вообще официальные статистические данные (собранные полицией и иными учреждениями), в особенности данные об урожаих. На основе этих сведений у нас почти везде урожаи средние, а недородов или переродов почти нигде нет; в действительности у нас всего более недородов и переродов. В таком же положении сведения относительно количества скота и о скотских падежах.

Примечание к стр. 56.]

Недостатки и пороки нашей администрации едва ли не достигли пределов возможного. Основная вина в следующем: вследствие освобождения крепостных и сопровождавших это освобождение реформ, весь наш быт изменился, между тем как устройство и способы действия администрации, самой подвижной части государственного организма, остались почти одни и те же и не подверглись почти никакому изменению, соответствующему требованиям обновленного нашего быта (58).

Уездная полиция — в лице одного исправника*, с двумя или тремя становыми приставами и с толпой безграмотных* сотских и десятских, избираемых крестьянами из своей среды или ввиду их бедности, или в наказание, или из-за негодности на другое дело, — бессильна для защиты личных и имущественных прав жителей уезда. Воровство, грабежи, поджоги, убийства и пр. увеличиваются, а полиция не имеет средств для принятия предупредительных мер против этих преступлений. Она также не в состоянии надлежащим образом исполнять приказания начальства, и поэтому за свои вольные и невольные упущения она мучает несчастных крестьянских избранников и позволяет себе направо и налево всякого рода произвольные действия. Ходят слухи, что предложено организовать разъездные полицейские команды или конные стражи; но наши пространства так огромны и одновременно так мало населены, что пришлось бы использовать одну половину населения как полицейских агентов против другой половины (59).

Власть губернаторов нужно расширить, но не в отношении низовых общественных учреждений, а в известных рамках против центральной власти Петербурга (61). (Именно, для действительно местных дел.) Но прежде всего необходимо заставить их уважать закон (там же). Сейчас {у нас} турецкие пашалыки (там же).

Прежде всего нужно уничтожить режим министерского произвола (62).

На Руси многие думают, что достаточно приказать человеку быть тем-то и что он действительно тем и становится. Так в старые годы бывало прикажет помещик* своему кучеру или камердинеру в одно прекрасное утро взять на себя управление всем имением; при крепостном труде дело шло, не давая больших доходов, но не причиняя и больших убытков (62). При теперешнем вольном труде такой помещик* был бы вынужден скоро закрыть лавочку (там же). То же самое бывало и бывает еще сейчас в административных сферах. Но теперь для такой работы необходимо специальное образование и есть еще люди, считающие, что можно обойтись без этого образования. *(Он много болтает об этом)*¹ (63). Способные, специально подготовленные, самостоятельные люди поступают у нас на службу в акционерные общества (65).

18 || Как нам при таких порядках живется? Мы ни в кого не верим; мы опасаемся всего; мы подозреваем почти всех и душа ни к чему не лежит... физический, моральный и духовный разврат поощряются и распространяются у нас со всех сторон. Источником этого является отдаление² народа от общественных, нравственных и духовных интересов. Против этого {существует} только одно средство: усиленная, облагороженная, самостоятельная деятельность человека и гражданина (66, 67).

IV. Наше положение в судебном отношении³

«Не бойся суда, а бойся судьи; в суд ногой, а в карман рукой; где суд, там и неправда; где суд, там и суть (сутяжничество); брюхо что судья: и молчит да просит; суд доuku любит; на суде тягались, да оба без рубахи остались; не тягайся—удавишься; не тянись, лапоть дороже сапога станет; с казной* не судись, с сильным не борись, а с богатым не тяжись; в земле черви*, в воде черти*, в лесу сучьи*, в суде крючки — куда уйти?» В этих поговорках с давних времен выражены взгляды народа на суд (68).

С восторгом были приняты судебные уставы* 1864 года; в высочайшем указе было сказано: «желание наше водворить в России суд скорый, {правый}, милостивый и равный для всех подданных

¹ Замечание Маркса относительно автора конспектируемой книги.

² Маркс здесь употребляет слово «Entfremdung», что означает «отчуждение» или «отдаление». У Кошелева (стр. 67) сказано: «оскудение в народе общественных» и т. д.

³ В рукописи Маркса заголовок написан по-русски.

3 Архив Маркса и Энгельса, т. XI

наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего» (68, 69).

Вначале все шло хорошо; для исполнения новых функций находилось множество людей и т. д. (69). Крестьяне жаловались только на то, что компетенция мировых судей недостаточно широка (там же).

Но вскоре сама основа правосудия (судебных установлений) — *самостоятельность судей* — не замедлила пошатнуться. Членов окружных судов, палат* и кассационных департаментов Сената стали беспрестанно повышать в должностях и щедро награждать чинами и орденами, строго придерживаясь только одного правила: выдвигать людей угодливых, неустойчивых в своих убеждениях и не рабов своей совести. Строго определенные в статьях Учреждения судебных установлений условия для назначения лиц на судебные должности стали сперва робко, а потом все смелее и смелее нарушаться. Горе людям, поверившим словам указа и вследствие этого решившимся поступить на судебную службу! Иные из них ушли, а другие видят необходимость как-нибудь убраться оттуда. В последнее время люди, едва поступившие на службу, назначаются членами окружных судов; лица, вовсе не бывшие членами окружных судов или прокурорами при них, прямо назначаются членами палат*; вице-директор департамента внутренних сношений министерства иностранных дел и член консультации при министерстве юстиции назначается старшим председателем Одесской судебной палаты. Обер-прокурор кассационного департамента Сената возводится в сенаторы, т. е. в высшие судьи, с оставлением на нем исполнения прокурорских функций (70—72).

В отношении судебных следователей принята система еще более удобная; {собственно} судебных следователей почти нет во всей империи. Самостоятельность судебного следователя была до некоторой степени ограждена законом; министр юстиции считал их поэтому не вполне пригодными агентами; а потому он принял за правило заменять такое неудобосменяемое должностное лицо таким, которое может быть в любой момент устранено; он их заменил *исправляющими их должность*. Многие из них уже в течение нескольких лет находятся на положении исправляющих должности, не зная, когда они будут окончательно утверждены; таким образом они всецело зависят от министра юстиции (72, 73).

19 || Зоркие и ревностные бюрократы скоро заметили, что их автократическая власть несовместим с самостоятельностью правосу-

дия (75). Вследствие этого состав судей изменился. Некоторые из них, увлекаясь общим недугом спекуляции, взяли на себя исполнение (*в часы досуга*) обязанностей членов правлений в банках, на железных дорогах и т. д. Такое положение не могло не вызвать соответствующих последствий (76). Лучшие прокуроры и их товарищи, оставляя службу, предпочитают независимую деятельность присяжных поверенных* лакейской работе, которая от них требуется в данное время. Нынешние лица прокурорского надзора* принимают на себя ходатайства по гражданским делам частных лиц и разных промышленных обществ. Публичная обвинительная власть все более ослабевает, а защита (адвокатура) становится все сильнее. Это объясняется обилием «благонадежных» людей на этой службе (77).

Министерство юстиции prepares разные меры к усилению прокуратуры и к стеснению адвокатуры (78). Отсутствие *ипотечного закона*, обещанного много лет тому назад, задерживает у нас организацию поземельного кредита, необходимого для ведения хозяйства; *нотариальный закон* в его теперешней редакции в такой мере стеснителен для продавцов и покупателей недвижимостей, и особенно мелких, что он как будто издан для того, чтобы препятствовать переходу собственности из рук в руки и для изощрения русского ума* в обходе законов (там же).

V. Наше положение в финансовом отношении¹

Наши торговцы «в большинстве своем торгуют в кредит, а по сути дела на* обман*» (81). Наши промышленные и торговые общества (а их не мало) ведут свои дела по большей части так, что на них жалуются акционеры, не получающие или получающие очень незначительные дивиденды, и люди, вынужденные быть с ними в сношениях*, а довольны лишь члены правлений и служащие там люди. Ценность нашего рубля не приходит в нормальное состояние; налоги увеличиваются, а государственные займы, хотя и для постройки железных дорог или под* этим* предлогом*, постоянно растут и *чертовски* быстро. Везде и во всем чувствуется какое-то общее чувство *недомогания*, от которого некоторые пытаются освободиться путем рискованных спекуляций, но по большей части из них возвращаются они с крайним упадком сил и с отчаянием в душе. Это недомогание, ощущаемое почти всеми, предвещает неминуемый страшный *кризис*, который нетрудно предсказать на основании

¹ В рукописи Маркса заголовок написан по-русски.

совершившихся и совершающихся дел*, событий* и явлений* (81).

Цены на хлеб, дрова, мясо и другие жизненные средства *первой необходимости* утроились, почти учетверились; что прежде стоило рубль ассигнациями, стоит сейчас рубль серебром. Подати* и разного рода сборы также значительно повысились. Рабочие пьют больше, чем прежде, хотя пьют меньше, чем в Привисленском крае, Швеции и Англии; они привыкают к пиву и чаю, стараются одеваться поприличнее, уже не довольствуются крестьянскими избами *с печкой без трубы*¹ и находят необходимым иметь дома с трубами и светлыми окнами. Свободный человек не может себя ограничивать так, как это по необходимости делал крепостной. Зарботки повысились далеко не соответственно повышению потребностей трудящегося класса. Поденная, помесечная, годовая и сдельная платы не покрывают их потребностей, хотя эти платы уж так высоки, что фабриканты, заводчики и сельские хозяева *сокращают*² свое производство, считая невозможным вести его с прибылью. Вследствие этого рабочие входят в долги и ради уплаты налогов часто вынуждены продавать последнюю корову, овцу и даже свой дом (82).

20 || Сельское хозяйство производит больше хлеба, чем 15 лет³ тому назад, но недостаточно для удовлетворения наших потребностей. Неурожаи становятся все чаще и чаще повторяющимся явлением; и это естественно; мы распахиваем || луга и леса; мы не оставляем в покое и прежние пахотные земли; удабриваем их очень мало; мы ведем *хищническую * их* разработку**. Обработкой земли занимаются преимущественно крестьяне или люди, вследствие нищеты прикованные к деревне. Недостаток капитала и применение устаревших привычных методов обработки земли. *Новые приобретатели земель*, продаваемых дворянством, *люди большей частью из купечества*, думают только о том, как бы {поскорее} получать проценты на затраченный при покупке капитал, а потому они или сдают свои пашни ежегодно в аренду или сами собирают ежегодно урожаи, не давая полям отдыха и совершенно их не удобряя; люди, которые могли бы рационально вести хозяйство, оказывать влияние своим примером, отвлечены от сельского хозяйства занятиями по государственной и общественной службе или по разным промышленным и торговым обществам (83, 84).

¹ Слова «с печкой без трубы» Маркс прибавил от себя, очевидно, для объяснения, что такое «курная изба», упомянутая Кошелевым.

² Маркс здесь пишет «verkürzen» (сокращают), хотя у автора (стр. 82) сказано «прекращают».

³ У Кошелева (стр. 83): «лет пятьдесят».

«У нас все неправильно, противоестественно, раздвоено; правильное стоит в России так сказать особняком, а мы смотрим на него как на нечто чуждое, вовсе с нами не единое; оно состоит из людей, посевших на службе, постоянно живущих в отдаленной столице, без всякой связи с различными местностями страны и смотрящих на нас, частных людей, как на стадо овец или коров, которых можно и должно стричь или доить, но о мнении которых совершенно излишне заботиться» (85).

Хотя наша торговля и промышленность еще очень отстают, мы в некоторых областях — в постройке железных дорог, учреждении банков, создании промышленных и торговых обществ и т. д. — по быстроте и дерзости своих предприятий почти перещеголяли Вену и Париж. «Без гроша в кармане и только с отвагой в душе и голове, мы учреждаем общества, стараемся извлечь из них по возможности больше и затем покидаем их на произвол судьбы. Состоятельность и честность в денежных делах у нас почти не существуют и ими мало дорожат. Обанкротиться один раз, два раза и десять раз не считается зазорным; нельзя* торговать под своим именем, банкрот с {одинаковой} дерзостью, самоуверенностью и почетом производит огромные обороты под именем жены, сына и даже постороннего лица. У нас меньше почитают состоятельность и честность человека, чем его дерзость. Большие прибыли на* словах* и еще большие проценты, уплачиваемые вперед, имеют у нас чарующее действие» (85, 86). «В будущем — в недалеком будущем — нам грозит кризис — кризис не хуже венского» (87).

Наше финансовое управление вдруг вздумало восстановить ценность рубля, но через несколько месяцев оно убедилось, что его средства для этого недостаточны и, истративши почти сто миллионов, оно должно было отказаться от начатого предприятия. Так были отменены винные откупа и, после объявления свободы главной основой винной торговли, {финансовое управление} сохранило чиновничий надзор за крепостью продаваемых напитков; но теперь в Петербурге и в Москве винные откупа опять восстановлены, притом в самом странном виде; питейные заведения изгнаны с больших площадей и улиц и должны помещаться в разных захолустьях, куда редко заглядывают полиция и приличные люди, где пьянство может развиваться на полной свободе, где грабежи и другие насилия могут производиться без всякой помехи (87, 88). Бог знает сколько раз наше финансовое управление меняло методы концессий на железные дороги и, наконец, пришло к самому позорящему и общественно-вреднейшему способу. Министерство финансов покровительствовало организации банков денежных и поземельных, городских и земских, акционерных и банков взаимного кредита; но утвержденные уставы мало

гарантируют публику, так как в этих уставах имеются статьи, которые дают правлениям {банков} возможность действовать во вред прочному и рациональному кредиту и только с временной пользой для себя; к тому же деятельность банков протекает без достаточного контроля со стороны общественности. Министерство финансов менее заботится о сокращении расходов, чем об увеличении доходов, {оно заботится} больше о чрезмерных, часто непроизводительных расходах, чем о мелких, часто необходимых затратах и вообще неэкономно распоряжается государственными сборами. Бог знает почему министерство финансов усиливает *разменный фонд*, || одновременно выпуская огромную массу кредитных билетов, которые имеются у нас и без того в значительном излишке. Необходимую и неотложную реформу подушных* податей* министерство финансов всячески затягивает (88, 89).

Наше государственное хозяйство ведется, как велось прежде (*во времена крепостничества*) хозяйство помещичье¹. Дворня была у нас огромная; много туенядцев; на балы, обеды, экипажи, дамские наряды и другие бесполезные расходы мы тратили много денег; если у нас денег не доставало, мы писали управляющему, приказчику или бурмистру о том, чтобы продать что-либо или вперед собрать оброк с крестьян; если этот источник иссякал, мы беззастенчиво выдавали заемные письма и *растранижирили*² эти деньги так же легкомысленно, как если бы они составляли остатки от наших годовых доходов; но на хозяйственные улучшения, на увеличение стада, на покупку машин и орудий и пр. у нас никогда не было денег; эти расходы мы откладывали всегда до других, более благоприятных времен, которые почти никогда не наступали. Таким образом мы сводили *tellement quellement* {кое-как} концы с концами и *сами себе казались*³ людьми состоятельными, даже богатыми. Никто нас не учитывал; ни перед кем мы не были ответственны; мы жили спустя рукава, полными барами (89, 90). Прямые налоги увеличиваются медленно, но косвенные* сборы* растут не по дням, а по часам; при недостатке обыкновенных доходов делаем *займы*; правда, теперь публикуются сметы государственных расходов и доходов [*всегда пре-красно сбалансированные*] и отчет государственного контроля. Сметы* составляются каждым министерством в отдельности, как будто каждое из них является *status in statu* {государством в государстве}; эти сметы* посылаются в министерство финансов и в государствен-

¹ У Кошелева (стр. 89): «Вообще наше государственное хозяйство еще сохранило много сходства с прежними нашими помещичьими хозяйствами».

² У Кошелева здесь говорится о расходовании денег.

³ У Кошелева: слыли.

ный контроль*, которые пишут на них свои замечания; затем все вносится в департамент государственной экономии*, где заседают два моряка, один инженер, один военный и двое гражданских сановников; никто из них никогда не занимался финансовыми делами. В завершение всего, общая государственная смета вносится в общее собрание Государственного совета, где в одно или два заседания все заканчивается и представляется на высочайшее утверждение (90, 91). Что касается до действий *государственного контроля*, то вначале, при бытности покойного Татаринова, дело было серьезным; проверялись не только цифры, но самые расходы и приходы по существу; но после {его кончины} контроль превратился в учреждение, существующее pro forma {ради формы} (92).

Наше министерство финансов (единственное из всех министерств) не ставит никаких препятствий к открытому (в печати) обсуждению финансовых вопросов; оно одно не возбуждает никаких судебных и полицейских дел за обсуждение и даже порицание им принятых мер. Человек, возглавляющий финансовое управление, очевидно, сам видит *необходимость* и пользу общественного обсуждения финансовых мероприятий; у него только не хватает мужества посмотреть в глаза нашим бедствиям и опасностям, *разоблачить*¹ настоящее положение дел и доказать, что при нынешних обстоятельствах, при крайне критическом состоянии частных, общественных и государственных финансовых дел, одностороннее бюрократическое их ведение не соответствует больше потребностям нашего времени и нашей страны; что с отменой крепостной зависимости людей от их владельцев, неминуемо раскрепощение их и в других отношениях; что тягости, налагаемые теперь на граждан, могут быть переносимы при собственном убеждении в их необходимости; что ум и советы всей интеллигенции страны должны быть вызваны... Дай бог, чтобы были приняты необходимые меры *прежде, чем тяжёлые события* откроют *ту бездну, на обманчивой поверхности которой мы теперь беззаботно дремлем* (94, 95).

22 § VI. Наше* положение* в некоторых других отношениях

Учебное дело.

Первоначальные школы. Положение* об этих школах {было издано} в 1864 году; попечение о них было возложено на городские и сельские общества и на *земство** вообще; правительство оставило за собой только надзор за этими училищами (96, 97). Крестьяне перестали протестовать против учреждения школ и начали обнаруживать готовность облагать себя сбором в пользу {училищ}; хуже

¹ У Кошелева: объяснить.

обстоит дело в казенных селениях *[в которых крестьяне принадлежат государству]*, где уже прежде существовало принудительное обучение. Первым действием после их освобождения было закрытие этих школ * и только теперь, по истечении десяти лет, они начинают вновь основывать школы (примечание к стр. 97). А городские общества учреждают у себя не только первоначальные, но и реальные школы и пр. (97). Пробуждаются даже долго дремавшие *уездные* * училищные советы; мертвенность осталась уделом только *губернских* * училищных советов, где председательствовал *архиерей* и где вице-председателем был губернатор... Вдруг все дело приняло ложное направление. Высочайшим рескриптом от 25 декабря 1873 года, на имя министра народного просвещения, *дворянство* призывается стать на стражу по наблюдению за народными школами и тем самым делается косвенный, но весьма ясный, упрек *земству* * в том, что оно не умело или не хотело надлежащим образом заняться этим делом. Положение * о начальных народных школах от 25 мая 1874 года осуществляет это предположение. *Уездные предводители дворянства* призываются быть *председателями* уездных училищных советов, а *губернские* * предводители — председателями губернских * училищных советов. На эти преобразованные учреждения возлагается обязанность изыскания и обсуждения способов для открытия новых народных школ и для улучшения существующих училищ. Откуда они возьмут деньги на устройство и содержание школ? Едва ли *земства* *, отстраненные ¹ от попечения о школах, будут ассигновывать суммы на этот предмет. До сих пор уездные училищные советы состояли почти исключительно из гласных *земского* * собрания; почти все попечители первоначальных школ также были *гласными* *. Председателями этих учреждений избирались лица, особенно заботившиеся о народном образовании в уезде и имевшие в уездном собрании решающий голос. Таким образом уездный училищный совет был, так сказать, отделом *земского* * собрания*; *земства* * поэтому доверяли {училищным советам}, в полное их распоряжение, деньги, ассигнуемые для школ, требуя от них только отчета об израсходованных суммах. Этого доверия *земства* не будут питать к новоорганизованным училищным советам. Едва ли казна даст им необходимые деньги? Против профессиональных, образованных государственных инспекторов, деятельность которых ограничивалась бы только надзором, возражать нельзя, но нельзя, как это делает ст. * 20 нового Положения *, поручать им *заведывание всей учебной частью школ*. В губерниях сейчас имеется от 300 до 500 школ; это количество удвоится, утроится, удесятерится. Как сможет правительство управлять ими через своих агентов?

¹ У Кошелева (стр. 99) сказано: «почти устраненные».

Наблюдение за школами в нравственном отношении Положение* возлагает на *дворянство*. Но разве земство* не состоит почти исключительно из дворян?¹ Разве в училищных советах до сих пор не заседали и не председательствовали почти исключительно дворяне? Разве не они, почти исключительно, наблюдали за школами? Но они это делали не как дворяне в сословном смысле этого слова, а как гласные* земства*. Уездные и губернские предводители дворянства совершенно непригодны для этого дела; они избраны исключительно для защиты сословных интересов. Они довольно плохо исполняют возложенные на них свыше обязанности председателей земских* собраний. В Петербурге воображают, что найдутся дворяне, которые согласятся быть, на основе ст. 41 нового Положения*, помощниками руководителей школьного дела, без права делать какие-либо распоряжения, но только с правом почтительно сообщать действительным руководителям свои замечания и предложения (97—102).

23 || Почему в новом Положении* дворянство выдвинуто вперед земства*? Конечно, не из любви к народному образованию; честные и интеллигентные дворяне {находятся} в земствах*. Это сделано из ненависти к земству* и из приверженности к позаимствованному у Запада || представлению о дворянстве. В высших слоях сейчас существует мода принижать земство*, усиливать и возвеличивать дворянство. Прежде дворянство имело почву в господстве над крепостными людьми; с отменой этого права дворянство сделалось беспочвенным учреждением, осужденным на уничтожение. Дворяне имеют влияние на земство*, поскольку они отказались от всех своих сословных претензий (102—104).

[«Я знаю дворян, которые, в первое трехлетие, были избраны гласными*, но они этим обиделись и сказали: «с чего взяли, что мы согласимся сидеть рядом с мужиками; они глупы и дики и от них сильно воняет... Мужикам нужны не школы, а розги, не учителя, а фельдфебели и вахмистры, которые бы их хорошенько пробирали*» (примечание к стр. 102)]. Грустно, что дело народного образования в первоначальных школах, которое было предметом особой заботы земства* и городов, осуждено вновь на застой и попадает в административную кухню (104).

Средние учебные заведения {находятся} почти в отчаянном положении. Наши доктринеры² с помощью бюрократии исковеркали их так, что они стали орудием одурачивания, а не развития юношества. Латынь и греческий язык — voilà tout {вот и все}. На них

¹ У Кошелева (стр. 101) сказано: «разве оно (дворянство. — Ред.) не составляет части земства?»

² У Кошелева: «западное доктринерство».

{тратится} в неделю тринадцать часов и только три или два часа на русский язык и восемь — девять часов на все остальные науки (104, 105). Двери университетов закрыты для тех, которые не добились хороших успехов по этим предметам (105).

Из 23 900 учеников гимназии гимназический аттестат в 1872 году получило только 584 чел. (примечание к стр. 107).

Университеты, академии и т. д. ухудшаются. Состав профессоров, их отношение к студентам, деятельность студентов и дух, в среде их господствующий, печальны. Много профессорских вакантных должностей по несколько лет не замещаются; студенты считают потерянным время, которое они проводят в аудиториях (108, 109). Отличительной чертой учебных заведений является лицемерие учителей и учеников (109). Самостоятельность и независимость в характере юношества особенно преследуются; услужливость же и расположение к слепой покорности поощряются и отличаются (109, 110). Плохи люди тридцатилетние и сорокалетние, какими же будут те, которых теперь портят в учебных заведениях! (110.)

Наше положение в *церковном* отношении бедственно. Чиновничий дух, чиновничье властолюбие и тщеславие, чиновничьи ухватки овладели всей нашей высшей иерархией; а низшая превратилась в простых ремесленников, которые исполняют свои обязанности, как другие портняжничают, шьют сапоги, т. е. чтобы только таким путем добывать деньги, *если уже не для жизни без нужды, то хотя бы для существования, не грозящего опасностью голодной смерти* (110).

«Духовенство поэтому не пользуется уважением и почетом ни в высших, ни в средних, ни в низших слоях народа. Напротив того, на языке каждого крестьянина поговорка: *батька и с живого и с мертвого дерет*»¹ (111). В последнее время среди священников встречаются нередко люди совершенно неверующие — чистые нигилисты (там же). Их разговоры в частном быту, за стаканом вина и их ни в какой степени не назидательный образ жизни способствуют уничтожению и без того поколебленной у нас религиозности (там же).

Основная причина упадка религиозности заключается в том, что наша церковь все более и более становится {чисто} правительственным институтом, чуждым духа свободы и самостоятельности. Думают поддержать церковь запрещением свободно рассуждать о догматах и обрядах (112).

Нелепая мера святейшего синода: сокращение числа приходов; церкви, давно существовавшие и к которым прихожане были душевно привязаны, зачисляются теперь в число заштатных, и это в целях

¹ Крестьянская поговорка приведена Марксом по-русски.

24 || || улучшения быта духовенства. *В народе ходят слухи, что правительство делает это по внушению немцев и что оно имеет в виду и вовсе уничтожить церкви.* В народе по сему поводу сильный ропот; эта мера проводится, вероятно, только потому, что в Петербурге не знают России; что считают, что для прихожан посещение церкви, отдаленной от них на несколько верст и притом за речками и оврагами, столь же удобно, как пройти или прокатиться по петербургским тротуарам или мостовым, и прежде всего потому, что на берегах Невы не понимают чувства приверженности прихожан к своей именно церкви (113, 114).

О *дипломатических* делах мы ничего сказать не можем, так как мы о них кое-что узнаем только из мутного источника — из иностранных газет (114).

{Автор} требует применения в деле всеобщего вооружения не прусской, а *северо-американской системы*. Россия насчитывает 80 миллионов народонаселения на {площади} слишком 18 миллионов * кв. верст, или более 370 тыс. кв. миль, и не имеет нужды превращать страну в военный лагерь, как это делают другие европейские правительства (115).

VII. Наш частный быт¹

Наши общественные, административные и пр. {отношения} не могли бы быть такими, какими они оказываются, если бы наш *частный быт* не служил основанием для них. Каждый человек получает то, что он заслуживает. Если бы в нас была самостоятельность *и пр. и пр.*, разве могли бы нами помыкать и расправляться с нами так, как это делает у нас каждый, имеющий хоть какую-либо власть? (117.) Что же является причиной нашей *дрянности**? (118.) Мы вышли из своей колеи и попали в чужую, сперва в одну, потом в другую и т. д. Но кто выбросил нас из колеи? Неужели Петр Великий? Как велик он ни был, он был все же один, а нас — миллионы. Следовательно, такое объяснение неудовлетворительно; должны быть даны другие, более реальные, причины нашего выхода из своей колеи. Мы не предназначены быть китайцами, турками — народом, стоящим особняком. Мы *мировой народ* (119). Мы чувствовали, что наша колея узка и что необходимо ее расширить (там же). Запад своим разнообразным просвещением поразил не только одного Петра, но и его спутников. Вызванные в Россию иностранцы сообщили нам много нового... Мы вообразили, что, заимствуя у них разные открытия, изобретения, сведения и обычаи, мы сделаемся такими же просвещенными и дель-

¹ Заголовок написан Марксом по-русски.

ными людьми, как и они. Слепленные блеском европейской цивилизации, мы растерялись: стали кидаться то в одну, то в другую сторону и хватались за все, думая в каждой новизне обрести то, что нам требовалось. В таких поисках и позаимствованиях мы провели с лишком полтора века и совершенно сбились с толку (119). Наконец мы пришли в такое состояние, что не знаем больше чему верить, чему учиться, куда стремиться, за что ухватиться и что делать? (120.)

Прежде было удобнее: мы на все смотрели глазами Франции; затем Германия одолжила нам свои очки; но сейчас Франция говорит одно, Германия — другое, Англия — третье, Америка — четвертое; а собственного взгляда и ума мы не изострили и потому находимся в страшнейшем положении (120). Наш недуг: мы страдаем смертоносным безверием во все. Мы перестали верить в то или другое не потому, что, изучивши предмет или мнение, мы убедились в его несостоятельности, а только потому, что тот или другой писатель в Германии или Англии считает такое знание* или верование* лишненным основания и еще *больше* потому, что, изверившись* вовсе*, мы с жадностью хватаемся за каждое отрицание (120, 121).

25 || Наш нигилизм совершенно особого рода; он, в отличие от западного, не является следствием долгих, хотя и ложно направленных изучений и исследований и плодом неправильно сложившегося там общественного устройства; у нас он вовсе не туземец; ветер его к нам занес, ветер его у нас и распространяет. Наши нигилисты просто смещены. Они выхватывают различные отрицания из какой-нибудь иностранной книги, повторяют и усиливают их до нелепости... Наш нигилизм не учение, а только мнение... болтовня... Если бы выступления против нигилистов не считались бы и действительно не были бы доносами по третьему отделению, наша || нигилистическая пропаганда была бы давно превращена в ее первоначальное ничто (121, 122).

Наш абсолютный скептицизм портит также наш характер и деловую жизнь (122). У нас почти нет людей с характерами (там же). Уступки* кажутся нам лучшим способом ведения всяких дел (там же). Одна уступка ведет к другой, пока, наконец, человек становится подлецом (122, 123). Нравственность у нас, особенно в слоях народа, называемых «обществом», находится в крайнем упадке (124). Семейного счастья почти невозможно больше встретить (там же). Семейный быт у нас сильно пошатнулся (там же).

В отношении к правительству мы являемся в двух различных видах; как частные люди, ему подчиненные, и как чиновники — составные его части. Мы находим более удобным быть послушными, чем настаивать на нашем законном праве и вступать в пререкания

с начальством. Мы с рабской покорностью подчиняемся произвольным приказам вышестоящих. Как чиновники мы еще хуже. Это превращение человека в чиновника... тема для забавной комедии (125—127).

Основная причина {заключается} в том, что у нас существовала крепостная зависимость одних людей от других; что она въелась в наши понятия и нравы; и что, уничтоженная в ее грубейшем виде, она сохранилась в России во всех остальных проявлениях. Прежние помещики*, т. е. те, для которых владение людьми было священным правом их сословия, считают себя особой *расой*¹ и относятся с презрением к холопскому отродю, позволяя себе в отношении его все, что им придет в голову. Наши чиновники* не далеко ушли от этих помещиков*: они думают, что с виц-мундиром их существо преобразуется, что они приобщаются к самодержавию и что они должны быть совершенно иными, чем они были до сих пор. Пристрастие к произволу у нас так сильно, что мы охотно ему подчиняемся, если только нам дана возможность произвольничать над другими. Чиновнику необходимо постоянно унижаться перед начальником, подчиняться его произволу и быть в полной от него зависимости; между тем все бесчисленные служебные места заняты, а желающих поступить на вакантные должности бесчисленное множество. Люди в России совершенно не ценят *индивидуальность*. «Самое это понятие у нас так мало в ходу и в силе, что если бы мы употребили для выражения этой мысли русское слово «самость*», то многим пришлось бы, пожалуй, отыскивать его в словаре Даля» (127, 128). Это есть ничто иное, как следствие прежней, далеко еще не исчезнувшей крепостной зависимости (128). Сделан только первый шаг к нашему возрождению... К несчастью, во исполнение Положений* 19 февраля 1861 года мы ограничились отдачей нашей земли исполу вместо прежней барщины*, усиленным поступлением на государственную службу и устройством колокольчиков у дверей вместо прежней лишней* прислуги* (129).

VIII. Наша* литература*

Указ 6 апреля 1865 года несколько расширил законные пределы гласности: было разрешено говорить об общих политических вопросах, об опубликованных правительственных распоряжениях и даже о злоупотреблениях администрации при условии, что в сочинениях по этим предметам «не заключались возбуждения к неповиновению

¹ Маркс здесь употребляет французское «расе» и в скобках пишет немецкое «Geschlecht» — поколение. Последнее слово взято у Кошелева.

законам, не оспаривалась обязательная их сила и не употреблялись выражения, оскорбительные для установленных властей» (131, 132). Время облегчения кратковременно, как молния. Правительство начало шаг за шагом ограничивать гласность, сперва министерскими разъяснениями и циркулярами, потом разными исключительными мерами и наконец формальным законодательным путем. Министерство внутренних дел не скупилось, в отношении периодических изданий, на воспреещение розничной продажи, на предостережения и даже на приостановления выпуска газет и журналов. Единственным обеспечением печати от произвола администрации служит суд, хотя даже и без присяжных заседателей. Министерство внутренних дел исходатайствовало себе в мае 1872 года {право}, без суда, а только с утверждения комитета министров, запрещать книги и журналы и предавать их сожжению || (132). В 1873 году утверждены меры взысканий в отношении периодических изданий за оглашение* вопросов, «не подлежащих до времени опубликованию»¹. Любопытно знать, где и как печать добывает сведения о том, что «до времени не подлежит опубликованию?» За несоблюдение этого постановления периодические издания подвергаются каре — приостановлению {их выпуска в свет} сроком на три месяца. Сомнение скоро разъяснилось. Вошли в обычай инспирированные циркуляры министерства внутренних дел. Издатели газет и журналов стали приглашаться в цензурные комитеты и там им *конфиденциально нашептывали, по каким вопросам они должны держать язык за зубами*², так, например, по среднеазиатскому вопросу, по вопросу о голоде в Самарской губернии, а в последнее время о греко-униатских делах³ и о связанных с ними событиях, происходящих в Привисленском крае*. (О всех таких и подобных делах цензурные комитеты получают циркулярные распоряжения от министерства внутренних дел.) На основании неотмененного закона от 6 апреля 1865 года мы имеем право говорить почти обо всем, а на деле оказалось, что нам нельзя говорить почти ни о чем. Исключения, разъяснения и дополнения уничтожили самое правило; а способ его исполнения превратил закон в мертвую букву. Даже в {худший} период господства цензуры времена для русской печати не были столь тяжелыми как теперь, особенно после того, как во главе управления по делам печати был поставлен литератор

¹ Начиная со слов: «не подлежащих...» — у Маркса по-русски.

² У Кошелева (стр. 133): «и там... внушалось им, чтобы они о том или о другом воздерживались что-либо говорить».

³ Греко-униаты — польские и литовские последователи брестской церковной унии 1596 года.

и бывший либерал, который больше всех других собирал и печатал *курьезы* из истории нашей прежней цензуры; теперь он, кажется, поставил себе задачу превзойти всех своих предшественников своеобразным угнетением печатного слова, и он неустанно заботится об увеличении количества курьезов для будущего историка цензуры в России. В число сведений, заслуживающих быть сообщенными потомству, надо включить распоряжение, предписывающее *издаваемую в Казани «Воляжско-Камскую* газету»* и печатаемый в *Таганроге «Азовский Вестник*»* — цензурировать в Москве (133—135). Цензура очень снисходительна к безнравственным статьям и книгам, все ее мины направлены против изданий, где разрабатываются народные вопросы и т. д. (135).

[Так, сожжен № 7 «Беседы*», {издававшейся} г. Юрьевым*, за напечатание статьи, в которой говорилось о чрезмерной строгости экзаменов в классических гимназиях; такой же участи подвергся и № 9 за статью о существующих методах воспитания в женских институтах. *Примечание к стр. 135, 136.*] (Последняя статья напечатана в приложении к книге Кошелева.) При этом цензура очень капризна; смотря по тому, где и кем что печатается (137).

Существует, правда, еще *предварительная цензура* и, во избежание неприятностей бесцензурного печатания, можно обращаться за ее одобрением. Но цензоры, для которых дело идет о куске хлеба *и которые знают, откуда дует ветер*, находят для себя более надежным получить лестный «упрек» за излишнее рвение (там же). (*В сомнительных случаях они запрещают все.*)

Впрочем, главная причина упадка нашей словесности не цензура, а *пустота* нашего* быта** (141).

IX. Общий вывод и заключение¹

Все наши беды проистекают из несоответствия наших теперешних бытовых условий тому быту, для которого мы чувствуем себя предназначенными и к которому мы стремимся сознательно и бессознательно (143). Правительство насильно хочет сделать нас такими, какими мы быть не желаем и не можем (там же).

Произвол сотского, десятника, станового* и* исправника* висит над нами в деревне, произвол городского*, квартального* надзирателя, частного* || пристава* и полицмейстера тяготеет над нами в городе; произвол губернаторов, департаментов и министров давит нас и тут и там (147).

¹ Заголовок написан Марксом по-русски.

Прежде все это не было так невыносимо как теперь; мы были полуазиатами, полугерманцами (147). Петербург ничего не знает о России. Петербургское, так называемое, общество, состоящее из военных и гражданских генералов, штаб- и обер-офицеров — вот {собственно} та Россия, которая там постоянно имеется в виду, духом которой направляется наше правительство, из которой избираются у нас министры, директора департаментов, губернаторы и прочие сановники (149).

Учреждение государственного земского* собрания* или государственной земской* думы* стало неотложной и неустранимой необходимостью (150).

Заканчивая свою книгу, он¹ говорит, что грешит скорее оптимизмом, чем пессимизмом. «Нет*! наше положение очень тяжело и опасно; перелом в жизни России теперь должен совершиться: или мы пойдем к выздоровлению и укреплению или к маразму» (152).

«Мы не предложили частных мер для лечения разных недугов и мы убеждены, что при нынешней правительственной обстановке никакие меры и никакие законы не могут принести пользы... Они окажутся бессильными в руках исполнителей, к ним не расположенных... Когда организм поражен болезнью в главных его отправлениях, тогда не лечат прыща на лице или мозолей на ногах» (153). Затем следует упомянутая в примечании к стр. 135—136 статья из № 9 «Беседы»* г-на Юрьева* под заглавием:

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО ЖЕНСКОГО ИНСТИТУТА²

Наши продолжающие жить по-старому женские институты являются аномалией, анахронизмом (155). Я сама, — говорит автор статьи, — являюсь бывшей воспитанницей института (там же). Внешность, блеск, пыль — вот главная суть института; программы, баллы, экзамены, акты, аттестаты, дипломы, медали, шифры — вот* печальное, мишурное основание и т. д. (157).

Начальницы, классные дамы, учителя.

Начальница, большей частью княгиня, графиня, по меньшей мере генеральша, есть как показывает само название *начальница** ({от слова} «начало»*), *власть**, от которой зависят дети, классные дамы и учителя, хотя у последних есть еще другое начальство, именно по учебной части. Все, что происходит в школе, делается по указанию начальницы. Воспитанницы называют ее маман, но в действительности весь персонал относится к ней, как солдат к полковнику.

¹ Кошелев.

² Заголовок написан Марксом по-русски.

(Начальница имеет право исключать из института и пр., давать дурные аттестаты и пр.) Она сама требует от всех подчинения, субординации, дисциплины. Она богиня, перед которой каждый должен самоуничтожиться (158—160).

Классные дамы, в большинстве своем бедные, служат из-за жалованья, имея в далекой перспективе пенсию; чтобы заслужить пенсию надо прежде всего завоевать расположение начальницы, которая по капризу может выгнать классную даму *к чорту*. Последняя делает поэтому *только* то, что нравится начальнице. [Так, например, один из попечительных членов института любит *хорошеньких*. Перед его приездом все хорошенькие ставятся на крайние места скамей, между которыми он должен проходить. Воспитанницы замечали, что это не их места. Ответ: «ничего, mesdames, только на время, пока пройдет князь* — он любит хорошеньких».] Классные дамы, как и учительницы, направляют свое внимание только на внешность, в особенности они стремятся выставить *для начальства дело лучше, чем оно есть в действительности*. Ложь, надувательство — средства; цель фанатерии: дело идет о куске хлеба. Классные дамы подмечают только слабые стороны воспитанниц, чтобы их эксплуатировать или наказывать; они обращаются со своими подчиненными в зависимости от богатства и ранга последних. «Я ее ненавижу» говорят все воспитанницы о классных дамах. Классные дамы являются их *overlooker* {надсмотрщиками} — и какими! — днем и ночью, в праздники и будни, в течение всего года. Часто классные дамы не только необразованны, но и невежественны; довольно быть француженкой или немкой, чтобы получить это место. Классных дам, разумеющих под

28 || словом воспитание || не одну дрессировку, начальство не позволяет брать в институт. «Молчать, не рассуждать» — вот что требуется начальством от классных дам, которые в свою очередь требуют того же от детей (160—164). На одной стороне деспоты, на другой — рабы (168). По мнению высшей в институте власти, классные дамы являются только полицейскими чиновниками, выполняющими полицейский надзор (там же). Прежде всего, нужно превратить закрытые институты в открытые, а там, где требуются закрытые, например, для детей, не имеющих родителей, надо им придать *семейный*, а не *казарменный характер*, который так вредно влияет на индивидуальность человека (171).

Прибавьте к этому однообразию, рутинную жизнь, царящие в этих институтах, отсутствие всяких развлечений, даже права чтения (174).

(Окончание статьи было обещано журналом, но, за сожжением первой части, автор был вынужден смолкнуть.)

**«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ»
Ю. САМАРИНА и Ф. ДМИТРИЕВА.**

(ПРОТИВ КНИГИ Р. ФАДЕЕВА: «РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ» И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДВОРЯН ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕСОСЛОВНОЙ ВОЛОСТИ).

Берлин, 1875.

I. Письмо Самарина к генералу Фадееву

По мнению господина Фадеева Россия имеет преимущество *абсолютного самодержавия, равнодалекого всем сословиям и т.д.* — {власть} над всеми *величаво парящая* (13,14) ¹; затем особенность *его дворянства* {заключается в том, что} оно никогда не было общественной силой самой по себе, независимой от правительства, «а было всегда исключительно его орудием, принадлежащим ему как собственности, в буквальном смысле совокупностью * его людей», с другой стороны, будучи всегда открыто снизу и обновляясь постоянным притоком оттуда, оно тем самым застраховывалось от всяких односторонних, исключительно сословных поползновений (14, 15). «Таковы исторические его права на полное доверие сверху и снизу» — «против подобного дворянства — (заключаете вы) — трибуны не нужны» (15).

Самарин иронически замечает: вот уже 2 исключения из рода человеческого, которыми нас благословила судьба. (*Этот самодержец и это дворянство* (15), — ведь *Фадеев* обосновывает необходимость своего «культурного слоя» *именно* тем, что только этот слой в Западной Европе на протяжении новейшей истории оказывал сопротивление лаве подземной массы *, — и добавляет: Россия не является, однако, исключением из рода человеческого.)

«Не оказалось ничего исключительно нам свойственного только в стихийной нашей силе, в русском простонародье» (15).

О стихийных {народных} слоях в России, как и всюду мнение *салонного* генерала таково: эти слои, представляющие собой почти

¹ У автора цитированной книги: «верховная власть *всесословная... истинная народная монархия, народная в смысле *всесословности* верховной власти, одышаково беспристрастной и доброжелательной ко всем разрядам подданных».*

допотопный человеческий быт, даже в случайных проявлениях своей силы, движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками* из исторически созревших верхушек — все* равно*: на парижских ли баррикадах, на французских ли или немецких всеобщих выборах, или в решениях русских гласных* от крестьян на земских* собраниях*; а так как стихийная сила во Франции, Германии и Англии уличена в поползновениях прорваться через культурные* слой* и вообще всегда вела себя дурно*, то *и т. д.* (15, 16).

От этого русского стихийного слоя *салонный рыцарь* требует, чтобы он, не смущаясь никакими общими наговорами, долетающими до него из другой среды, относился к *своей* местной верховной власти и своему *местному* дворянству с тем неограниченным доверием, на которое дает им право их исключительное, доселе невиданное в истории, *б е с к о р ы с т и е*¹ (!) (16).

Призвание (*русского*) дворянства и его историческая роль, как вы² сами говорите, заключались в *государственной* службе** (17). А эта правительственная деятельность, со времен Петра направленная к достижению преобразовательных или, как вы их называете, «воспитательных*» целей*, никогда, как известно, не грешила чрезмерным уважением к историческим преданиям. «Как покорное орудие, безоговорочно приспособлявшееся к такого рода деятельности, дворянство, как вы говорите, «обезличилось*»; оно омылось в купели западноевропейской культуры от всего национального закала»³. (*Иными словами утратило всю национальную закваску*); но едва ли последовательно в то же время выдавать наше дворянство за сословие преимущественно «консервативное⁴ и проникнутое не только правительственными⁵, но и общественными преданиями исторической России» (18).

3 || Проходя историю нашего дворянства для отыскания в ней какого-нибудь подвига, свойства консервативного, я нахожу *только один* — в прошлое царствование (*Николая*) дворянская оппозиция три раза сдерживала *подготовительный*⁶ почин покойного императора в деле упразднения или ограничения крепостного права. В этом вы, разумеется, не усмотрели проявления того сосредоточенного мнения, которое по вашим наблюдениям, недавно еще у нас

¹ У Самарина: безукоризненность.

² «Вы» — это Фадеев, к нему обращается с этими словами Самарин.

³ После этого Маркс пишет: von aller nationalen Härting (oder Teigigkeit) (Ausgebackenheit); (закаливать, закалить — härten (das Eisen); nicht gehörig ausbacken lassen (vom Brote), teigig werden).

⁴ В цитате из Фадеева: охранительное.

⁵ У Фадеева: государственными.

⁶ У Самарина: преобразовательный.

существовало, а теперь исчезло? Вы говорите, что это {крепостное} право «было *насилно* навязано помещикам», о чем я ничего не знаю. Во всяком случае дворянство усвоило его себе глубже и оценило его выше многих других своих прав, как, например, сословного выбора из своей среды начальников уездной полиции и председателей судебных палат. На первом {своем праве} оно в свое время всегда настаивало, пока это было возможно, а утрату последнего оно едва заметило. Мне кажется, что государственное* сословие*, проникнутое духом политического консерватизма поступило бы наоборот. (Этот дух вы, конечно, не смешиваете с умением оберегать свои карманные интересы?) (19, 20.)

Фадеев отвергает в особенности самостоятельное крестьянское общественное самоуправление и *бесклассовый* (или *всесословный* *) характер мирового суда и земских учреждений (20).

Иstek ли достаточный срок, {чтобы судить} о сельских* и волостных* учреждениях, введенных в действие за последние 12 лет, о земских* учреждениях, постепенно открывавшихся с 1864 года, о мировом суде, созданном в 1865 г.? В отношении к другим учреждениям наши требования были не так нетерпеливы. Почти 100 лет ожидало правительство*, что дворянские выборы дадут России сносную полицию и честный суд... Они дали только неисчерпаемую тему нашей обличительной литературе — от Капниста* и Фонвизина* до Гоголя и Щедрина (21).

4 || Теперь модно говорить о так называемом всемогуществе «плутоватых писарей», как о какой-то язве, свойственной от рождения «мужицкому» самоуправлению, и вы не побрезгали этой истасканной темой; в общественной среде безграмотной*, личность* грамотная*, как единственная личность, владеющая ключом к писаному закону и способная сноситься с начальством, естественно и неизбежно приобретает над массой, || в делах известного рода, решительный авторитет, который так же естественно и неизбежно {будет} постепенно падать по мере распространения в той же массе умения читать и писать (21, 22).

По вашим словам, сами крестьяне тяготятся своим общинным управлением, жалуются на свои суды и предпочли бы помещичий суд (22). Крестьянину не дает покоя податной груз, лежащий на его плечах; он ощущает его каждую минуту своего бытия (24).

Г-н Ф. постоянно повторяет, «что крестьянское управление становится для самого народа нестерпимым, что крестьяне в своего брата, т. е. в выборных из своей среды, не верят и полагаются больше на правду* господ*, считая господином* не первого забредшего* на их сторону студента или либерального чиновника, а своего местного,

коренного помещика*» (25). Он повторяет это более 6 раз (там же). Его программа — установление дворянского¹ попечительства и передача всего земского управления в руки дворянства (там же). Однако сам он говорит: «С сохранением земских* собраний, хотя бы в несколько измененном составе, переход к новому виду самоуправления совершился бы легче и *был бы мало заметен для народа, что так важно*» и, наконец, общему резюме всех предлагаемых им мер он предпосылает следующую рекомендацию: «переход из нынешней русской бесформенности в хорошо слаженный организм может быть осуществлен несколькими *мало заметными для нашего народа и Европы дополнениями к нашим действующим постановлениям**» (там же).

Дальше Ф. говорит, что одновременно с освобождением крепостных были приняты меры для ограждения освобожденных от прямого влияния помещиков и передачи всей власти над безграмотной массой в руки бюрократии, «*отстранением официального культурного* класса**»; «хотя самый трудный шаг в этом деле — личное освобождение — был совершен самим дворянством, местными помещиками, тем
5 || не менее ясно ||, что в те годы считалось полезным *разъединять* сословия, чтобы окончательно упрочить самостоятельный быт освобожденных. Эта мера — *разъединение сословий между собой и самих в себе* — установилась надолго* и обратилась в руководящий принцип» (26).

Этих сознательных покровителей классового антагонизма (подготовителей освобождения) он именует «полунигилистами» (27).

Следует различать, говорит Самарин, 2 периода, смотря по местностям: где {это произошло} раньше, где позднее. *Первый*, начавшийся с обнародования высочайших рескриптов и с открытия губернских комитетов, продолжался до тех пор, пока большинство помещиков*, где раньше, а где позднее, окончательно убедилось в бесповоротности сделанного ими самими и правительством* шага, т. е. в совершенной невозможности, как в былые времена, затормозить* дело, не доведя его до конца (28).

Программа большинства в ту пору {была такова}: с первого слова пожертвовать правом на личность (это была самая легкая сторона вопроса), продлить обязательные* отношения* крестьян к помещикам; отвести надел* возможно более скудный и на возможно более ограниченный срок; растянуть елико возможно срок обязательной* барщины*, по крайней мере *вспомогательной* (сгонные* дни*); наконец, сохранить в возможно широких пределах помещичий суд и дворянскую² юрисдикцию над крестьянами. Последнее требование

¹ У Самарина: вотчинного.

² У Самарина: вотчинную.

обуславливалось первыми, оно имело значение и цену не само по себе, не в смысле политического права, а как средство, как гарантия помещичьих имущественных интересов при принудительных¹ отношениях и особенно при* издельной* повинности*; оттого им дорожили гораздо менее в местностях издревле оброчных*. Но как только для всех стало ясно, что дело на сей раз не окончится на словах, а тотчас же перейдет в жизнь, дворянская программа изменилась. В действительности не было формальных отречений 6 || от этих || прежних условий; но они отошли далеко на задний план, частично от них сознательно отказались и вместо них прозвучало новое громкое требование, обращенное к правительству: дайте нам скорее возможность развязаться с крестьянами на чистоту (стр. 28, 29).

Быстрота, с которой произошла эта перемена фронта в рядах помещиков, — весьма характерная черта крестьянской реформы у нас в России, в отличие от параллельных реформ в разных частях Германии и в нашем Прибалтийском крае (29). Поворот {произошел} столь быстро², что правительство стало в тупик (29). Положение* о выкупе было исторгнуто у него дворянством. С открытием выхода из обязательных* отношений* в области хозяйственных интересов естественно должно было измениться и прежнее воззрение на вопрос о сельской администрации. Вы говорите: дворянство «пользовалось уважением народа, вело его за собой» и что это водительство было у него отнято заговором бюрократов, выступавших вместе со славянофилами и с нигилистами. Это неверно. Всем, как сторонникам так и противникам реформы, было известно, что ожидания крестьян шли очень далеко; что новое Положение* ни в каком случае не могло удовлетворить их; что момент его обнародования будет моментом критическим; что если народ увидит в новом законе произведение «своей же собственной организованной нравственной и умственной силы», как вы называете дворянство, то разочарование его должно принять опасную форму, и что, наоборот, можно надеяться на мирный исход дела в том лишь случае, если этот закон будет принят массой, как непосредственное выражение личной мысли и воли царя, помимо всяких дворянских внушений. Каждый знал, что дворянство, не только в то время, но и прежде, никогда не располагало доверием 7 || || народа и не вело его за собой — минута была очень серьезна. После долгих совещаний и по зрелом обсуждении выработался следующий || план: поставить крестьян прямо || перед лицами* из правительства и людьми, им назначенными, хотя и взятыми из местной дворянской

¹ У Самарина: обязательных.

² У Самарина: «был так неожидан и крут».

среды; разграничить сельское и волостное * общественное управление с дворянским ¹ и тем предупредить всякие между ними столкновения в области администрации; в то же время, в области хозяйственных интересов, открыть широкий простор для всякого рода соглашений, возможных лишь при обоюдной независимости договаривающихся сторон, а вне круга этих интересов не только не ограждать крестьян от влияния дворянства ², а напротив вызвать, облегчить и узаконить его, предоставив ему (дворянству) право *третьего суда*, право ходатайства * и заступничества за крестьян, право попечительства и т. д. (30, 31).

(В *примечании к стр. 31* Самарин говорит: «В первоначальном проекте Редакционных комиссий предполагалось, придерживаясь того понятия, которое выражается в самом названии посредник *, предоставить выбор мировых * посредников * самим крестьянам, но непременно из местных помещиков. В то время трудно было предусмотреть, что крестьяне на первых порах отнесутся к Положению вообще недоверчиво ³ и пассивно и что воздерживаясь от участия в выборах, они тем самым затормозили бы исполнительную операцию. Это была важная ошибка, во-время исправленная Государственным советом».)

Враждебно к этому мероприятию отнеслась не масса лично управлявших своими собственными имениями помещиков *, а только небольшая группа петербургских quasi-консерваторов в Государственном совете и вне его, группа, в ту страдную пору хитро державшаяся в стороне, не бравшая на себя ответственности за формулировку и практическое осуществление предложений и всплывшая на поверхность для спасения России гораздо позднее, когда все трудности исполнения были благополучно побеждены без нее. Ту же самую роль разыграла она и перед лицом польского мятежа (31, 32).

8 || К *земским * учреждениям ** Ф. еще «беспощаднее», чем к «мужицкому управлению *». Они — мертворожденные. Все {стало} хуже и дороже прежнего: дороги, мосты, больницы и т. д. Это объясняется *всесословным * характером земских учреждений*, т. е. допущением в {состав} земства * гласных из крестьян или, как говорит Ф., из батраков * (*батрак * — Arbeiter, Knecht, Tagelöhner*), хотя эти последние не пользуются избирательным правом и не выбираются... Вся беда {произошла} оттого, что правительство не устояло против

¹ У Самарина: вотчинным.

² У Самарина: помещиков.

³ У Самарина: осторожно.

общественного поветрия, господствовавшего у нас после Крымской войны, «и подчинилось коллективному¹ голосу всех оттенков, от славянофилов до нигилистов, требовавшему в то время всесословности*», этой «вопиющей, сочиненной* и опасной лжи против русской действительности» (32).

9 || Еще в московском периоде, в XVI и XVII веках {выработалась} форма государственного представительства всей Русской земли — *думы** или *земские* соборы**, иногда созывавшиеся царями на совет, а иногда, в эпохи* *междуцарствий**, собиравшиеся для восстановления верховной власти. В состав земского* собора* входили целиком, как готовые учреждения, *собор церковный* и *боярская* дума**, а около них собирались выборные от всех чинов* и состояний, без исключения, в том числе и от* *черных* людей**. Это был чистейший тип собрания всесословного в полном смысле слова (33).

В конце XVIII века, когда правительство приступило серьезно к приведению в порядок хаоса, произведенного петровской революцией, всесословное представительство {выступило довольно ярко. Две мысли} легли в основание екатерининских учреждений. Первая побудила ввести заседателей от однодворцов, черносошцев* и государственных крестьян в нижний земский* и в совестный* суды*, вместе с исправником* и с заседателями от дворянства, и заседателей от купечества и мещанства в губернский магистрат, словесный суд, управление общественного порядка и т. д. Другая нашла полное и стройное осуществление в *Городовом положении*, в общей и шести-гласной думах*, от всех шести городских сословий, с выборным головой (34). Ф. говорит, что выборное начало, введенное Екатериной II, было «лишь либеральной формальностью и не пошло впрок; выборные от мещан топили печи в присутствии, а выборные от крестьян мели двор» (34). *Самарину приходится с этим согласиться, но он утешает себя тем, что иначе и быть не могло* «при господствовавшей у нас до последнего времени системе формального суда и исключительно письменного делопроизводства во* всех* коронных* местах*». Изданное в царствование Николая Городовое положение для Петербурга было не нововведением, а простым обновлением екатерининского, именно восстановлением всесословного* его характера, который с течением времени на практике был утрачен (35). Тип для земских учреждений, по отношению к их составу из собрания гласных от всех *классов*², заинтересованных в земском* деле*, и из распорядительной инстанции, избираемой этим собранием, дан был нико-

10 || лаевским || учреждением городской общей и распорядительной думы*

¹ У Самарина: сборному.

² У Самарина: сословий.

1846 года; при проектировании и обсуждении {Положения} о земских учреждениях, вопрос о допущении или недопущении в них выборных из крестьян даже не поднимался (35, 36). Он считался в действительности давно разрешенным и т. д. (там же). В принципе этим правом обладали сами крестьяне в период крепостного права, даже крестьяне казенного ведомства (36). При открытии земских учреждений крестьяне почти повсеместно имели одинаковую программу, заключающую в себе 2 требования: установить общий денежный налог вместо натуральных* земских* повинностей* или для выдачи вознаграждения за их отбывание, и привлечь все земли, кому бы они ни принадлежали, к равномерному обложению (38). На первые съезды, где эти вопросы обсуждались, крестьяне являлись в значительном числе (там же). С тех пор крестьяне как будто успокоились (!) и стали показываться на земских* съездах*, особенно губернских*, сравнительно с первыми годами, в меньшем числе (39).

Ф. сам признает, что в земствах* и т. д. фактически господствует дворянство. {Дворяне являются}, говорит Самарин, не только председателями и членами земских* управ*, но и {занимают} должности мировых* судей, попечителей школ, выборных от земства* в училищные советы, председателей приходских попечительств, председателей и членов множества с недавнего времени увеличившихся {в числе} комитетов и комиссий, в состав которых входят главным образом дворяне, хотя {и на основе} общественного выбора. То же самое в значительных городах. К этому присоединяется опасная конкуренция, встречаемая как правительством, так и земством*, со стороны железнодорожных компаний, банков и разного рода промышленных предприятий. Отсюда также значительное число офицерских вакансий в армии и недостаток священников для замещения вакантных приходов. Все это заполняется дворянами или интеллигентными, образованными людьми, хотя и не по сословному признаку (43, 44). Большинство дворянства усвоило себе новое призвание, возложенное на него обществом, взяло в свои руки земское* дело* и находится во главе местного самоуправления (44).

Что реформы 60-х годов поразили насмерть — так это не *дворянство**, а *барство** — расточительное, праздное, {ни к чему} не способное и т. д. (44); в былое время оно выдвигалось, не обладая для этого нужными личными качествами (44 и дальше). Теперь каждому приходится подвергнуться испытанию, если не перед экзаменационной комиссией, то на общественной практике *и т. д.* (45). || Эти *молодцы* никогда не умели охранять ничего другого, кроме своего личного комфорта (45). Помещичья судебная расправа¹ была для этих

¹ У Самарина: «домашняя расправа».

господ потехой от скуки, приятно щекотавшей их барскую* спесь* (там же).

В одном вы (Ф.) правы, что наше дворянство утратило свою прежнюю цельность. В среде его произошла своего рода естественная браковка (45). Значительнейшая часть нашего дворянства — деловая* — свыклась с новой обстановкой, нашла себе там место и занятие... Другая, количественно меньшая, но, к несчастью, влиятельная и беспокойная группа (*boude et ne se recueille pas*) {ворчит и не примиряется}. В вашей книге ее нескладный ропот* в первый раз нашел себе отчетливое выражение (46).

Болезнь современного русского общества, говорите вы, выражается одним словом — *разброд**, разумея под этим отсутствие связанного* мнения* и общих идеалов, возможных только при* связности* людей*, то есть при прочной сословной организации культурного* слоя*. К несчастью, как вам кажется, мы в последнее время, разбросали собственными руками начатки, готовые сложиться в организованное целое; общественные группы, которые прежде у нас были слабы, были совсем выполоты при новой перепашке русской почвы (46). «Чтобы получить опять сборное* мнение* (говорит Ф.), надобно создать орган для его проявления, собрать людей в коллективную личность, иначе: организовать сословие из культурных слоев нашего общества. Такова* главная*, насущная* задача* настоящей* минуты*» (47).

Г-н Ф. воображает, что не из единства и не из общности взглядов и т. д. складывается сближение и {общественная} связность группы лиц, а наоборот, благодаря внешней сословной организации некоторого количества людей достигается единство их взглядов и т. д. (47). Эта мысль красной нитью проходит через вашу книгу (там же).

12 || Г-н Ф. говорит: «Нельзя выработать сознания* без связности* между людьми, выражающейся в связности* мнений. Поэтому задача текущего времени заключается для нас преимущественно в осуществлении связности* общественных групп... Наша сознательная нравственная сила еще вовсе не сложилась; а *главное** в настоящее время у нас не видно даже *органов*, способных выработать и привести ее в надлежащий порядок... Правильно, — надобно, чтобы *свежая** сила* была *готова в** виде* сплоченного* русского* общества*, сплоченного на первых порах хотя бы только положительным законом. Это цельное тело не замедлит проявить также и *цельный дух*» (47).

Итак, вы верите в чудодейственную силу формы, в способность ее творить из себя дух. Глубине и искренности вашей веры могли бы позавидовать даже покойные славянофилы, которых вы так высмеи-

ваете за их «веру в сокровенную мощь русского народа». По вашим словам они мечтали о таком свободном обществе, какого еще не существовало на свете, — я прибавлю: точно так же, как вы мечтаете о беспрецедентном в истории дворянстве и о небывалой в мире монархии. В этом отношении вы и они стоите на одной почве, с той лишь существенной разницей, что они, по вашим словам, уповали на сокровенную мощь народа; вы же возлагаете свои надежды на проявленную и вами самими засвидетельствованную немощь дворянства... Вы часто сравниваете наш народ с неподвижным телом без головы, а наше культурное дворянство — с головой без тела... Вы советуете приставить отвалившуюся голову к осиротевшему туловищу, и тогда организм заживет полной жизнью. Вы подвергли дворянскую голову самой тщательной, самой добросовестной аускультации... и в результате констатировали сами, что живая || личность, если она когда-либо в ней обитала¹, окончательно выветрилась... дворянство (говорите вы) как сословие *обезличилось**... Это меткое выражение повторяется в вашей книге часто. Но безличная голова уже не голова, а просто череп или гипсовая форма головы, и эту форму насаживаете вы теперь на туловище в твердой уверенности, что под ней непременно и в скором времени вырастет настоящая голова. Я воображаю себе, как обрадуются и в то же время изумятся, дочитав вашу книгу до этого места, бедные бюрократы, на которых вы нападаете так беспощадно, противопоставляя им дворян, как людей другой породы, и забывая, что у нас бюрократ есть тот же дворянин в виц-мундире, а дворянин — тот же бюрократ в халате. Ведь и бюрократы, по крайней мере культурные*, безусловно поклоняются форме и лелеют ее не ради ее самой, а только потому, что они, подобно вам, твердо убеждены, что была бы графа*, а содержание явится, была бы форма, народится и дух. Их вера и ваша вера — одна вера; но вы сгоряча не опознали также и своих и опрокинулись на них с такой запальчивостью, которой всегда отличались междоусобные распри от недоразумений в среде исповедников одного учения (48, 49).

К несчастью, рекомендуемый вами соблазнительно легкий прием испытывается нашим законодательством более полутора столетий, а достигнутые результаты доселе не оправдали ожиданий. {Возьмем} один пример из многих. Вот что говорилось в конце прошлого века: у нас нет долговечных и прочных ремесленных фирм, традиций в ремеслах, наследственной передачи капиталов, практики || и опыта; соберем же рассеянных мастеров || в правильно организованное цеховое сословие, поделим его на группы, в каждой

¹ У Самарина: «когда-то в ней обитавшая».

из них установим степени, дадим им выборных, суды, старост, значки, права, все нужное, даже свыше нужного — авось пробудится ремесленный дух и зашевелится совокупная жизнь. Ждали долго, но дух не пробудился и цеховая организация осталась до сего времени, чем была девяносто лет тому назад — мертвой буквой (49).

Теперь измышляется однородный опыт учреждения чина* или сословия русских *«полужевропейцев»*, и небывалость в истории подобного явления на сей раз вас не смущает. Подобно тому, как прежде объединяющим началом ставилось, для дворянства — «благородство — как следствие служебных заслуг», а для людей среднего* чина* — трудолюбие и добронравие, так теперь предполагается собрать разбежавшиеся личности под знаком *культуры**. Прежнее деление на 3 чина — «людей благородных, средних и низких» — упрощается* и заменяется делением всего русского общества на 2 полосы: культурную и стихийную, из коих только первая получит сословную организацию. По-вашему, это деление естественнее и сообразнее с нашими бытовыми условиями; оно находит свое оправдание в народном понятии о господах* и простонародии* (49, 50). Последнее деление основано на крепостном праве и не имеет ничего общего с культурностью*; по терминологии XVIII века есть люди благородные и люди подлые*. Это деление никогда не обнимало всего русского общества; {оно не захватывало} ни духовенства, ни купечества, ни низшего чиновничества и выражало только понятие полноправия в противоположность понятию полного личного бесправия. Теперь корень его засох. Оно не годится теперь для прививки {к нему чего-либо нового} (50). Покойный император пробовал поделить всех евреев на «полезных* и бесполезных*». Это было одним из грандиозных проявлений того правительственного произвола, которым отличалось с 1848 г. прошлое

15 || царствование. || Опыт стоил евреям неизмеримо дорого и решительно не удался, хотя положительные признаки полезности были определены очень точно. Столь же трудно поделить русских на культурных и некультурных людей. Вы бесцеремонно отделались от духовенства*. На самом деле вас занимает не культурность*, а* дворянство*. Что касается высшего купечества и людей умственного труда (по западной терминологии литераторов), то они бросаются вами в дворянскую среду главным образом с той целью, чтобы вне ее не оставалось ни единой группы, которая могла бы послужить стихийной силе признанным органом (51).

В естественном росте русского общества последовал полтора-вековой перерыв; тем временем государство* ушло далеко вперед и развилось до громадных размеров; общество отстало и замерло* (51).

От *земских* учреждений** осталось бы немного¹. Фадеев упраздняет, во-первых, *губернское* земское* собрание**, считая его ненужным; с этим сопряжено упразднение также и *губернской* земской* управы**, как исполнительной делегации от собрания*. Но *губернский бюджет* останется и *губернский сбор* будет взиматься попрежнему — он необходим для покрытия потребностей, несомненно земских по их свойству, но превышающих средства каждого уезда*, взятого порознь, как например взаимного страхования от огня... Какая-нибудь губернская инстанция необходима для заведывания земскими делами всей губернии, как-то: для раскладки государственного налога на недвижимые имущества в городах, для производства операций, требующих единства и одновременности распоряжений (например, по ремонту и постройке шоссежных дорог), для выборов членов от земства* в разные *губернские* присутствия**, комитеты, советы и т. д. Все эти права и обязанности вы хотите передать *губернскому* предводителю дворянства* и нынешнему депутатскому собранию* [уездным* предводителям и выборным дворянства]. Но откуда же, спросит читатель, {возьмутся} денежные средства и кем будет устанавливаться размер обложения на *губернские* потребности**? Вы отвечаете: «даже* в случае необходимости какого-либо общего налога на губернию (это «даже*») || покажется странным всякому видевшему хоть один губернский бюджет) он может быть голосован на месте (т. е. на местах, в уездах) большинством по счету уездных* собраний*». Во всей вашей² книге {проводилась мысль, что} сборное мнение может выработаться только в группе собравшихся вместе людей; теперь же, в применении к земству*, отдается предпочтение противоположному приему: сборное мнение всей губернии будет выводиться посредством арифметической операции — сложения и вычитания частных уездных мнений, {образовавшихся} порознь, без взаимной проверки* и в полном одно о другом неведении. Почему не пошли вы еще дальше? Вместо того, чтобы созывать уездные съезды, еще проще рассылать гласным* готовые вопросы на дом и отбирать письменные ответы от каждого из голосующих порознь (53, 54).

Даже в *пределах уезда** права и круг действия земских учреждений значительно суживаются. «У них отнимается право вести сношения с высшими инстанциями о местных потребностях и об общих вопросах, выбор мировых* судей* и вообще *должностных земских** лиц, облеченных исполнительной властью, пользующихся правом полиции, суда и нравственного надзора за населением». Все это отходит

¹ Речь идет о том, что получилось бы при осуществлении проекта генерала Фадеева и в частности его проекта преобразования земских учреждений и волостной администрации.

² Речь идет о книге Фадеева.

к дворянству. За уездными земскими собраниями оставляется исключительно *утверждение земских налогов*, притом кажется только необъявительных, *рассмотрение денежной отчетности* (только денежной), заявление об общественных нуждах и выбор лиц, *распоряжающихся* или *заведывающих* общественными суммами. Из текста трудно уразуметь, предполагается ли под заведыванием *и т. д.* исполнение хозяйственных операций, как-то: производство построек, заключение подрядов, открытие школ и т. п. или *только* казначейское дело приема и отпуска сумм по ассигновкам? Вы намеренно оставили этот вопрос открытым; но так как {земскому} собранию предоставляется только проверка одной *денежной отчетности*, а не сравнение сделанных расходов с достигнутыми результатами, так как главная цель всей ломки — «передача местного управления в руки дворянства» и так как, по вашему мнению, «только выборные || дворянства могут вести управление», позволительно заключить, что собранию остается только проверка кассовой отчетности. Теперь я рассмотрю, как эти проекты соответствуют вашей главной цели — внутреннему объединению * нашего общества (54, 55).

Средства на ведение земского хозяйства попрежнему будут получаться от * земства *. Но в настоящее время, облагая земство* на губернские потребности, губернское * собрание отдает ассигнованные суммы {в распоряжение} избранной им *управы* *, которую оно может привлечь к ответу и даже сменить. Собрание — доверитель, она — поверенный. Теперь такие коллизии редки ¹. Это изменится с {осуществлением} вашего проекта. Новое, чисто дворянское учреждение, нечто вроде депутатского собрания с губернским предводителем во главе будет ежегодно протягивать руку за деньгами ко всем уездным земским * собраниям. Легко ли будут проходить проекты бюджетов? Не будут ли {земские} собрания урезать сметы этого совершенно независимого от них управления и не будут ли отказывать * ему в ассигновках? Так будет и в более тесной области уездного земского управления. В настоящее время весь персонал, получающий содержание от земства, им же избирается. По вашему проекту все они, как-то: мировые судьи, лекари, учителя и т. д. будут выбираться дворянством, а на обязанности земства * останется ассигновка жалованья персоналу, по отношению к нему упавшему с неба, может быть, {вовсе} ему неугодному *и т. д.* ... Но вы оставляете земству* право утверждения ассигновок, всемогущее орудие. Вы говорите: «Земство* имеет естественное право давать свое согласие на требуемые от него жертвы в зависимости от удовлетворения заявленных им нужд». Таким образом, в пределах

¹ Имеется в виду, как видно из книги, отказ со стороны собраний в испрашиваемых ассигновках.

каждого уезда, между дворянством и его избранниками, с одной стороны, и всесловным* земством*, с другой, установились бы, в микроскопических размерах, отношения, подобные тем, какие существуют в конституционных странах между министрами от короны и палатой депутатов. Земство* — палата депутатов, дворянство — министерство (55, 56). Например, земство* скажет: мы согласны с определенной вами суммой || на 10 стипендий в гимназии, но с условием, чтобы 7 из них предоставлялись для стихийной силы и только 3 для культурного сословия, а не наоборот, как вы предлагаете, или мы примем расход на жалование председателю и членам губернского* коллегиального присутствия*, но с условием, что такие-то и такие-то господа, избранные дворянством, будут оттуда удалены; если же нет, — то нет (56, 57). И все-таки несколькими страницами дальше вы говорите: «из этого «если нет, — то нет», не имеющего у нас никакой почвы, вырос весь современный европейский порядок, выросли все конституции и революции». И все это вы предлагаете для «постановки объединения на место разлада!» (57.) По поводу земского самоуправления еще нечто загадочное! Подновленное при Николае екатерининское Городовое положение — есть полное осуществление принципа всесловности* в общественных учреждениях. Вы находите этот принцип «несостоятельным, бесплодным, опасным и губительным». Поэтому вы желаете превратить наше земское управление в *односословное*, то есть *дворянское*. Почему же ваш *крестовый* поход кончается у городской черты? Там вы готовы распространить всесловный принцип даже на «самые маленькие городки». Между тем вы говорите: «мещане ничем не отличаются от крестьян». Это одна и та же стихийная сила. Разве она (стихийная сила) не опаснее в городе?... Если бы, *следовательно*, создание нравственно цельного общества и ограждение его на будущие времена от внутреннего раскола* было *вашей целью*, а сосредоточение *всех* политических прав в руках дворянства было *только средством* к тому, то помилование вами городов противоречило бы всем данным, на основании которых вы подчиняете стихийную силу общества его разуму (*дворянству*). Противоречие объясняется, если вместо «*средство*» поставить «*цель*». Для дворян-помещиков захватить в свои руки местное управление в уездах, бесконечно важнее, чем в городах. Пощада, оказанная вами Городовому положению, неожиданно проливает свет на основной мотив всей вашей книги (57, 58).

Перейдем теперь к *волостной* организации**. Она — важнейшая. Там вы хотите «*всесловности**» и называете ее «неотложным вопросом текущего времени». Вы занимаетесь только || вопросом о волостной* полиции и оставляете совершенно в тени волость* как общество (58). Почему осуждаете вы принцип всесловности там, где он

осуществляется, в {пределах} уезда и губернии, и хотите вводить всеословность там, где ее нет и не может быть — в пределах волости*? (59.) Теперешняя волость* состоит из 3—4 сельских обществ, иногда из одного единственного, и обнимает только земли, отведенные им в надел*. Рядом с этой однословной «*мужицкой*» волостью* стоит помещик* и лежит его земля — других элементов в нашем уездном*, по крайней мере великороссийском, мире*, не имеется.

Чтобы этот *институт*¹ вместо однословного* состоял из всех или вернее из 2 сословий, пришлось бы, во-первых, в личный состав его ввести одного или нескольких помещиков, с правом голоса в общественных делах и доступа к общественным должностям; во-вторых, пришлось бы причислить к территории волости помещичьи земли, как новую статью обложения на общественные волостные* потребности, составляющие, за очень немногими изъятиями, предмет исключительно крестьянского интереса. Между помещиками и крестьянами лежит целая бездна, образовавшаяся на протяжении полуторавекового отчуждения, нет никаких посредствующих звеньев... Небольшая группа лиц, приписывавшихся к волости* только в полицейском отношении, исчезает из виду по своей малочисленности. *В экономическом отношении*² интересы помещика* и крестьянина *противоположны*: не *враждебны* одни другим и отнюдь не непримиримы, но противоположны по существу, как интересы покупателя и продавца, кредитора и должника, производителя и потребителя*. Помещик* сдает свою землю, крестьяне снимают ее; помещик рядит на работу, крестьяне нанимаются; помещик* открывает кредит, крестьяне должны. Сделки этого рода задают тон всему сельскому быту; они вплетаются во все подробности деревенской жизни и определяют характер взаимных отношений двух сторон во всех точках их соприкосновения. С чего бы ни началось дело между помещиком* и крестьянином, оно всегда сводится к вопросу о земле, о лесе, о долгах или о работе. || В этом интересы *всех* крестьян, будучи противоположны помещичьим*, тождественны между собой и при столкновении с помещиками* крестьяне не раскалываются, а {сливаются} в *один* голос.

Итак, в двухсловной волости*, зайдет ли речь о предстоящих обществу расходах, или об изыскании средств для этого, перед лицом помещика* {всегда} окажется не множество лиц, а *одно коллективное лицо*. Значит — вечные столкновения. Из такого материала создать двухсловную волость* так же невозможно, как самоуправляющееся

¹ У Самаряна: волость.

² У Самаряна: «в сфере хозяйственного сельского быта».

общество из купеческой фирмы и снабжающихся у нее потребителей, или из домовладельца и квартирующих у него постояльцев. В этой области, впрочем, вы сами воздерживаетесь от каких бы то ни было формулировок (59, 61).

Вы значительно упрощаете дело; вам нужна *всесословная** *во-лость** не в смысле *общества*, а *административной единицы*. *Полицейская власть* в самом широком объеме и *мировой* суд** должны быть сосредоточены, под названием *попечителя**, «в лице местного помещика* по выбору дворянства всего уезда, но из лиц, живущих в волости или близ нее». К этому вы добавляете: «крестьянское самоуправление, под надзором волостных* попечителей, данных ему дворянством, могло бы остаться в нынешнем своем виде». Невежественная толпа, пожалуй, этого даже не заметит (61). Ваше попечительство не имеет ничего общего, кроме названия, с тем, о котором упоминается в Положении* 19 февраля 1861 года. *Это — нечто нове-сонькое* (61).

Говорится, что волостной* попечитель будет исполнять свою должность бесплатно и самолично. Нелепость (61). Служба серьезная, изо дня в день отнимающая много времени, сопряженная с величайшей ответственностью, *не может быть у нас даровой*.

Доказательство — оклады мировых* судей*, председателей и членов земских* управ и вообще всех должностных лиц по общественной службе как земской, так и городской. Мы не англичане, можно об этом пожалеть, но помочь этому нельзя. Помещики*, круглый год проживающие дома, в деревнях, занимаются сами своим хозяйством, из-за недостатка средств не могут провести даже часть

21 || года || в городах и не захотят бросить свое хозяйство для безвозмездного ведения дел волости, а помещики* зажиточные, приезжающие в свою деревню на летнюю пору и хозяйничающие тогда только для виду, не соблазняются должностью попечителя, а если и примут ее, то не с тем, чтобы нести тяготу ее на своих собственных плечах и, подобно становым* приставам и волостным* старшинам, стоять по целым дням на базарах, разводить и подбирать пьяных, охотиться за конокрадами, отвечать на предписания и требования всевозможных начальств, выжимать недоимки и т. д. Вы облегчаете также дело попечителям-дилетантам. Во-первых, на предпоследней странице, в общем резюме предлагаемых мер, вы устанавливаете весьма общую формулу о волостном* попечительстве: «поставить над волостями* попечителей по избранию дворянства». Не требуется, чтобы попечители сами были *помещиками**, *дворянами*, а только, чтобы выбор их был предоставлен дворянству. Из сопоставления с другими местами, где вы указываете, что *цензовое* дворянство** как избранное сословие служит достаточной гарантией добросовестности

выборов, что поэтому нет никакой необходимости стеснять его свободу установлением каких-либо условий избираемости, что нужно не избрание в земские * должности из дворян, а напротив, избрание в эти должности дворянами — кого им угодно, — очевидно, что вы допускаете {попечителей}, удостоенных выбора, какого бы звания они ни были. Их наперед можно указать: это — бывшие помещичьи управляющие, приказчики, кассиры и писари (*молодцы из вотчинных контор*), которые ищут мест или, занимая какую-нибудь должность, *имеют много лишнего времени*¹ — словом, это *весь персонал вотчинных * контор**. Вот куда из помещичьих кабинетов переберется вся власть и {где она} окончательно сосредоточится; там же найдет она и готовые административные приемы — прежние традиции крепостного права, к которому она, естественно, льнет; от самого же помещика * эта власть получит не вдохновение или руководство, а лишь гербовую печать (62, 63).

22 || Вотчинная * контора *, по *-остзейски *: *die Gutsverwaltung...* Этот достопочтенный сосуд... крепостного права собираются теперь, перекрашенный и переименованный, навязать народу в качестве спасительного средства. *Такова суть попечительства ** (63). Так представляют себе дело и сами наши петербургские и баден-баденские охранители (64).

С другой стороны, вы оставляете при попечителе выборного от крестьян волостного * голову в качестве его помощника и даже поручаете ему временное исправление должности попечителя при кратковременных отлучках последнего; стало быть, ему должен подчиняться тогда и весь персонал вотчинной администрации. В действительности вся черная * работа * ложится на этого голову *. Чего потребуют крестьяне от этого своего избранника? — Парализовать вредные общинному делу распоряжения, исходящие от помещика *. Сам голова будет смотреть на себя как на орган общественной оппозиции, а не волостной * администрации (64). Хотя бы и оказался он орудием попечителя, действовать он будет по внушению вотчинной * конторы *, *которая в действительности и будет руководить делами* (там же).

Итак, волостному * помещику * — *дворянину* — попечителю вверяется судебная и полицейская власть. Он должен взыскивать казенные недоимки; из одного и того же кармана ему придется выжимать и государственные подати и свои частные долги (65). Он карает и за воровскую порубку у него в лесу и за публичные проступки и т. д. (66). Одно и то же лицо выступает и как помещик *, и как начальник * волости *, и как судья * (67).

¹ У Самарина: «не слишком обременены домашними делами».

Чтобы ослабить Россию внутренней рознью Бисмарк не мог бы придумать ничего лучше этого противопоставления в области земства * дворянской управы * — всесловному * собранию *, — а в пределах волости * — подчинения старшины * от крестьян попечителю от дворянства (68). Вы говорите — нельзя точно сказать, чего наше общество хочет? В другом месте вы говорите о потребности в сосредоточении. *Это пустая болтовня.* Если бы наше правительство поголовно опросило, не говорю уже всю Россию, но хотя бы только культурное общество, даже одно дворянство, большинство высказало бы два пожелания, а именно:

23 || *Во-первых:* увенчать ряд совершенных преобразований неотложным упразднением деления русского общества на податные * и необлагаемые податями состояния; заменить подушную * подать * системой *всесловного * обложения **, по возможности пропорционально ценности облагаемых имуществ и доходам плательщиков. Это — не личная догадка с моей стороны — в этом духе высказались все опрошенные правительством земские * собрания *, за исключением, кажется, одного. Вы совершенно не говорите о податной реформе; это единственное, что следовало бы сделать дворянству, чтобы утвердить свое первенство ... Трудно допустить, чтобы лицам, свободным от податей, прилично было, в качестве наставников и попечителей над крестьянами, которые обременены непосильными податями, проповедывать им святость труда, необходимость бережливости и обязательность жертв на общую пользу (68, 69).

Во-вторых: пусть правительство даст *России свободно вздохнуть* (69).

Со времен Петра I наше правительство никогда не отличалось строгой последовательностью в своих предприятиях, по крайней мере, по внутреннему, гражданскому управлению. В этом отношении мы не избалованы *. Начало всякого нового царствования * почти всегда знаменовалось законодательным кризисом; иногда кризис продолжался до середины ¹ царствования. В таком случае {оно распадалось} на 2 половины, из которых вторая посвящалась ломке всего построенного в первой. Поколение ныне стареющее испытало это в 1849 году. Но приходится сознаться, что *в последнее время реакции стали наступать гораздо неожиданнее, чем прежде, и непосредственно за каждым шагом вперед* (70).

В одно прекрасное утро Россия принимает праздничный вид — правительство открывает новое сооружение, {возведенное} по зрело обдуманному плану и вводит в него общество, выражая последнему

¹ У Самарина: «наступал в середине царствования».

свои надежды и свое полное доверие. Общество кланяется, благодарит и выражает свою безоговорочную веру в правительство. Правительство, в свою очередь, благодарит общество за доверие и обе стороны расходятся в умилении. На другой день из высших правительственных сфер падает на новое здание первый косой взгляд. За ночь лица, стоявшие в стороне, покуда кипела работа, открыли в нем какие-то капитальные пороки, возбуждающие сомнение в его прочности. Обыкновенно, как особенно опасное выставляется то обстоятельство, что фундамент слишком широк и заложен чересчур прочно, а надстройка слишком легка; || гораздо бы лучше наоборот: на зыбком фундаменте поставить грузное здание. На третий день правительство выходит на площадь, кается всенародно в своих ошибках и пугает общество грозящим крушением. Общество, только что разместившееся на своем новоселье, оглядывается в недоумении* и уходит, покачивая головой; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно, утихает. На 4-й день откомандированными мастерами этого дела замазываются некоторые окна и заколачиваются некоторые двери. На 5-й — правительственное сооружение отдается под стражу, назначается следственная комиссия и объявляется конкурс на тему: как бы снести здание, но так, чтобы не было ни стука, ни пыли и чтобы этого не заметили ни русский народ, ни Европа? Этой только минуты и выжидали «охранительные люди», как вы их называете; почуя ломку, они оживают, скликаются, напрягают свое воображение и проекты сыпятся* со всех сторон (71).

Вспомните, кем проводилось в исполнение Положение* 19 февраля и как внутренне относились к этому *некоторые* высшие руководители дела по выходе из министерства покойного Ланского*, как встретил Святейший синод попытки общества воспользоваться Положением* о приходских попечительствах; переберите дополнительные и пояснительные указы и циркуляры к Положению* о земских учреждениях; просмотрите роскошные здания комиссии по исследованию сельской производительности в России и другой комиссии о волостных судах, кажется, однако, не вполне понявшей, или не захотевшей понять, чего от нее ожидали; сравните первое Положение* о цензуре с ныне действующими правилами и с теперешней практикой, Положение* о народных школах 1864 г. с Положением* 1874 г.; примите, наконец, в соображение придуманную в последнее время систему постепенной урезки круга действий общественных учреждений и передачи целых категорий вверенных им || дел разным коллегиальным инстанциям смешанного состава с перевесом чиновничьего элемента над общественным, и затем рассудите: разумно ли ожидать успеха от учреждений, ежедневно колеблемых, и можно ли, при таких ненормальных условиях, требовать от общества единства

в мнениях и выдержки в действиях? К несчастью, эти условия минуют не скоро (71, 72).

По сообщениям из Петербурга в официальных кругах преобладает теперь сильное течение в пользу вашей программы; не сомневаются в успехе, в ее осуществлении не сегодня-завтра... Вопреки высочайшему рескрипту от 29 января 1865 года, огласившему на всю Россию, что «ни одно сословие* не имеет законного права говорить именем других сословий», петербургским дворянством было решено, в *сословном* собрании, подвергнуть обсуждению вопрос *всесословного** интереса, о новой организации волости, вопрос* *земский**, по существу, и подлежащий обсуждению только на земских собраниях (72).

Итак, наступает новый законодательный и вместе общественный кризис... Неисправимый славянофил, я все-таки верю, что Россия не умрет под ножом (фельдшеров, продельвающих новую операцию с живым духом), но когда она очнется*, ощупает себя и вновь станет на ноги, найдет ли она в себе прежнюю веру в правительство, в крепость* его слова, в твердость его намерений, прочность и надежность его творений? (72.)

(Со следующей страницы начинается извлечение из 2-й части сочинения.)

26 ||

**Ф. ДМИТРИЕВ. ВСЕСОСЛОВНАЯ ВОЛОСТЬ
ПО ПРОЕБТАМ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДВОРЯН¹**

Губернские * земские * собрания наполнены почти исключительно дворянами (77). [Многие лица, даже известные как противники освобождения, все же избираются уездными собраниями, где почти отсутствуют помещики * и все переполнено крестьянами (78).]

Пока Россия сживалась с новым порядком вещей, в Петербурге вновь раздались голоса о необходимости отменить² его. Недостатки крестьянского самоуправления выставлялись в Петербурге как прямой результат недостаточного влияния образованных классов. Демократической массой должна, мол, руководить консервативная мысль высшего сословия. Первая форма, в которой выявилась эта тенденция — предложение поставить над сельскими обществами *вытных*³ *голов* *, как высшую инстанцию. Это не встретило сочувствия.

Пять лет спустя другая попытка... учредить *всесословную* * *волость* *, куда вошли бы одинаково помещики * и крестьяне. Провинции истолковали этот план неправильно. Наконец, выяснилось. В *декабре 1870 г.* в петербургском губернском земском собрании *Платонов* * предложил: «поручить управе разработать вопрос об учреждении земских *всесословных волостей*», пригласив к участию в работе председателей уездных * *управ* * и некоторых губернских * *гласных* *.

Проект предполагалось представить на заключение уездных собраний и затем обсудить в губернском. Он был представлен *в конце 1871 г.*, но без отзывов уездных собраний, так как губернская управа * не успела их получить. Главные черты его. К волости применить, с некоторыми изменениями, систему представительства, которая существует в земских собраниях. Волостная дума * должна была назначаться 2 избирательными сходами, каждым отдельно: к одному причислялись отдельные⁴ собственники, владеющие имуществом не ниже 2 000 руб. стоимости, и уполномоченные от тех мелких собственников, имущество которых стоит не меньше 200 руб. Число уполномоченных определялось по числу *полных* * *цenzов* *, слагаю-

¹ Заголовок написан Марксом по-русски.

² У Самарина: изменить.

³ Вытный — старшина артели, раскладчик податей.

⁴ У Дмитриева: личные.

27 || щихся из мелких владений* (79). Другой сход* должен был состоять || из общинников*, т. е. крестьян, || из уполномоченных от каждых 12 дворов. Число гласных*, выбираемых обоими сходами, распределялось между ними не поровну, а сообразно с суммой оценки всех недвижимостей, принадлежащих той или другой категории владельцев, однако, ни тому, ни другому разряду избирателей не запрещалось выбирать своих гласных* и из другого разряда. Таким образом предлагалось, чтобы из 30 гласных* 20 выбирались частными¹ собственниками, 10 — крестьянами (78, 79). Волостной голова* *тогда* мог быть избран из числа всех гласных* без различия. Это — носитель всех прав и обязанностей нынешнего старшины, {с одинаковым} отношением к уездной полиции, с присваиваемым ему кроме того правом почетных мировых судей — выносить приговор по гражданским делам на любую сумму, при согласии на то обеих сторон. Сначала этот проект был отложен до получения отзывов уездных собраний. Эти отзывы поступали в течение 1872 и 1873 годов. Некоторые земские* управы* подвергли губернский проект серьезной и жесткой критике. Особенно петербургское уездное земство* отметило противоречие между проектом и приведенной к нему мотивировкой. Статистическими данными было доказано, что в петербургском уезде высшие классы составляют только 6,14% (1 399 человек) на все население в 22 799 человек. К тому же из этого небольшого процента следовало бы исключить еще духовенство. И при такой организации волостные выборы сохранили бы свой крестьянский характер.

В одной из этих волостей (Белоостровской*) стоимость собственности {составила бы}: у помещиков 725 цензов*, у торговцев 200, у крестьян — 429 *и т. д. и т. д.* (81). Петербургская уездная* управа* считала также совершенно излишним заменять какой-то другой связью связь между классами, установленную крепостным правом. И наконец, — крестьянскую нравственность может улучшить только школа, а отнюдь не волостное правление*, кто бы там ни сидел (81). Другие земства ограничились возражениями на детали; царское сельское* земство*, где председательствовал *Платонов** и слышать о проекте не хотело, отказалось дать отзыв и ожидало почина со стороны правительства (82).

Губернское* земство* отнеслось теперь равнодушно к проекту. Между тем реформа постучалась в другую дверь и та перед ней отворилась. *Петербургское дворянство* решило не ждать конца земской* работы, взять дело в свои руки. Тогда петербургское земство* с великим смирением решило выжидать решений дворянства (82).

¹ У Дмитриева: личными.

28 || В дворянском собрании 1873 г., несмотря на участие в нем *Платонова*, земскому* проекту не было уделено ни малейшего внимания. Но теперь {имелся} еще другой подробный проект *Савельева**, с обширной сопроводительной запиской. Он впервые открыто заговорил о *вотчинной* полиции**. Столь же решительно орудовал он с избирательной системой. У него {намечалось} 3 схода: крупных собственников, мелких собственников и крестьян. Каждый сход избирает по 10 гласных*. Для первых 2 категорий величина имущественного ценза устанавливается уездным земским собранием. Крестьянские гласные* — это сельские старосты*, из которых ежегодно отрягается потребное число в волостную* думу*. Избранная таким способом дума* в свою очередь выбирает волостное* правление*, состоящее из головы* и его помощников. Таким образом, волостное* правление* контролируется со стороны землевладельцев независимыми гласными*, а со стороны крестьян — подчиненными того же волостного правления.

Кроме того, имеются еще 2 изобретения: волостной голова поставлен в положение, весьма независимое от уездной полиции, и прямо подчинен губернатору; {делается} также первый шаг к уничтожению крестьянского суда, заменяемого мировым судьей с 2-мя заседателями от крестьян (83). Проект Савельева тоже не обсуждался, но мысль* этого (так же, как платоновского) {проекта} встречена очень сочувственно. Савельев ясно высказывает цель: уничтожить русскую сельскую общину «от подобия которой, в лице Парижской коммуны, содрогнулась вся Европа» (83 — *приведены слова Савельева*). Вопрос сразу ставится по-другому: дело шло уже не об улучшении волостного управления и хозяйства, а об усилении власти, которую нужно передать помещикам. Так как спасти отечество можно и личными подвигами, не расходуя собственных денег, то дворянское собрание отклонило «всякое предложение о *хозяйственной* *всесословной** волости*»: это означало, что спасаемые крестьяне облагать своих спасителей не будут (83).

В основу предложенного дворянством нового самоуправления были положены следующие начала:

- 29 ||
- 1) *уезд** делится на судебно-полицейские волости*;
 - 2) во главе каждой волости должен стоять *образованный старшина** с правами мирового судьи, мирового* посредника* и судебного* следователя*;
 - 3) отдельные¹ землевладельцы должны получить полицейские права на своих землях;
 - 4) уездные расходы не должны быть увеличены (84).

¹ У Дмитриева: личные.

Начертав такую программу, собрание выбрало комиссию для составления проекта (там же). Комиссия представила проект теперешнему дворянскому собранию 1875 г. (там же). Одновременно особый проект был представлен графом *Орловым-Давыдовым*, который не согласился с большинством комиссии (там же).

Комиссия взяла за образец *саксонские и баденские постановления* 1855 г. (составленные в период реакции) и *«либеральное» (!)* прусское положение об управлении округами от 1872 г. (там же). Председатель комиссии, князь *Лобанов-Ростовский* настаивал на том, что проект проникнут одним духом с прусским законом и говорил, что «они верят графу Бисмарку больше, чем нашим деятелям» (84).

Но прусский закон (*яко бы*) уменьшает власть помещиков, русский же {составлен} в противоположном смысле (там же). Прусский закон {устанавливает} строгий контроль правительства (85). В Пруссии множество землевладельцев были наследственными старшинами и судьями и имели вотчинную полицию. Положение об округах 1872 г. все это отменяет (там же). До 1872 г. в Пруссии существовали особые окружные положения для провинций, изданные между 1825 и 1828 гг. По ним крупным землевладельцам предоставлялся в окружных собраниях личный голос. Положение 1872 г. лишает их этого и образует из этих владельцев выборный орган. В результате этого количество членов-дворян в окружном собрании уменьшилось — где наполовину, где — на $\frac{2}{3}$ (там же).

30 || «Рассматривая недостатки существующих учреждений», говорит петербургская комиссия, «мы находим: 1) частую безнаказанность проступков, по случаю отдаленности * мировых судей; 2) частое отсутствие справедливости в решениях волостных судов; || 3) недостаточное число непременных членов *присутствия* *, лишаящее их возможности следить за законностью крестьянского самоуправления, которое находится в анархическом состоянии; 4) отсутствие низшей полиции на землях частных землевладельцев; 5) значительное влияние на сходах *лиц * неблагонадежных**» (85). Господин *Платонов* и граф *Орлов-Давыдов* высказывают свои мотивы менее подробно. Они сетуют на «недостаток власти», а кто, на их взгляд, особенно нуждается в этой власти, на этот счет они не оставляют сомнения, говоря о необходимости «обращения мировых посредников на истинный путь», или в еще более ясных выражениях, упоминая об *эмансипации*, уничтожившей «*сосредоточение власти*» (86). Итак, цель совершенно не та, что у прусского положения 1872 г. (там же).

Дворянству на собственном опыте известно, что незрелость сословных учреждений всего менее лечится отдачей их под опеку. Дворянские собрания выбирали грабителей-исправников * и

взяточников-судей, и однако они не требовали для себя опеки, хотя от этой анархии страдали не только они. Когда новгородский наместник Сиверс писал Екатерине II, что дворянство уклоняется от выборов, что выборные должности заполнены лихоимцами, она отвечала ему одними увещаниями о терпении (86).

Вместо подлинного {вникания} в подробности и факты крестьянского самоуправления комиссия ограничивается восклицаниями * и примерами, наподобие тех фиктивных, которые приводятся в грамматиках в пояснение общего правила. Например, по поводу безнаказанности проступков комиссия восклицает в скобках: «Гому охота ходить жаловаться за 50 верст на кражу в 2 или 3 рубля!» Потребность в наличии под рукой власти иллюстрируется рассказом о 50 дубах, похищенных крестьянами: какой-то помещик *, по требованию какой-то управы *, отпустил их на постройку какого-то моста, а крестьяне развезли бревна по своим дворам. Но это не доказывает отсутствия власти ¹ — она существовала уже давно в лице мировых посредников и по сей день существует в лице волостных старшин, — а это говорит лишь об обременительности и неразумности натуральной повинности.

31 || Чтобы доказать несостоятельность института мировых посредников, граф || Орлов-Давыдов приводит другой фиктивный анекдот: «два соседа идут за *расправой* * к мировому посреднику; от него к мировому судье, который захочет произвести дознание, — их потребуют в стантовую квартиру и * кончат * дознание *; соседи опять идут к мировому судье, а деревня, может быть, в 25 верстах от станového * пристава * и от мирового судьи; и исколесят они пешком таким образом верст 100, а дело кончится 2 рублями». [*Эти русские культурные * {люди}, кажется, считают старые анекдоты библией культуры. Ребячливые болтуны.*] Что доказывает такой анекдот, где нет ни лиц, ни обстоятельств дела *? Зачем пошли эти соседи к *мировому посреднику*, который разбирает только распри между помещиками, с одной стороны, и их крестьянами или рабочими, с другой стороны? И что это за * *расправа* *? Если это дело гражданское, частный иск, в таком случае при чем тут дознание *? Если дело уголовное, почему тут мировой посредник, а не волостной суд или прямо мировой судья? (87, 88.)

Если главное зло — отдаленность власти, то плохое средство помочь горю — заменить нынешнего волостного старшину, действующего *только* на 12 верстах в окружности, другим волостным старшиной, действующим на протяжении целого мирового * участка * (88). Теперь крестьяне ходят к мировому судье только тогда, когда они

¹ У Дмитриева: паздора.

имеют дело с не крестьянами (там же). Если для устранения анархии нужен сильный надзор за крестьянами, тогда от должностных лиц надо требовать постоянного присутствия в уезде и частых разъездов. Если, по словам Платонова, между крестьянами развивается безнравственность, теряется уважение к родителям и старикам, вследствие того, что «молодые люди приобрели самостоятельность», — неужели для внушения почтительности к старшим, их самих нужно отдать под опеку? (88.) Или волостные опекуны в лице дворян займутся проповедью нравственности вместо церкви и школы? Если власть в состоянии водворять нравственность, почему же не водворило ее крепостное право? (89.) Палка — плохое орудие проповеди (там же).

32 || Вот почему мы думаем, что не меры, которые предлагаются, вытекают из мотивов, а наоборот, мотивы подобраны к мерам. Было решено а priori, что землевладельцы должны стать во главе самоуправления, а затем дворянство начало придумывать мотивы этого требования. Другими словами: не отдельные землевладельцы требовались для власти, а власть потребовалась для землевладельцев (89).

Комиссия сознается, «что к несчастью образованный элемент в уезде* не велик, и мало изъявляет готовности жертвовать своим временем для общественной пользы», что за службу *земству** они требуют значительного жалованья, на уплату которого земских* средств недостаточно. Чтоб помочь этой беде, комиссия придумала «безвозмездную службу», но такую, которая отправлялась бы лишь тогда, когда это удобно землевладельцам (89). По поводу этой безвозмездной службы было много шума в дворянском собрании... Дворяне уверяли друг друга, что их сословие не отжило, что оно всегда отличалось преданностью государю, любовью к отечеству, способностью на все жертвы; вспоминали о древности русского дворянства, в рядах которого есть потомки Рюрика. В числе доводов обосновывалась и возможность безвозмездной службы.

«Одна из причин, говорит граф Лобанов-Ростовский, бегства землевладельцев в города и за границу заключается в том, что личность и имущество недостаточно ограждены». Как оградить расхищаемое имущество, на доходы с которого бежавшие землевладельцы кутят за границей, это открыл г. Платонов (тот самый г. Платонов, который несколько лет тому назад требовал земской* думы*). По его словам, сами крестьяне приходили к нему и говорили: «Возвратите нам власть помещиков*» (90). Вот при каком условии возможна даровая служба. Вернуть власть помещикам*!.. Это уж не так «безвозмездно» (90). Говорилось, что во всей Европе самоуправление зиждется на землевладельческом классе (91). «Сама

комиссия указывала на примеры бесплатной службы в Англии, Германии и в самой демократической Франции». *Au wai!* {О, боже мой!}.

33 || Впрочем в проекте комиссии далеко не все должности являются безвозмездными. Те, которые требуют *настоящей* работы, оплачиваются совсем как прежде. Безвозмездную службу несут только администраторы, которые администрируют, когда хотят и чьего «постоянного присутствия в уезде не требуется» (92). Недоставало еще, чтобы платили *парню, приезжающему из Петербурга*, деньги *за честь* отдавать ему отчет в делах, *его совершенно не касающихся* (там же).

Проектируемая *всесловная** волость есть нынешний мировой* участок* или немного меньше; по примеру Пруссии она делится на сельские общины и частные имения, получающие собственную организацию. Поэтому внизу, на низшей ступени управления, остается та же самая *чересполосность** (*разорванность земельных участков, перемежающихся с {чужими} полосами земли*), о которой столько кричали в дворянском собрании, как об основном недостатке существующего порядка (92).

Сельская община, которая, как говорит комиссия, служит «основой для правильного развития самоуправления», *подвергается полному переустройству*. Посягнуть собираются на то, что щадило само крепостное право. Реформаторам не нравится в деревне «многолюдное собрание, поддающееся минутным впечатлениям». Им нужно со стороны крестьян «то разумное и спокойное ведение прений», которое петербургское дворянство, вероятно, еще более ценит после своей последней сессии. У нас этот разумный порядок давно существовал — и догадайтесь где? В министерстве государственных имуществ, в том самом министерстве, {управление} которого в былые годы помещики* ставили ниже крепостного права. Этот порядок был терпим для крестьян, принадлежавших казне, а не для вольных крестьян (92, 93).

Новая сельская община заменяет нынешнюю волость; она состоит из нескольких селений, на пространстве не менее 15 верст в окружности, с населением около 1 500 {душ}. Установленное Положением* 19 февраля тождество волости с приходом исчезает, хотя приход, как территориальная единица, гораздо древнее подразделения государственных имуществ. Сельские сходы — общие и частные. Частный сход есть нынешний сельский*; но состав его существенно
34 || || изменяется. Чтобы устранить от сходов «неблагонадежных лиц» и избежать многолюдства, комиссия предполагает создать новую сельскую аристократию. Проект устанавливает *ценз в* три* душевых* надела** и сверх того не допускает на сходы:

1) лиц, моложе 21 года; 2) недоимщиков, {за которыми числятся недоимки} больше чем за 1 год; 3) приговоренных к уголовным наказаниям; 4) получивших и не возвративших ссуду; 5) не уплативших в срок установленных судом взысканий... Проект относится очень строго к чистоте крестьянских сходов (93). Пусть бы применили те же правила к дворянству и его собраниям! (*Au wai!*) (94.) Кому неизвестно, что каждый номер газет содержит отдел о продаже дворянских имений за неплатеж ссудной казне; что по государственным сборам недоимки с дворян поступают медленнее, чем с крестьян? Еще хуже обстоит дело с исключением тех, кто получил ссуду и не вернул ее. Тем самым самоуправления лишились бы целые сельские общества, например, в Самарской губернии, после недавнего голода, сколько найдется там волостей, способных вернуть ссуду в годичный срок? И при этом еще {исключение} за неуплату в срок установленных судом взысканий. (Например, — неуплата помещику * денег за снятую у него землю.) Значит, политические права отнимаются из-за частных историй? ¹ А как же дворянство с его опротестованными векселями? А предъявленные заемные * письма *? Сколько членов осталось бы в дворянских собраниях? (94.)

Что касается ценза, то его назначение — устранить «*бобылей**» (*б о б ы л ь** — *безземельный крестьянин, живущий то здесь, то там*) и лиц посторонних, принятых в общину, но не несущих, наравне с прочими, тяжести обложения (94). Таких лиц в крестьянских общинах нет.

В действительности, комиссия не прочь сотрудничать с классом бобылей*, которых она, со сходов, правда, устраняет, но которые 35 || ей для других целей весьма пригодны. Она говорит: || «Сельскую общину можно подразделить на трудолюбивых и ленивых; последние стремятся жить на счет первых. [*А дворянство — бездельничать за счет и тех и других.*] Они часто противодействуют желанию первых ² *разделиться подворно**, (т. е. *разделить подворно общинную собственность на мелкие участки*), зная, что в этом случае им самим пришлось бы зарабатывать деньги для уплаты налогов. Когда они свой собственный хлеб пропили, то для них опустошаются общественные магазины. Получив ссуды на посев или на продовольствие, они редко их возвращают; лишний хлеб они большей частью продают, так что их клины* зачастую остаются необработанными. Они составляют язву* крестьянского быта и препятствуют обогащению сельского населения. Если лишить

¹ У Дмитриева: «можно ли наказывать политической мерой... за несправедливость в частных отношениях?»

² Под первыми имеются в виду «трудолюбивые».

их права голоса, то старательные крестьяне найдут им заработок и заставят трудиться» (95). Вот и разгадка! Ценз нужен, чтобы уничтожить общинное землевладение, а вместе с ним, разумеется, и препятствие, которое оказывает нынешний закон отчуждению крестьянских наделов. {Авторы} проекта *тешатся*¹ уже тем, что будет с безземельными «ленивыми» крестьянами: старательные крестьяне обратят их в *батраков** (*б а т р а к* — Tagelöhner, Knecht, Arbeiter*) или в бобылей*, по петербургской терминологии (95, 96).

Помимо ценза есть еще другое лекарство для «язвы крестьянского быта». Общее Положение* о крестьянах допускает вообще на сходах решение простым большинством, но для важнейших дел требует $\frac{2}{3}$ голосов. К числу их отнесены приговоры о замене общинного пользования землей участковым или подворным*, и самый раздел земли на участки. Проект старается втихомолку свести это на нет. В статье 12 между прочим говорится: «переход от общинного землевладения на участковое, которое (*sic!*) решается простым большинством»² (стр. 96).

36 || Каким глубоким незнанием России, каким незнанием деревни веет и от этих рассуждений и от этих мер! Комиссия воображает, что за общинное землевладение держатся только ленивые крестьяне. Напротив, именно эта часть сельского населения скорее всего согласится на раздел земли. Пропившиеся крестьяне и теперь уже готовы подешевке отдать свои наделы. Уже и теперь разные охотники до дешевых покупок находят средства приобретать дешевые³ наделы разоренных крестьян. Так как закон не разрешает продажи неразделенной крестьянской земли, то изыскиваются лазейки: крестьяне выдают на себя заемные письма, добиваются судебного взыскания и при малейшей оплошности сельского старшины, не сумевшего вовремя доказать принадлежность надела всей общине, надел продается и переходит в руки ловкого промышленника. Против этого Сенат издал указы, но попытки обезземелить крестьян, все-таки, продолжают. Напротив, богатые крестьяне отнюдь не спешат с разделом земли. Оно и понятно. Богатые крестьяне прекрасно знают, что душевые наделы разоренных односельчан от них не уйдут. Они и теперь нередко фактически владеют ими.

Зачем же взваливать на себя обузу конкуренции {со стороны} помещиков и промышленников? Мы знаем различные случаи, когда, именно по инициативе богатых крестьян, сельские общины начинали процессы о {незаконном} отчуждении общинной земли (96, 97).

¹ У Самарина: «проект не скрывает».

² Цитата приведена Марксом по-русски.

³ У Дмитриева: душевые.

37 || Точно так же наивно думать, что общественные магазины опустошаются ленивыми крестьянами. Они, может быть, и хотели бы этого, но им этого никогда не разрешают. Общественные магазины истощаются вследствие непредусмотрительности сельского населения, а иногда этому помогает равнодушие богатых крестьян к участи бедных. Бедные большей частью состоят в неоплатном долгу у богатых и при *разборе** хлеба нередко богатые налагают руку на ссуды (в хлебе), выданные бедным для погашения этим способом прежних долгов. Вообще, || нет ничего труднее для нуждающегося, как добиться выдачи хлебной ссуды ¹. Крестьяне, получив разрешение на выдачу ссуд, тотчас же {приступают} к поголовному дележу хлеба. Во время последнего голода в *Самарской* губернии уездным управам стоило немалого труда получить верные списки нуждающихся. Несмотря на беспрестанные требования*, вопреки возвращению неверных списков, они {— управы —} вновь получали такие списки, во главе которых красовались имена крестьян, торгующих на тысячи рублей и имеющих запасы хлеба на несколько лет. В прошлом году {состоялось} высочайшее повеление, строго запрещающее поголовное распределение хлеба из магазинов. Это доказательство того, до какой степени между крестьянами укоренилось это злоупотребление. Источник его понятен всякому, кто знает сельскую жизнь не только по наслышке. *Внутри крестьянских обществ уже существует аристократия*, которую излишне поощрять законодательными мерами. Это *аристократия** кулаков*, *богатеющая** на* счет* чужой* нужды*. В интересах «обогащения сельского населения», о котором так заботится комиссия, было бы полезнее принимать меры против этой аристократии, например, открыть бедным более дешевый кредит, чем содействовать развитию этой аристократии, предлагая бедным крестьянам искать заработков (97, 98).

Если крестьянский надел* исчезнет, если обезземеление большей части крестьян совершится, то *крестьяне*-кулаки** явятся первыми приобретателями продаваемых участков. Они и мелкие торговцы, в особенности держатели питейных домов, постепенно заберут их в свои руки; крупным землевладельцам будет трудно с ними конкурировать, потому что, покупая мелкими участками, они всегда в состоянии заплатить дороже. Такой переворот не в интересах ни работника, ни крупного землевладельца. Для работника эти мелкие земельные собственники будут более жесткими хозяевами и эксплуататорами, чем нынешние крупные землевладельцы, а крупным помещикам труднее прежнего будет найти рабочих. Работники будут

¹ У Дмитриева: «нет ничего труднее, как добиться выдачи хлебных ссуд одним нуждающимся».

в вечной зависимости от мелких эксплуататоров, которые сумеют закабалить* их займами в голодное время; те же, которым это новое крепостное право придется не по нраву, будут вести бродячую жизнь в погоне за максимальным заработком.

38 || Безземельные крестьяне рано или поздно станут обузой для крестьянских обществ. Между ними будет масса нищих и средства богатых домохозяев будут уходить на призрение батраков*, которые не уживаются в работниках. При таких обстоятельствах о влиянии дворянства на крестьян не может быть и речи. Это влияние поддерживается не только близким соседством, но и постоянными, давнишними* отношениями*. Как только между помещиком и работником станет кулак*, влияние перейдет к последнему, потому что крестьяне лучше его понимают и больше боятся. Немного выиграет и государство, когда, вместо бедного, но не бесприютного крестьянина, оно получит бездомных батраков, настоящий сельский пролетариат, ничем не привязанный к месту. Петербургское дворянство очень хлопочет о благонадежности крестьян. Знает ли оно, что голод — плохой советник в делах благонадежности? (98, 99.)

Образование мелкой частной собственности желательно для развития народного богатства; обезземеление крестьян — худший путь для этой цели. Мелкая собственность, возникшая на развалинах крестьянского надела*, не подвинет народного хозяйства, потому что будет стремиться не к лучшей эксплуатации земли, а к эксплуатации работника. Люди предпочитают то, что легче, и этот нехлопотливый способ обогащения представится сам собой ввиду бездомной и голодной массы. Совсем иное было бы, если бы мелкая собственность образовалась из тех частей помещичьих земель, которые, то ли в силу их отдаленности, то ли из-за чрезмерной обширности владений, не могут надлежащим образом эксплуатироваться их владельцами, а иногда даже вовсе не эксплуатируются (99). Для помещиков выгода была бы двойная: из мелких собственников, живущих на окраинах их имений, вышли бы наилучшие фермеры; продавая часть своего владения мелкими участками, они возвысили бы ценность своих земель и приобрели бы оборотный капитал, недостаток в котором так сильно чувствуется в настоящее время. Это повело бы, может быть, и к лучшей обработке помещичьих* земель*, которая теперь почти невозможна для большей части землевладельцев (99, 100).

39 || Остальные части проекта полны противоречий с приведенной мотивировкой {проектируемого} преобразования, так, например, разные формальности, {вводимые комиссией}, вынудят крестьян к новым разъездам по делам и еще большей трате времени. Положение* о крестьянах позволяет созывать сходы по мере надобности

и дает право собирать их ближайшему сельскому* начальству*. Проект допускает сходы только 3 раза в год, а {чрезвычайные} ставит *целиком* в зависимость не только от сельского* старосты, который соответствует нынешнему волостному* старшине*, но и от будущего волостного* старшины*, т. е. мирового* судьи*. Чтобы решить, например, можно ли снять у помещика* землю по назначенной им цене, нужно посылать за разрешением к сельскому* старосте, за 15 верст, а тот {должен еще послать} к старшине*, за* 25 верст (100).

Многие дела, разрешимые только в ближайшем соседстве, передаются общему сходу*, например, назначение опекуна, разрешение раздела, ссылки порочных людей и т. д. Для *ссылки в Сибирь* требуется лишь простое большинство голосов... Сельский* староста, управляющий большую часть года без надзора схода, получает новое право политического свойства. Он должен наблюдать за *нераспространением подложных указов* и каких-либо вредных слухов: весьма важное право для полуграмотного* или вовсе безграмотного* крестьянина* (там же).

Итак, нехозяйственная* волость* вносит перемену первостепенной важности в хозяйственные отношения крестьян: она отнимает всякое право голоса у большинства, подчиняя его воле меньшинства. Но личным землевладельцам проект дает *только* новые права, права государственного (*политического*) свойства, но вытекающие прямо из землевладения, без всякой санкции со стороны государства. Они облакаются полицейской властью (101).

Комиссия *утверждает, что эта мера* заимствована ею из *прусского положения об управлении округами от 1872 г.* Она мотивирует эту меру так:

«Ныне (сказано в объяснительной записке) на значительных пространствах частных имений, иногда на сотнях квадратных верст, нет никакой полиции. Очевидно, что при подобном положении преступникам предоставляется широкое поле для действий. Если владельцам крестьянских земель предоставлено право выбора сельских старост, то равноправность требует, чтобы и частные землевладельцы пользовались тем же правом. Бояться произвола старост частных имений, как и сельских* старост, нет причины, *так как обиженному предоставляется право жалобь*» (там же).

40 || Прусское окружное положение от 1872 г., уничтожив вотчинную полицию в смысле права, связанного с землевладением и приобретаемого путем наследования, установило в частных имениях, взамен этой полиции, *поместных старост*, как || орган не частного, а государственного права (101). Правительство¹

¹ Имеется в виду прусское правительство.

6 Архив Маркса и Энгельса, т. XI

сделало уступку землевладельцам, сняв с них лишнее бремя — *полицейские функции в собственных имениях*, — и разрешило им поручать исполнение некоторых или даже всех должностных функций лицам, уполномоченным ими, или ближайшему сельскому старосте, и в последнем случае за денежное вознаграждение. Поместные старосты во всем сравнены с сельскими. Если помещики не живут в своих имениях, то назначение уполномоченного вменяется им в непрременную обязанность. Эти заместители утверждаются в звании поместных* старост ландратом, который может и отказать в этом утверждении. Если ни помещик*, ни его уполномоченный, по мнению ландрата, не способны к отправлению полицейских обязанностей, то ландрат имеет право назначить поместного старосту от правительства *за счет землевладельца*, который должен платить ему жалованье. У поместного старосты очень трудные обязанности: он составляет, например, списки для поразрядного налога и рекрутские списки. Он *подлежит дисциплинарному надзору*, может получить предостережение, выговор, {подвергнуться} денежному штрафу. И в других отношениях поместные старосты приравнены к сельским старостам. Как обширная сельская община может составить особую волость, так и большое частное имение {может быть волостью}. Но и в качестве поместного старосты и в качестве волостного старшины помещик остается¹ органом правительства, подчиненным окружному управлению. Кто знает прусскую бюрократию, тот поймет, что — эта зависимость нелегка (102, 103). Итак, новые полицейские права землевладельцев совершенно отличны [*на бумаге!*] от старой вотчинной полиции (103). Помимо того положение об округах трактует это {полицейское} право как преходящее и не видит помех к переходу этих полицейских функций к общине (там же).

У нас вотчинная полиция была предоставлена помещикам*, пока продолжались временно*-обязанные* отношения*. С упразднением их волостные и сельские власти стали к помещикам* в те отношения, которые {существуют} в Пруссии там, где землевладельцы передали свои должностные обязанности сельским старостам. Разница только в том, что наши землевладельцы *не платят жалованья* старостам, на которых сам закон возлагает полицейский надзор (103).

Итак, если все дело было только в том, чтобы подражать Пруссии, то можно бы было, без лишних хлопот, остаться при нынешнем порядке вещей. Но проект говорит еще о равноправности помещиков 41 || с крестьянами. Эта равноправность требуется не для всех земле-

¹ У Дмитриева; становится.

владельцев, а лишь для тех, которые *владеют* цензом**, так что мелкие смежные владения, хотя бы они непрерывно тянулись на несколько верст, остаются без собственной полиции и принуждены довольствоваться крестьянской полицией (103, 104).

Поместным старостой* может быть или сам помещик или его уполномоченный (согласно проекту). Последний назначается не правительством, а самим помещиком*, и им же сменяется. Ни слова ни о праве утверждения, ни о надзоре правительства. Ни намек на ответственность помещного* старосты и его обязанности исполнять требования уездной полиции. Напротив, где бы ни говорилось о подчинении должностных лиц, его имя опускается. Между тем ему предоставляются не только все права сельского старосты, но и бóльшие: при общественных бедствиях он вправе требовать помощи от сельского начальства и распоряжается доставленной ему помощью. В отличие от сельского старосты он не подчинен волостному* старшине*. Он преследует дезертиров, беглых и распространителей вредных слухов. Он производит *дознание** там, где нет судебного следователя или станowego* пристава*, делает обыски* и задерживает преступников. Все эти права могут быть переданы первому встречному «правоспособному* лицу*», т. е. помещным* старостой может вдруг оказаться какой-нибудь немец или поляк или даже бывший дворовый человек. Право жалобы должно служить гарантией против подобного администратора. Если бы жалоба всегда сдерживала произвол, его вовсе бы и не было (104).

Фактически это — бесконтрольная вотчинная* полиция (104).

Статья 81 гласит: «неопровергнутые показания (*как кажется, опровергать их нельзя*) председателя и членов уездного по крестьянским делам присутствия, мировых судей, земских* голов*, сельских* и помещных* старост, полевых и лесных сторожей считаются достаточной уликой для доказательства проступков, подлежащих ведению сельского и мирового суда» (105).

После этого достаточно будет только схватить кого-либо, и он будет уличен в воровстве. Простая привилегия вновь изобретенных должностных лиц, привилегия, которая не распространяется на представителей правительственной полиции, например, на исправника* или станowych* приставов*. Их показания попрежнему не имеют безусловной силы (105). Точно как в Турции, где свидетельство христиан против магометан не имеет силы, свидетельство же последних против первых, напротив — доказательство {вины} (там же).

42 || Всесловный* элемент, которого доселе нигде не было, появляется, наконец, в лице земских* голов* и волостных старшин. Институт земских* голов* заимствован из саксонских законов 1855 г..

притом с переделкой. Переделка имеет целью все подчинить земским* головам*, а их не подчинять никому (106).

Земские* головы* назначаются на 3 года губернатором по спискам, составляемым уездным присутствием по крестьянским делам. Условия назначения, по словам комиссии, те же, какие теперь {установлены} для мировых судей; на самом деле они иные. Во-первых, понижается имущественный ценз: вместе с землевладельцами допускаются лица, арендующие или управляющие имуществом, соответствующим цензу. Во-вторых, понижается и образовательный ценз: допускаются все лица, *«достаточно образованные»*, а это решается уездным по крестьянским делам присутствием, которое таким способом конкурирует с учебными заведениями в выдаче патентов образованности (106, 107).

Поставить землевладельцев во главе местного самоуправления нельзя иначе, как присоединив к ним их управляющих (107).

Отказ от должности земского* головы* допускается лишь в некоторых случаях*, по прусскому образцу, но с характерным изменением. [*Кроме того прусский оригинал отвратительно переведен.*] Изменение относится к ответственности и штрафам. В Пруссии лицо, которое без законной причины уклоняется от общественной службы, может быть лишено, на основании постановления окружного собрания, {права} участия в местном представительстве на срок от 3 до 6 лет. Кроме того окружное собрание имеет право на то же время повысить, {причитающуюся} на такое лицо долю местных сборов на $\frac{1}{8}$ или на $\frac{1}{4}$ — сравнительно с прочими обывателями. Если бы это было введено у нас, помещики* за каждое уклонение платили бы несколько тысяч рублей. Это неприятно; потому комиссия гораздо снисходительнее: уклоняющиеся подвергаются денежному взысканию, сообразно с их средствами, от 100 до 300 руб. за все непрослуженное или узаконенное время. Впрочем, кто же станет уклоняться, когда «земские* головы* не обязаны иметь в волости постоянное пребывание; в случае приезда их в волость и в случае их отъезда на время более месяца они сообщают об этом || ближайшему земскому* голове* или волостному старшине» (107, 108).

Вот единственная безвозмездная должность; вот те люди, которые призваны уничтожать анархию в крестьянском самоуправлении и проводить влияние образованного класса (108). Они будут делать все это между двумя поездками в Петербург или за границу. Вот почему комиссии пришла в голову последовательная, но в то же время оригинальная мысль — предоставить этой *аристократической*, совершенно свободной в своих движениях власти одни права, без всяких обязанностей. Они наблюдают за законностью действий волостных

и сельских начальств, за чистотой в селениях, за нераспространением скотских {падежей} и заразительных болезней, за больницами и школами, за хлебными магазинами, за охраной порядка и безопасности лиц и имуществ, за нераспространением подложных указов и вредных слухов. Они ревизуют сельские * суммы и дела *, задерживают преступников, производят дознания и обыски. Сопротивление их власти наказывается, как сопротивление полицейским распоряжениям, а за неповиновение, грубость и маловажные проступки, ими самими усмотренные, они налагают штрафы до 5 руб., которым могут подвергнуться и сельские должностные лица; распространяется ли это и на *поместных * старост*, — об этом умалчивается (108).

Обязанности земских * голов * состоят только в «наблюдении за исполнением распоряжений уездного по крестьянским делам присутствия и уездной управы». Сами они, повидимому, ничего не исполняют, а только наблюдают (108). Отношения их к уездной полиции еще проще: *они в праве требовать от нее содействия*. Полиция, все атрибуты которой переходят к ним, не должна ничего от них требовать. Даже жалобы подаются не ей, а в уездное присутствие. Этим косвенно дается чувствовать, что власть земских * голов * устанавливается *только* для крестьян, так как с уездным присутствием дворянство имеет дело только по своим поземельным делам с крестьянами. Жалобы подаются через самих земских * голов * и только в четырнадцатидневный срок (109).

Какая анархия водворится там, где будут действовать эти спасители общества! Например, *скотские надежды*, одно из наибольших общественных бедствий в России. На полиции в это время лежат тяжелые обязанности. Ей приходится наблюдать, чтобы предупредительные меры действительно исполнялись, что нелегко. Крестьяне 44 || || смотрят на подобные меры, как на притеснения, нередко продают зараженный скот или мясо, не дают ветеринарам осматривать большую скотину и зарывают павшую у себя во дворах и т. д. Представьте же, что исправник * уведомляет земского * голову * о распоряжениях комитета общественного здоровья, или уездная управа просит о содействии посланным ею ветеринарам, а земский * голова * удрал ¹ в это время в губернский город или, если это управляющий, то в другое имение своего доверителя, ничего не предусмотрев, потому что он раньше месяца думал вернуться (109). Или случись смута, какую мы переживали в 1863 г., когда не только в Польше и Западной России, но *по всему Приволжью * распространялись так называемые золотые * грамоты ** (109, 110).

¹ У Дмитриева: уехал.

Столь же бесполезны земские * головы * для земства. Они ничего не делают, а только наблюдают. Но в администрации и особенно в сельской требуется большая исполнительная деятельность. Пока земские * головы * занимаются наблюдением, кто будет строить мосты и больницы, {чинить} дороги, вести счета, производить торги, приискывать подрядчиков, нанимать лошадей для земской почты, одним словом, кто будет исполнять обязанности нынешних членов уездной управы, которые признаются ненужными при земских головах и косвенно уничтожаются? Кто заведывает уездным хозяйством, тот всегда должен быть на месте. Прежде всего органы земского хозяйства должны быть ответственны перед земством*, земское* собрание должно иметь право их *смести*¹. В проекте ни слова о зависимости земских голов от *уездной* управы, о их обязанности отчитываться перед уездным собранием в порученных им делах и денежных расходах. Или все будет делаться крестьянами, а головы будут лишь наблюдать? Или вместе с властью помещиков* хотят снова воскресить и *натуральную* повинность**, эту неизбежную принадлежность крепостного права? (110, 111.)

Бесполезные для правительства, бесполезные для земства* земские головы принесут частным лицам только ненужные стеснения. *Если будет возбуждена жалоба на этих всемогущих персон, то они соизволят отсутствовать.* И этой *диктаторской* властью² может быть облечен любой нажившийся продажей водки и купивший имение торгаш, любой помещичий управляющий, любой невежда, связанный с местными интересами только гербовым листом двухрублевого достоинства (111).

Административный наезд* земских голов — единственная даровая служба. Им подчинены другие должности, уже || оплачиваемые. И здесь мы встречаемся с тем же способом привлечь к управлению образованный элемент, а именно — путем понижения требований образования. «В мировые судьи, говорится {в проекте}, могут быть избраны, простым большинством голосов, *кроме лиц, означенных в судебных уставах*, лица, которые в уезде пользуются имущественным цензом, и получившие *достаточное образование* для исполнения судебных обязанностей)... О достаточности образования будет судить другое собрание — *мировой* съезд**, который должен раздавать аттестаты образованности. Эта коллегия будет еще менее строга, чем уездное* присутствие*, так как она состоит из людей выборных, которым опасно раздражать своих избирателей. Наряду с понижением образовательного ценза усиливается власть мировых судей,

¹ У Дмитриева: учитывать.

² У Дмитриева: «страшной властью».

так как почетным судьям разрешается разбирать уголовные дела по усмотренным или дознанным ими преступлениям. В проекте за всяким понижением требования *[к должностным лицам]* непременно следует соразмерное увеличение власти (111, 112).

Открывая причину своей невзыскательности, комиссия говорит: «В числе местных землевладельцев мы находим немало уважаемых личностей, *долго служивших в войске* или в гражданском ведомстве и получивших *домашнее** образование». Возложить на таких лиц судебную функцию можно с *большим** доверием*, чем на молодого человека, только что кончившего курс в учебном заведении (112).

Но, кроме доверия к отставным офицерам и чиновникам, исказить мировой* институт* требуется еще по другой причине. *Участковый** судья есть в то же время *волостной** старшина*, а он — краеугольный камень воздвигаемого здания. Без него наши спасители порядка не могли бы спасти его без ущерба для своих собственных дел или удовольствий. Человека надо прикрепить к месту, чтобы он по-настоящему работал и кончал затеянные ими дела без права сказать, что они дурно затеяны. Образованные люди нелегко мирятся с произволом, они могли бы *противоречить*¹, во всяком случае отнестись несочувственно. Арендаторы и управляющие, хотя и допускаемые к должности земских* голов*, от этой должности² устраниются именно потому, что служба волостного старшины* есть служба настоящая. Арендатор или управляющий не мог бы выполнить эту службу, не прекратив своей собственной работы. Крупным землевладельцам это крайне неудобно. Потому-то эти лица и не будут старшинами*. Эта тягостная должность возлагается на одних мелких землевладельцев, превращенных таким образом в *администраторов* для управляющих. Таково положение, которое дворянство, поговорив вдоволь о своем значении, создает для своего собственного сословия (113, 114).

46 || Волостным* старшинам*, как власти судебной, присваивается целиком компетенция нынешнего участкового* судьи*. Сверх того гражданские дела* по жалобам {на решения} волостных судов. Да еще «уголовные дела», изъятые из крестьянского суда. Собрание (*дворянское*) 1873 г. постановило передать все *без исключения* уголовные дела из волостного суда в мировой. Но комиссия сочла невозможным переложить на него {разбирательство} по всем уличным дракам в деревне. Она оставила за сельскими судами {рассмотрение} мало-важных проступков, т. е. в сущности сохранила нынешний порядок

¹ У Дмитриева: противодействовать.

² Имеется в виду должность волостного старшины.

без малейшего изменения, но нашла более приличным изобразить свою меру как нововведение. Мировым судам передается то, что у них уже было. Но круг деятельности их все же очень расширяется. Жалобы на волостные суды, по гражданским делам, отнимали много времени у съездов мировых* {посредников}, но они пересматривали решения волостных судов только в кассационном порядке, т. е. только тогда, когда была нарушена подсудность или допущена неправильность в ведении дела, например, не были опрошены свидетели. В проекте же говорится *вообще* о жалобах, следовательно, и об апелляциях на *суцность* решения (114, 115). Число дел у мировых судей увеличится таким образом вдвое, втрое, — что весьма нецелесообразно в то время, когда предлагается смешать судебную власть с административной (115).

Кроме того: мировой судья решает окончательно гражданские дела до 30 рублей; волостной {суд} — до 100 рублей. Таким образом большая часть дел, по которым будет принесена жалоба мировому судье, подлежит другой апелляционной инстанции — мировому* съезду*. Значит для крестьян — 2 апелляционных инстанции, для других сословий — только одна. Комиссия, заявлявшая раньше, что суд должен быть в самой непосредственной близости к крестьянину, теперь гоняет этого крестьянина сначала к мировому судье, оттуда в уездный город, на мировой* съезд*. Хорошо облегчение! (115.)

Административные дела волостного* старшины* тоже весьма сложные. Вместе с земскими головами он делит свою волость на участки* и в одном из них заведует всеми делами, на* правах* земского головы. По требованию каждого из голов он обязан заступать их место на время их отсутствия. На него исключительно возлагается: 1) решение дел по жалобам на постановления мирских сходов и сельских должностных лиц; 2) отдача недоимщиков в заработки; 3) утверждение в должности сельских должностных лиц; 4) удаление их от должности, кроме старосты; 5) временное отрешение от должности сельского старосты; 6) созыв чрезвычайных сходов, 47 || || общих и частных (116).

Однако, говорит комиссия, старшина* сможет справиться со всеми возложенными на него обязанностями дома, без частых разъездов. Это значит, что старшина* — простое орудие в руках земских голов. Он может выполнять все эти обязанности дома лишь при условии, если он поручит земским* головам* исследование на месте обстоятельств, давших повод к жалобе. Он будет, например, удалять {от должности} сельских должностных лиц, отдавать в заработки недоимщиков, сам ни в чем не удостоверившись, по отзывам той странствующей администрации, которой ввернется

участь уезда. Надо полагать, что и* прием* и* сдача* *участков** будет происходить по-домашнему, если и для этого старшине* не нужно пускаться в путь. Такая простота нравов* не существовала даже в эпоху воеводского управления в XVII веке (116, 117).

В перечне обязанностей, как волостных*, так и земских* голов*, не найти указаний на их отношения ко всем классам населения. Волостной* старшина* — власть, созданная исключительно для крестьян. Его обязанности относятся *только* к крестьянам. Правительство заменило мировых посредников непременными членами. Это — шаг вперед к уничтожению опеки; волостной* старшина* есть шаг назад, даже по сравнению с мировыми посредниками. Они не имели исключительного права созывать сходы; они не отдавали в заработки недоимщиков и, отменяя приговоры сходов, не заменяли их своими собственными решениями (117). В заключительной части проекта, как-то вскользь, мимоходом *уездному* присутствию** предоставляется право «издавать полицейские правила касательно исполнения законов». Видимо только для крестьян, судя по самому названию уездного* по* *крестьянским* делам** присутствия* (118).

Таким образом для крестьян, в отличие от других классов, устанавливается особая юриспруденция (там же). Если же эти правила обязательны для всех, то в какое отношение станет к ним уездная полиция? Обязана ли она их выполнять? *и т. д.* (там же). Во-вторых, характер уездных управ существенно изменяется благодаря тому, что должность {членов уездной управы} становится *бесплатной*; их обязанности ограничиваются {приездом} один раз в месяц для проверки отчетности и для назначения сумм к выдаче в распоряжение *председателя*. Проект предусматривает случай, когда никто не захочет ездить на собственный счет в уездный город и выбор членов не состоится.

48 || Тогда «проверка действий и отчетности» тоже отменяется и *председатель* действует на свой страх. Так как для членов уездной управы нет даже и той выгоды, чтобы они числились на государственной службе, подобно земским головам, то несомненно по большей части будет избираться один председатель. Крестьяне недостаточно богаты для такой безвозмездной службы. *Крестьяне устраняются из уездной управы.* {А между тем} грамотные* крестьяне были в уездной управе неоценимы и при ревизии общественных магазинов и для проверки списков нуждающихся в голодные годы и для надзора за земскими постройками и т. д. (118, 119). Задачи (*якобы*), намеченные постановлением петербургского дворянского собрания от 6 марта 1873 г., совершенно невыпол-

нены (120). Более *плачевного провала*¹ не может и быть. Не это ли смутно сознавало дворянское собрание, когда, после трехдневных прений, оно решило свой проект *не* баллотировать? (121.)

Перейдем теперь к отдельным проектам Платонова * и графа Орлова-Давыдова, ограничившись лишь несколькими замечаниями. В 1873 г. проект Платонова * был устранен. На этот раз он вновь его обосновал, под громкие рукоплескания. С комиссией он во многом сходиллся (121).

По словам Платонова (который сам проводил в своем уезде большую часть правительственных реформ) *сосредоточение* власти было уничтожено освобождением крестьян. До 19 февраля 1861 г. *все было в прекраснейшем порядке*: в уезде была власть хозяйственная и полицейская; в *дворянских имениях* — в руках помещиков*; в государственных и удельных* — в руках казенного управления. С освобождением наступила административная чересполосица. Крестьянские земли вошли в состав волостей*, помещичьи подчинены прямо уездному полицейскому управлению. Отсюда, и ни от чего другого, *сословная* рознь** и взаимная отчужденность сельских обывателей, прежде любовно связанных между собой одинаковым крепостным правом, с одной стороны, одинаковой крепостной зависимостью, с другой (122). Отсюда также искусственная централизация {всех дел} в уездном городе, {централизация}, от которой особенно страдают помещики*. Нужно, следовательно, для помещиков* создать ближайшую власть, а крестьянам даровать образованное начальство (122, 123). В действительности он хочет уничтожить не только новые, но вместе с ними и уцелевшие старые учреждения (123).

А затем он приспособливает свои мероприятия к существующему порядку (124).

49 || Место {упраздненных учреждений} заступает власть, напоминающая времена Рюрика (124).

Уже нынешнее {земское} Положение дает в земских собраниях перевес дворянству. Оно принимает за общее правило, чтобы личные землевладельцы имели приблизительно столько же гласных*, как городское и сельское сословие вместе. Так, например, если город избирает 10 гласных*, а крестьяне 15, то землевладельцы выбирают 25. Если бы землевладельцы являлись все (чего они не делают) в земское* собрание*, то большинство было бы за ними всегда обеспечено (124, 125).

Стремление крестьян в земском собрании облагать налогами в первую голову помещичьи земли сдерживается тем, что большинство крестьян обыкновенно остается равнодушным к затратам,

¹ У Дмитриева: «полной неудачи».

которые делаются не для их местности. Их не интересуют улучшения на другом конце уезда, да и доходность земель в целом уезде им неизвестна. Но в границах волости все они знают, для чего делается затрата; доходность помещичьих земель всем им там точно известна, и крестьяне не преминут воспользоваться податной силой землевладельцев для удовлетворения тех местных потребностей, которые более всего чувствуются крестьянами и в которых остальные классы почти не участвуют (126).

Школы, больницы, некоторые пути сообщения — все это существует только при земских учреждениях и не существовало в *счастливую* эпоху сосредоточения {власти} (127).

Прежние выборные (от дворянства) исправники* обыкновенно принадлежали к худшей части дворянства и особенно отличались пьянством (128). Хотя они и избирались дворянством, но были просто раболепным¹ орудием губернатора (там же). Их дворянские тенденции проявлялись разве только в медленном взыскании недоимок с какого-нибудь влиятельного дворянина, располагающего большим числом голосов на выборах (там же).

По словам графа Орлова-Давыдова {чувствуется} недостаток власти, менее заметный в городе, чем в деревне, с момента освобождения крестьян. Что нужно крестьянину, так это быстрое решение. Средство: уничтожить разделение {власти} на судебную и административную (132). Эту власть передать помещикам, разумеется, с их помощниками — *управляющими**, без которых никто из составителей проектов не может представить себе местную деятельность дворянства (там же).

50 || Сосредоточение власти в руках помещиков*, по его мнению, будет лишь проведением в жизнь Положения* 19 февраля 1861 г., т. е. дополнением к освобождению крестьян. В порядке, установившемся в 1861 г., говорит он, есть сторона постоянная² и сторона преходящая. Уничтожение крепостной зависимости неизменно: *«все остальное есть закон временный, закон, в определенном отношении, приноровленный к каждому периоду»*. К последнему отношению поземельное устройство, которое, однако, {закон} изменяет только в административном отношении (132, 133).

Надобно упразднить надзор правительства за крестьянским самоуправлением и заменить его надзором помещиков*. Та же самая точка зрения преобладала в Балтийском крае и в наше время побудила правительство вновь освободить тамошних крестьян (133).

¹ У Дмитриева: покорным.

² У Дмитриева: вечная.

Волостной голова* у него¹ — в качестве главного органа волостного управления — выбирается уездным земским собранием на тех же основаниях, как нынешние мировые судьи (133, 134). В его руках и судебная и административная власть. К нему переходит вся компетенция волостного суда, а в полицейском отношении: 1) он объявляет законы и правительственные распоряжения; 2) задерживает бродяг, беглых и дезертиров, а также преступников; 3) наблюдает за исполнением *паспортных* правил; 4) распоряжается при пожарах и других народных бедствиях; 5) наблюдает за исполнением законов о воинской повинности, и 6) за исправным содержанием дорог, мостов и перевозов (133, 134). Таким образом, к нему переходят все обязанности* *волостного старшины** (там же). На самом деле это списано с общего Положения* о крестьянах. Он опускает {статью, где говорится}, что волостной старшина* «обязан исполнять все требования полиции и судебной власти». Вместо этого поставлено: волостной голова оказывает *всякое содействие* правительственным и сословным учреждениям в их законных требованиях; подобное же *содействие* всякая установленная законом власть оказывает волостному голове. «Таким образом, по крайней мере в этом, г-н граф сходится с проектом комиссии; он хочет для землевладельцев, принимающих на себя заботу местного управления, полной независимости от местной правительственной власти. Волостного голову он подчиняет не *уездному присутствию по крестьянским делам*², которое он желает уничтожить, а прямо губернатору, власти еще более отдаленной. В судебном отношении волостной голова подчинен *съезду* мировых* судей**, который таким образом {станет} апелляционной инстанцией для крестьянского суда. Этим же властям принадлежит право привлекать волостного голову* к ответственности, а* *судится** он в окружном суде» (134, 135).

51 || Каждый уезд подразделяется на известное количество волостей. Губернатору пришлось бы надзирать, по крайней мере, за 60 мелкими помещичьими правителями (135). Таким образом недостаток власти в селе переносится на государство (там же).

После волостного головы стоят десятники*, которые, согласно одной статье, должны проводить {в жизнь} постановления волостного* схода* (135); в действительности под смиренным названием десятника укрывается *вотчинная полиция*. Говорится так: «по отношению к лицам, живущим в пределах частных имений, должностные обязанности десятника возлагаются на помещика*, его уполномоченного или назначенного им старосту». Итак, помещик* есть десятник

¹ В проекте Орлова-Давыдова.

² Подчеркнутые Марксом слова приведены им по-русски.

по праву рождения, без выбора. Если сходу* вздумается выбрать его же в десятичники над ближайшим сельским обществом, то власть целиком сосредоточится в одних руках (136).

По {проекту} *этого* Орлова, крестьяне отдаются целиком во власть помещика* или назначенных им лиц, но только крестьяне (там же)¹. Даже не упоминается, кто будет иметь надзор над местными помещиками (137). Волостной сход* состоит из представителей имущественных цензов в 500 десятин каждый (там же). Землевладелец, владеющий такой земельной площадью, имеет один голос, для себя лично; у кого больше — максимум 2 голоса. Крестьяне же выбирают на каждые 500 десятин по одному уполномоченному все вместе (там же)².

Петербургское дворянство своих проектов не баллотировало. Оставив за собой право дальнейшего обсуждения {вопроса}, оно не признало, однако, вопрос подлежащим ни «ближайшему обсуждению земства*», ни законодательной власти (*Сенат?*) (138). Таким образом дворянское собрание считает себя компетентным решать {вопрос} об учреждении *всесословной* волости** (там же). Эти постановления, принятые значительным большинством голосов, весьма знаменательны. Они показывают, что в глазах дворянства *всесословная* волость** есть интерес дворянский (138).

Эти дворяне, задумавшие «итти в народ» впали в ту же ошибку *и т. д.*, что и заблудшая молодежь. Сами того не желая, они стали революционерами (*только в противоположном направлении*). Граф Орлов-Давыдов сам говорит: «многие, исходя из самых различных побуждений, желают опрокинуть³ весь общественный строй» (139). Дворянство ослабило бы правительственную власть, как в 1789 г., и это привело бы к той централизации, именуемой *террором* (141), (*который их самих схватил бы за глотку, как это случилось с французским дворянством*).

52 || Князь Лобанов-Ростовский просит дворянское собрание не верить гласу народа, «потому что глас народа требовал распятия Христа». Он забывает прибавить, что народ, пока он действовал по собственному вдохновению, встречал спасителя с пальмовыми ветвями и требовал распятия лишь тогда, когда действовал по наущению князей и архиереев (143).

¹ Резкость и четкость формулировки принадлежит Марксу. У Дмитриева то же выражено без такого подчеркивания безраздельной власти помещика над крестьянами.

² Дальше Маркс опускает рассуждение Дмитриева о том, что в конечном счете на волостном сходе большинство голосов будет у крестьян, и они, дескать, это используют для сугубого обложения помещичьих земель...

³ У Дмитриева: извратить.

Собрание много толкует о «неблагонадежных лицах», о распространителях вредных слухов *среди них*. Не будем доискиваться побуждений и {видеть в этих опасениях} желание запугать правительство, уверив его, что в недрах крестьянской общины кроется революция. Чем искреннее эти опасения, тем больше свидетельствуют они о незнании России. «Распространители вредных слухов» принадлежат не к крестьянству, а к высшим классам. Крестьяне нелегко поддаются их влиянию. Как видно из политических процессов, они обнаруживают естественную склонность отвести распространителей в полицию. Крестьянина можно взволновать только одним слухом: коснитесь его надела*, его права распоряжаться своим клочком земли, и «вредные слухи» начнут перелетать, как молнии; тогда и вотчинная полиция не успеет задерживать распространителей. Землевладельцы первые пострадают от слухов. Крестьянин не верит, чтобы православный царь не защищал православных; все, что нарушает его интересы, он приписывает чужому влиянию, успевшему стать между ним и государем*. Принимаясь переделывать крестьянскую общину, землевладельцы берут на себя страшную задачу, которая легко может обрушиться на их головы (143, 144).

Петербургские проекты дворянства обнаружили, что во всеобщей* волости* оно не имеет в виду ни земского, ни правительственного интереса. Уступить после этого его внушениям значило бы, для верховной власти, сложить свое земское призвание в пользу небольшой группы людей (144).

«ЧЕМ НАМ БЫТЬ?»

53 ||

ОТВЕТ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «РУССКИЙ МИР»
В ДВУХ ПИСЬМАХ»¹.

(Книга издана, как и предыдущая, у Бера, Унтер ден Линден,
в Берлине²) 1875. (Анонимно)

{Автор³} говорит в *предисловии*: с начала марта до августа (включительно) 1874 г. в «Русском* мире*» печатался ряд передовых статей под заглавием: «Чем* нам* быть*?» {Это} «проект коренного переустройства наших сословий и местного управления», в противоположность «преобразованиям нынешнего царствования». Автор {этих статей}⁴ говорит, что он «ожидает возражений»; но это — «насмешка над злосчастной русской печатью». При теперешнем состоянии цензуры в России отвечать ему невозможно. Поэтому его статьи и остались почти без отзыва. Поэтому настоящий ответ напечатан за границей. Хотя «я по крайней мере столько же благонамерен и консервативен», как и этот автор, я «не могу рассчитывать на такую же снисходительность» со стороны русской цензуры. Поэтому я пишу также анонимно; это необходимо, так как с некоторого времени благонадежными считаются только те люди, которые придерживаются оспариваемых здесь взглядов; и потому, что «для политических преступников и нарушителей цензурных правил» судебные гарантии отсутствуют (1, 2).

Письмо первое

Статьи в «Мире*» по своему тону, последовательности и т. д. «резко выдаются посреди невольной пустоты теперешней русской периодической печати». Это — критика правительственных распоряжений за последние десять лет. Для очень многих и для меня самого

¹ Заглавие книги написано Марксом по-русски.

² В тетради Маркса этим выпискам предшествуют выписки из книги Самарина и Дмитриева «Революционный консерватизм».

³ Кавелин.

⁴ Генерал Фадеев Р. А.

эти статьи — целое откровение. Благодаря им разъяснилось разом «много непонятное и загадочное в наших обстоятельствах, в административных и законодательных мерах последнего времени» (3). Эта программа ломки наших теперешних порядков не есть порождение какого-нибудь газетного писаки, а «давно решено в высших правительственных сферах, давно и последовательно проводится в администрации и законодательстве» и, как в эпоху последней французской империи, «возвещается публике официально, чтобы подготовить ее к {предстоящим} правительственным мероприятиям». Все подтверждает этот взгляд. «Мы с некоторого времени не смеем больше рассуждать о политических предметах». Автор говорит как власть имущий (4). Для него цензура делает исключение {из правила} — всегда подавлять «всякое искреннее выражение мнений и взглядов, как бы они не были умеренны и скромны». Он один говорит, что думает (5).

{Вдобавок}, это поразительное совпадение его взглядов «со стремлениями, которые начали обнаруживаться в нашей администрации и законодательстве» еще за 3 года до 4 апреля 1866 г. и с того дня выступают все яснее. Их ведущая мысль, как и этих статей, — «отрицание преобразований 60-х годов». В упомянутых статьях говорится с отвращением и горечью || о порядке дел, созданном у нас со времени освобождения крестьян, о крестьянском и земском* (5) самоуправлении, о мировой юстиции, о местной администрации и бюрократии (6). Автор уверен, что сделанные у нас преобразования «были в некоторых частях своих слишком теоретичны, а потому не совпадали с естественным течением русской истории»; что «выработанный русской историей культурный слой был во многих отношениях пожертвован отвлеченным идеям бессословности*, т. е. низшим сословным группам, представляемым на западный образец, никогда не существовавшим на русской почве»; что «в начале реформ имелось, кажется, в виду заквасить развитой умственной силой России всесословность* на американский образец» (там же). Наша главная болезнь, говорит автор, «обезличение и разброд*, происходящие от того, что дворянство, единственное связанное и культурное* у нас сословие, утоплено и разведено* преобразованиями нынешнего царствования в массу черни, в то время, как прочность правительства находится в теснейшей зависимости от связности* культурных слоев, разрываемой революцией — чернью*, которая живет вне культурного слоя» (6). Бессословности* и происходящей от того разъединенности приписывается также безуспешность земского* дела*, что дарованные нам льготы оказались «мертворожденными» (7). Народ наш не признает демократического равенства и всесословности*; их проповедают лишь семинаристы, выходящие толпами в чиновники и которых автор

презрительно называет «*фризовым (от слова «фриз» — шерстяная одежда) пролетариатом*». Нашему народу, говорит он, неведомо полицейское самоуправление на швейцарский лад*. Он варьирует на самые разнообразные лады тему, что между крестьянами и господами нет розни, что крестьяне в своего брата не верят, полагаются больше на* правду* господ, а господином они считают не какого-нибудь студента, забредшего на их сторону, а своего местного, коренного* помещика*. Трогательное доверие и единодушные между дворянством и народом разрушено реформами 60-х годов, произведенными ненавистной автору левой стороной русских мнений и бюрократией (7, 8).

55 || Бывшие славянофилы признаются правой стороной в серьезной части их трудов, — не в их теориях и практических заключениях, но в их анализе *воспитательного периода*, именно *периода от Петра I до нашего времени*; в главный упрек им ставится то, что они приходят почти к тем же заключениям, || что и позднейшие либералы, а именно, что «они искали спасения в сокровищнице стихийной мудрости русского простонародья*». Русская бюрократия представляет «обеспечение благонадежности и способности только в высших сферах, тех именно, которые ведут управление можно сказать лишь теоретически, но не соприкасаются с жизнью прямо» (8). Прямые, надежные и сознательно верные, более всякой бюрократии, слуги верховной власти, это дворяне (9). Но у нас параграфы закона выработываются начальниками отделений (департаментов). Мировая юстиция опорачивается, и в виде образца наших присяжных приводятся «крадущие и просящие милостыню {присяжные} из крестьян» (там же).

Дворянство — наша единственная культурная сила — связанное, наследственное учреждение; оно должно образовать ядро русской политической и общественной жизни, не захватывая ее впрочем в свою исключительную собственность¹. «Все земское самоуправление, властные гражданские должности, суд и военная служба должны находиться в дворянских руках, если и не исключительно, то по меньшей мере преимущественно». «Такого привилегированного положения наше дворянство достойно вполне» (9). «К нему власть могла всегда, по всякому поводу», обратиться «со всякими разумными требованиями, в полной уверенности, что ее требование будет исполнено немедленно и с сочувствием, хотя бы вынуждало к большим жертвам». Но это сословие должно быть преобразовано. Надобно, «чтобы доступ в него снизу был не слишком затруднителен и открыт не только

¹ Конец фразы, начиная со слов «не захватывая» — написан Марксом по-русски.

лицам, повышающимся в государственной службе, но и другим культурным званиям; чтобы ряды его раздвигались для богатства, известного размера и известных видов, и для умственных заслуг, чтобы достойные люди из культурной среды могли *лично* группироваться около потомственной привилегии» (10). Дворянству в новом составе, и обязательно служилому, представляющему известный ценз (для потомственных дворян не менее 1 000 руб. годового дохода, для прочих* членов сословия гораздо выше) с присоединением качеств (значительного чина*, высокой ученой степени), должна быть исключительно передана в уездах вся власть, все местное земское самоуправление: сельская полиция, тюрьма, надзор за неблагонадежными людьми, сбор податей, управление волостями* (10). Должности волостного* начальника и мирового судьи соединяются в одном лице.

56 || На эти должности избираются || местные помещики*, живущие в волости или близ нее, а головы* из крестьян — их помощники. Полицейская власть переходит к начальнику волости. Дворянство не только заменяет теперешнее самоуправление в уездах и губерниях, но также устраняется в уездах от всякого вмешательства в земские дела и коронная администрация. Роль администрации ограничивается в уездах утверждением или назначением должностных лиц из местных жителей (увольняемых только по высочайшему повелению), преследованием виновных перед судом и приостановлением мер, не согласных с видами правительства, до решения свыше (11).

Дворянство организуется весьма сильно: оно избирает по своему усмотрению в должности «без всякой обязывающей его мерки». Оно может всякого принимать в свою среду и исключать из нее (11). Лицо избирается в среду избирателей не иначе, как голосованием. Отменить такое голосование может только верховная власть. Все властные* должности* занимаются дворянами, за исключением приказных*; по существу эти должности для них закрыты. *Губернский* предводитель дворянства* имеет совещательный голос («в высшей административной среде»). Губернские* съезды дворянства имеют право ходатайствовать перед верховной властью о желательных изменениях в законах и пользуются «потребной свободой» взаимных сношений*. Высшие гражданские должности в службе замещаются *земскими деятелями**, хотя сначала может быть только в областях. Благодаря этому «направление дел изъято из рук канцелярских учреждений». «Уравновесить 2 силы, бюрократическую и земскую» (*значит: помещичью*), «происходящие из различных источников, выражающие* совсем иные отношения правительства к народу, даже другой возраст государства, вносящие в общее дело прямо противоположный дух — совершенно невозможно». Центр тяжести должен быть пере-

несен из чиновничества в «общество». Предлагается сокращать по возможности бюрократические учреждения, {а сбережения обратить на} пользу земства* назначением бесплатным земским должностям {пособия от государства}. Дворянство должно отличаться от черни и от «перерастающих чернорабочий слой» степенью своего образования. Наука должна быть привилегией высшего сословия; 57 || простому народу остается в удел только || грамотность*; а перерастающим чернорабочий слой — только техническое и ремесленное обучение. С этой целью правительственные стипендии, раздаваемые ныне кому попало, должны быть обращены исключительно на образование дворянства, а простым сословиям не предоставлять стипендий на классическую гимназию (11—14).

Вся эта программа известна всякому, кто следил за ходом вещей у нас со времени освобождения {крестьян}; ново только, что она теперь опубликована, и по всей видимости с одобрения правительства. [Говорят (*это—примечание на стр. 14*), что редакция «Русского* мира*», поставленная под покровительство графа Воронцова-Дашкова*, лица, очень близкого к наследнику, получила недавно от последнего, в виде субсидии на издание этой газеты, 25 000 рублей. Что взгляды, выраженные в статьях «Чем* нам* быть*?», представляют собой *программу придворной клики*, правящей теперь Россией, — нам давно известно, но что к ней принадлежит также наследник престола — это прискорбная новость, которой мы не хотим верить.]

*Бывший** министр внутренних дел *Валуев**, создатель теперешнего направления нашей внутренней политики, и словом и делом (*распоряжения*) неуклонно проводил эту программу. С 1863 года, когда мирное разрешение крепостного вопроса {стало} несомненным, он громко выражал свое презрение к губерниям, где к их несчастью или почти или вовсе нет дворянства; он убил институт мировых* посредников*, на плечи которого был возложен мирный исход освобождения крестьян. Где только мог, статс-секретарь Валуев, правдами и неправдами, урезывал права бывших помещичьих крестьян на землю, бесспорно и истари им принадлежавшую, нередко уступленную и проданную им их бывшими владельцами. Все статьи Положения* 19 февраля, которые можно было толковать в пользу (помещиков*) и во вред крестьянам, — он так истолковывал. Выбором губернаторов и членов губернских* присутствий* по крестьянским делам он, насколько от него зависело, дал другой оборот ходу крестьянского дела на местах*, ослабив и исказив дух Положения* 19 февраля. Достаточно было выразить дворянский образ мыслей, в смысле программы «Русского* мира*», {заявить} ненависть и презрение к крестьянам, чтобы попасть в || члены губернских* присутствий* 58 ||

и в губернаторы. Сочувствие к крестьянам он преследовал как признак политической неблагонадежности и антимонархического образа мыслей. Там, где он мог выразить свое недоброжелательство к крестьянам, он делал это самым недвусмысленным образом. С непонятным злорадством относился он даже к голодающим мужикам. Всем памятны его действия во время голода в Архангельской губернии. Единомышленники его пошли далее: они систематически выморили голодом половину Холмского* уезда Псковской* губернии. Этот образ действий относительно голодающих крестьян проводился, повидимому, как правительственный принцип, судя по недавним распоряжениям самарского губернатора *Климова** (14—16). Той же системе следовал Валуев в *цензурном** управлении. {Он} не пренебрегал никаким средством, чтобы подавить в нашей печати выражение направления, благоприятного крестьянам, и создавал искусственные органы для поддержания изложенной теперь в «Русском* мире*» программы. Одна петербургская газета, много читавшаяся в западных губерниях за свое дворянское направление, получила субсидии; редакции другой газеты, лишенной за сочувствие к преобразованиям 60-х годов права бесцензурной выписки иностранных газет и журналов, было дано знать, что она преследуется за ее сочувствие к мужикам; ей предложили напечатать статью в пользу дворянства, чтобы получить назад все отнятые у нее права. Валуев создал «*Весть**», всем известный орган крупных землевладельцев. Передовые статьи этой газеты, поразительно сходные с программой «Русского* мира*», как известно, внушались министерством внутренних дел, нередко составлялись в самом министерстве, и даже выходили прямо из кабинета министра. Редактор «*Вести**», В. Д. *Скарятин*, был деятельным членом Холмского* земства*, {получившего} в России печальную известность из-за голодной смерти половины крестьян Холмского* уезда. Всякое сочувствие к крестьянам, всякое хотя бы самое умеренное и справедливое порицание дворянства в газете, навлекало на себя предостережение, приостановку или прекращение издания. Славянофильские органы подвергались одной судьбе с прочими, и программа «Русского мира*» объясняет это. Их вина в слишком большом сочувствии к крестьянам (16—18).

59 || Всесословные* земские учреждения, народившиеся при статс-секретаре Валуеве и по странной игре случая вверенные его опеке и покровительству, — не избегли участи мировых учреждений и печати. Он не скрывал своего глубокого нерасположения к ним и, бессильный переустроить их по-своему, убил их административными и законодательными мерами. Новый порядок обложения купечества сборами в пользу земства*, новый порядок делопроизводства в его собраниях, большие права, предоставленные их председателям и,

к довершению всего, подчинение земств* цензуре губернаторов, одновременно с крайне недоброжелательным отношением последних и министерства к земским учреждениям и их ходатайствам, что выразилось на каждом шагу в единичных действиях и в общих распоряжениях, — все это задушило всеословную* земскую жизнь и деятельность почти в самую минуту их зарождения (18).

Что касается мнений о различных степенях обучения и об открытии доступа к высшему образованию для {одного} привилегированного сословия, то они фактически и явно проводятся теперешним министром* народного* просвещения*. Под благовидным предлогом усиления классического образования доступ в университеты и Медицинскую академию до того затруднен, что они пустеют по недостатку учащихся, и воспитанники гимназий тысячами выбрасываются на улицу, без занятий, не зная, что начать, они *пополняют ряды разносителей прокламаций и возмутительных брошюр*. — *Граф Толстой* гораздо последовательней своих товарищей по министерству и не хочет делать мужиков даже грамотными*¹. Деньги, отпускаемые государством, идут не на открытие новых школ и поддержание существующих, а на размножение инспекторов. Многие из них мешают по возможности открытию школ и хватаются за каждый предлог, чтобы закрывать существующие (18, 19). [*К этому — примечание, стр. 19, 20.* В одной губернии инспектор так грубо отнесся к помещику*, устроившему сельскую школу на свой счет, что помещик* прогнал его и закрыл школу. В другой губернии инспектор рекомендовал смотрителю училищ закрывать бедные школы под предлогом || неимения средств для порядочных учителей. Если бы печать не была у нас подавлена, то эти темные дела выплыли бы наружу. Теперь они держатся в тайне, как в худшие времена нашей вынужденной немоты.]

Обстоятельства благоприятствовали придворной клике в проведении программы, {обнародованной} в «Русском* мире*». Прошлое царствование (*Николая*) из страха перед революцией задавило с 1849 г. университеты, гимназии, литературу и всякое выражение самостоятельной мысли, *насколько было возможно*. Слабые зачатки серьезного и солидного знания*, насажденные с таким трудом графом *Уваровым*, были, вследствие того, истреблены. Изучение науки заменилось чтением запрещенных брошюр; место просвещенной мысли, невозможной без некоторой свободы, заступила поверхностная болтовня обо всем на свете. С таким отсутствием солидного знания и величайшим запасом либеральных фраз натолкнулись мы на восточную войну и перешли к нынешнему царствованию* (20).

¹ У Кавелина: «не смещит сделать мужиков грамотными».

Унизительный мир и внутренние беспорядки, завещанные новому времени, накопили много горечи в сердцах людей. С переменой царствования ожили надежды на лучшее; мысли дано несколько простора; в публике и правительственных сферах {стали} громко говорить о необходимости коренных реформ и поднят был вопрос об освобождении крестьян. При таком положении дел, после долгого, искусственного застоя* сильное брожение умов, как всегда и всюду, не прошло без прискорбных увлечений* и крайностей, тем более естественных, что мы вступили в новое время с *величайшим* запасом горечи и с крайне слабым запасом знания, мысли и практической опытности. Брожение еще усилилось благодаря важным общественным, материальным и нравственным интересам, затронутым освобождением крестьян; а, вдобавок, одновременно с тем, подготовлялось польское восстание, разразившееся в начале 1863 г. (20, 21).

61 || Придворная клика, состоявшая из горсти людей, ловко воспользовалась этими обстоятельствами. Брожение истолковано ею в глазах *высшей* власти, как революционное движение. При помощи подтасовки || люди, сочувствовавшие преобразованиям, были смешаны в один разряд с увлекшимися юношами. Мало-помалу вопрос был чудовищно извращен: кто был предан новым порядкам, введенным правительством, тот стал слыть за революционера, противника верховной власти; а те, которые противились преобразованиям, выдавались за друзей порядка и правительства (21, 22).

Сначала клика, группировавшаяся около бывшего министра внутренних дел (*Валуева*), действовала осторожно, исподтишка. Необходимость преобразований была слишком очевидна, чтобы {можно было} вдруг уверить власть в их злобности. Передергивать {надо было} постепенно, используя увлечения юношества и прессы, а между тем под рукой подбирать* единомышленников. Крупные землевладельцы, захваченные врасплох освобождением крестьян, возможности которого не верили до конца, представляли для видов клики самую подходящую среду и самый обильный материал. Статс-секретарь Валуев ласкал их, вместе с ними порицал реформы, поддерживал в их слове надежды на лучшее будущее видами на последующую отмену ненавистных преобразований и на введение конституции в дворянском смысле. Подзадоренные и поддержанные им крупные землевладельцы ораторствовали в земских и дворянских собраниях, а министр внутренних дел пользовался их красноречием, чтобы дискредитировать в глазах власти пользу реформ вообще и земских учреждений в особенности (22, 23).

Но один в поле не воин, говорит пословица. Чтобы организовать и захватить власть, придворная клика должна была бы овла-

деть всеми министерскими портфелями. Эта мысль проводилась в высших сферах под тем благовидным предлогом, что правительство при министерстве, состоящем из лиц, с самыми различными взглядами и направлениями, не имеет необходимого единства и силы, что нужно министерство однородное, нечто вроде европейского министерского совета, с премьером во главе. Подобное, почти однородное, министерство в смысле придворной клики, *действительно* образовалось. Два чрезвычайно важных поста — *шефа жандармов* и *министра народного просвещения* — замещены ее членами. Мало-помалу перешли *также* в ее руки министерства: *юстиции*, *путей сообщения* и *государственных имуществ*. Министерство внутренних дел еще прежде замещено было, после выхода Валуева, членом той же клики. Таким образом, мечта о компактном министерстве почти осуществилась (23, 24).

62 || Пополнив свои ряды и скомпрометировав окончательно в глазах высшей власти преобразования 60-х годов, а также людей, которые их провели и поддерживали, наполнив администрацию исключительно своими приверженцами, задавив всякое выражение мнений в печати, клика могла считать свое положение обеспеченным и действовать открытее и решительнее. План ее, проступавший сначала только в отдельных чертах, созрел вполне для осуществления и приближался уже к исполнению: знаменитая Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России должна была подготовить введение дворянской конституции сверху, а программа «Русского* мира*», новосозданного органа клики после падения «Вести», очевидно была предназначена к тому, чтобы подготовить публику к выработанному графом Шуваловым, может быть, при содействии «Московских* ведомостей*», проекту преобразования местного управления в империи в том же дворянском смысле. *Выход его* и графа *Бобринского* {из министерства} кажется приостановил осуществление этих планов. Надолго или навсегда — это покажет время (24, 25).

Программа «Русского* мира*» служит лишь предлогом для чисто личных целей клики. Стоит только сравнить слова с делами. Придворная клика ненавидит бюрократию будто бы за то, что с ней несовместима гражданская и политическая свобода. Судя по программе, водворение у власти крупного землевладения открыло бы для России эру законности, возможной свободы, личных гарантий, просвещения. Но вот уже десять лет, как власть находится почти нераздельно в руках партии, которая *выставляет*¹ либеральную программу, и что же мы видим? Никогда, со времени Бирона, такой

¹ У Кавелина: проводят.

гнет не тяготел над Россией, никогда личность не была более незащищенной, произвол администрации не царил никогда так безнаказанно*, литература и мысль никогда не были в таких тисках, школа и воспитание в таком жалком положении! Мы дошли до того, что сожалеем о прошлом царствовании*! (*Николая!*) Литература и наука считают благодеянием восстановление предварительной цензуры! *Это — доказательство*, что ненавистная бюрократия все-таки менее притеснительна, произвольна, беспощадна, чем придворная клика, || у которой либеральные фразы и конституция не сходят с языка (25, 26).

Ничто не развращает так народа в корень, как двуличность* правительства. Живой этому пример мы видим на Франции. С воцарением в России придворной клики, с легкой руки статс-секретаря Валуева, ложь и обман всосались, как яд, в нашу администрацию, по образцу Второй французской империи. С 1863 года наше правительство исподволь, но неуклонно, уничтожает все, что было сделано в первую половину нынешнего царствования. Если бы это делалось открыто, всякий знал бы, как ему поступать. Но придворная клика, завладевшая властью, не решается на это. Она действует втихомолку, ночью, как министры Второй империи, служащие нам образцом. Все законы продолжают существовать, действуют по букве; все учреждения остаются с виду без перемены; на деле, в силу циркуляров, тайных приказов и личных инструкций, нигде не записанных, смысл и дух законов и инструкций стал совсем другой, противоположный первоначальному направлению и букве. Те, которые живут в Петербурге и имеют возможность знать лично или по слухам, что происходит в правительственных сферах, давно уже видят эту перемену и отлично понимают, что у нас теперь, больше чем когда-нибудь раньше, закон — мертвая буква, которую само правительство ни в грош не ставит. Но поистине ужасно положение частных лиц и чиновников, живущих в провинции, в глуши, куда не долетают слухи о том, что во вторую половину нынешнего царствования превращается в преступление и преследуется то, что предписывается законами, — изданными в первую половину, — как долг верноподданного. Особенно беспомощно в этом отношении положение темной массы мужиков и полу- или совершенно безграмотных* маленьких людей. На эти слои общества лицемерие и двуличность правительства действуют самым губительным и растлевающим образом. Человек уверен, что исполняет свой долг, следуя закону; не посвященный в программу клики, он воображает, что этим он обеспечивает за собой место и кусок хлеба для себя и семьи, а они его выгоняют со службы именно за точное выполнение закона. У нас и без того мало уважения к закону и *как раз* в этом наше

64 || несчастье, а теперешняя правительственная система искореняет в массах и тот небольшой страх перед законом, какой еще чудом уцелел при наших порядках. Преследование за исполнение || закона, ненавистного придворной клике, совершается, конечно, не прямо; противное было бы и рискованно и слишком наивно; к тому же цель достигается лучше окольными путями. Виновного в выполнении закона обходят наградами, к* нему* придираются*, его ошибки раздуваются в преступления по должности, начальство ему не благоволит, его оскорбляют. Если все это не действует и перевод его или увольнение со службы из соображений благопристойности невозможны, то есть еще весьма удобный случай от него отделаться: упраздняется место, которое он занимает. Так устранены многие неприятные Валуеву мировые* посредники* там, где нельзя было, как впоследствии, устранять их от должности без церемонии и помимо* Сената. Напротив, лица, приятные министерству, удерживаются на службе, несмотря на вопиющие дела. Придворная клика, искусная в интригах, занята только клеветой на бюрократию, подкопом под то, что другие делают, разрушением обдуманных учреждений. Создать она ничего не умеет. С властью в руках, она неспособна дать административной машине какой бы то ни было правильный ход. Ее это и мало интересует, она предоставляет делам идти, как они могут. Никто теперь не управляет делами. Мы живем в полной анархии. Заняты только интригами (26—29).

Последствия не замедлили обнаружиться. Бесправие, небывалый хаос в администрации, необеспеченность каждого и во всем, безнаказанность самых наглых нарушений права, медленность в удовлетворении несомненнейших и законнейших требований — все это возбуждает всеобщее неудовольствие и ропот, который раздается все громче. Правительство потеряло всякое уважение и всякое доверие. В его справедливость и мудрость никто больше не верит. Самое горестное то, что интриги клики, о которых огромное большинство ничего не подозревает, *«вызывают охлаждение* и недоверие не к ней, а к верховной власти, которую она представляет, от имени которой она действует. Пишущий эти строки не раз имел, к глубокому своему прискорбию, случай убедиться лично, что простой* народ*, до сих пор считавший имя царя священным, считавший его земным*
 65 || *богом, теперь видимо к нему || охладел¹ и приписывает ему свое бедственное положение».* [Это на стр. 30.] Его положение в последнее время действительно нестерпимо тяжело. Никто о темной массе не заботится; всякий только пользуется ее невежеством и спешит пожиться на ее счет. Губернаторы, исправники*, мировые* посредники*

¹ У Кавелина: охладевает.

взыскивают с народа подати с беспощадностью татарских баскак* (*сборщики налогов при татарах*), не обращая внимания на средства и удобства плательщиков, не соблюдая правил, установленных законом в защиту недоимщиков о возможно {выгодной} продаже их имущества на уплату недоимок. *Розги при взыскании податей* в таком же ходу, как при {существовании} блаженной памяти Окружных* государственных* имуществ*. Губернаторы не только не смотрят за тем, чтобы исправники* и посредники* не выходили из границ закона, но ни о чем больше не говорят им, как о беспощадном взыскании податей, во что бы то ни стало. Как им не роптать, темным массам, у которых правительство отнимает последнее, не заботясь дальше о них (29—31).

Точно хищная орда, напустилась придворная клика на Россию, легкомысленно раздражая всех и все и рассчитывая на испытанное долготерпение русского народа. Но и оно, как все на свете, вероятно имеет свои пределы. Если у нас нельзя ожидать революцию, то {возможны}, как показывает история, *смутные времена*, вызываемые интригами и произволом* придворной клики. Такие времена бывали безобразнее* всяких революций (31).

Всего прискорбнее, что кары, насланные на Россию с воцарением придворных интриганов, делаются во имя исторических и политических софизмов, которые и опровергать совестно*, так как они отзываются мудростью гвардейского офицерства, которое нашло ее у какого-нибудь продажного* или чересчур наивного книжника или писаки, чтобы украсить нелепости блесками мнимой учености, столь дешевой в наше время. Политические мечтания придворной клики не имеют курса в России, кроме тесного петербургского кружка и его немногочисленных приверженцев в Москве и кое-где в провинции. || Восхищены ими только остзейские бароны и польские паны*, живущие староевропейскими, а не русскими преданиями (31, 32).

В программе «Русского* мира*» часто повторяется, что воспитательный период нашей истории кончился. К несчастью, это не так. Лучшее доказательство — эта программа и ее мотивы. Соображения, на которых она построена, взяты не из русской действительности и не из ее прошедшего, а из иностранных, преимущественно *английских*, книг. Автор обвиняет нас, так называемую левую сторону, в том, что она продолжает пережевывать* заграничные взгляды. Действительно, мы продолжаем по сей день, положительно или отрицательно, пробавляться европейскими образцами и системами, как и встарь. Программа {«Русского» мира*} есть такое же книжное измышление, с помощью иностранных представлений, как наши теории на манер Фурье и европейских рабочих союзов, и не имеет

с положением дел в России ничего общего. Случайное сходство отрывочных фактов, которые можно отыскать, обращаясь куда угодно, — в Азии и в Соединенных Штатах Америки, у диких племен и просвещенных народов, сбивает с толку автора статей {«Русского» мира*} совершенно так же, как наших несчастных юношей, спасающихся от латыни в бакунинские объятия (32, 33).

Отрицательная сторона статьи «Чем нам быть?» в «Мире*» во многом очень справедлива, хотя она могла бы коснуться многого, что автор обходит благоразумным молчанием, отчасти страха ради гудейска, а еще больше в виду специальной цели газеты. Мы действительно обезличены*, в разброде, особенно наши мнения. Теперь не найдешь двух людей, которые были бы согласны между собой, хотя бы в существенных пунктах. Вся Россия, как справедливо говорит автор, представляет род *студня** — нечто вроде моллюска или даже протоплазмы. Ничто у нас не связано, не кристаллизовано; намеки на элементы и органы общественной жизни, но ничего выработанного, определившегося. По таким намекам можно скорей сказать, чего у нас не будет, чем о том, во что сложится и во что определится наше общественное и политическое тело, очевидно новой формации, не принадлежащее ни к одному из известных типов (33, 34).

67 || До сих пор нас гнули и крутили на византийский, польский, голландский, шведский, остзейский, немецкий, французский и английский лад. С провозглашенным окончанием воспитательного периода все это должно кончиться. В первые десятилетия этого царствования {появились} кое-какие виды на то, что мы наконец начнем жить на свой собственный лад. {Но эта надежда} не исполнилась. Автор программы подогревает старый соус и приглашает, по книжным соображениям, создать привилегированный класс в уездах, на английский манер, и предоставить исключительно ему нашу будущую судьбу и развитие с устранением всеословности* и коронной* администрации. Историческое ядро этого класса он находит в нашем дворянстве. Вот тема, вот исходная мысль. Без создания наследственного и привилегированного дворянства в новом составе*, с политическими правами, нет нам спасения. Вся ошибка реформ 60-х годов в том, что дворянство было ими распугано, разогнано и уничтожено как сословие (36, 37).

Во всей русской истории дворянство никогда не вело корпоративной жизни. В Новгороде и Пскове*, в Прибалтийском и Западном крае, в малороссийском казачестве и Польше, высшие классы часто действуют сообща, связно, преследуя политические и общественные цели. Но в собственно России, в бывшем Московском государстве, в теперешних внутренних губерниях, никогда не было ничего похожего. Автор жалуется, что у нас есть *дворяне**, но нет

*дворянства**. Таков, однако, сверху донизу, весь русский быт. У нас были бояре и не было боярства; духовные, купцы, мещане, ремесленники, крестьяне, но нет духовенства, купечества, мещанства и т. д. в смысле действительных сословий, {они никогда не имели значения} общественного организма, общественной формации, с политическими правами или общественной связной жизнью. Это было невозможно вследствие способа образования русского государства и свойства его верховной власти. Автора сбивают с толку сословные формы, заимствованные из Европы, в которые нас одели в XVIII веке, вместе с камзолом, треугольной шляпой и шпагой (36, 37). Мы по природе не умеем жить по-сословно* или* по-разрядно* (38).

До Петра Великого, когда дворянство было замкнутым служилым разрядом, разделенным на множество наследственных *чинов**, и после Петра, когда оно было преобразовано по европейскому образцу в высшее сословие, хотя и наследственное, но пополняющееся благодаря службе и пожалованию, и после отмены обязательной службы, — оно занимало высшие и средние государственные, гражданские и военные должности, и большинство его приняло европейские обычаи и нравы и стало причастно европейской образованности. В качестве служилого класса и образуя сравнительно просвещенную среду, оно было || главным представителем и деятелем* преобразования. Но никогда, от начала до нынешнего времени, не играло оно этой *своей* роли — как сословие, как общественная единица, даже не как собрание губернских* или* уездных* общественных групп, а всегда, постоянно, как *среда**, из которой выходило образованное, *покорное правительству* меньшинство (39). И служило оно не в духе среды, из которой оно вышло, но наперекор ей. Это меньшинство, в деятельности своей, никогда не выражало дух, желания, стремления дворянского сословия, но дух, желания, стремления государства, слугами которого оно было, которое его возвышало, обогащало, поддерживало (40).

От Петра III и Екатерины II, до последних преобразований, дворянство держало в своих руках Россию. Половина империи была ему закрепошена (*вследствие крепостного права*), местная полиция и местный суд принадлежали ему; коронная администрация, сверху донизу, состояла почти исключительно из дворян. Оно занимало почти исключительно все высшие и средние должности и места в войске. *Следовательно*, — будь в дворянской среде хотя бы тень связности, малейшая склонность сложиться в общественную и политическую единицу, это бы сказалось в чем-нибудь. Оно и сказалось в упорном, цепком отстаивании крепостного права. *[Этот человек должен был бы именно по указанному*

факту понять разницу между классовыми и социальными интересами; но сословие {выражает} большее понятие «Stand», чем «Klasse»; в лучшем случае он смешивает их.*¹ Но что касается попыток организовать в общественное тело, с политическим оттенком, занять более или менее самостоятельное место посреди других элементов, укрепить за собой и по возможности развить свои корпоративные права как общественной единицы — этого нет и следа в долгой истории нашего дворянства. Остзейцы, поляки и ополяченные дворяне западных губерний иначе умели использовать свои права и положение... У нас оно играло роль как среда*, а не как политический и даже не как общественный элемент, как слой*, а не как организм, даже не как зародыш организма. Эти бесспорные факты опровергают теорию «Русского* мира*» в корне. То, из чего не могло, при самых благоприятных условиях, развиться политическое или общественное тело, — из того не может быть сколочено такое тело, *когда дует совсем другой ветер* (40—41).

69 || Чего природа, жизнь, история не дали, — не дадут никакие самые напряженные человеческие усилия. Мы можем только развивать, воспитывать, совершенствовать существующее; создавать небывалое из ничего не в нашей власти (42).

Мы, русские, величайшие самохвалы и краснобаи, не особенно изобретательны... Кто-нибудь выдумает красное словцо, зная, что оно только полуправда или совсем неправда, и другие твердят его годами. Таковы распространенные изречения, на французский манер: «Дворянство есть опора престола и отечества». — «Царь — первый дворянин». — «Дворянство проливало свою кровь за царя и отечество» (42).

В сущности, власть и дворянство тоже не принимают этих фраз за чистую монету. Обе стороны отлично понимают, что подобные уверения со стороны дворянства не больше, как самохвальство, не без расчета на царские милости, а со стороны власти — простой комплимент, который ничего не значит (43, 44).

Смешно, когда образованные и ученые люди вдруг принимают подобные фразы за нечто серьезное, за выражение действительных фактов. *Так, например, вздорная болтовня* о заслуге дворянства², как сословия, в спасении отечества в 1812 г. ... *Любой крестьянин сделал столько же...* Затем беспримерное в истории самоотвержение дворянства, уничтожившего собственными руками, в лице

¹ Поставленное Марксом в квадратные скобки замечание направлено им по адресу Кавелина.

² У Кавелина: «Выставляют, например, заслуги дворянства».

мировых* посредников*, крепостное право, и принесшего свое материальное благосостояние на алтарь отечества. Подождали бы, по крайней мере, пока вымрет поколение, видевшее собственными глазами, как происходило освобождение крестьян... Освобождение крепостных, как и все великие преобразования в России, совершено незначительным меньшинством, в ту минуту, когда власть была расположена это сделать. Дворянство, как сословие, решительно не принадлежало к этим людям. Огромное большинство дворян относилось к преобразованию крайне враждебно, мешало ему, насколько возможно, при Александре I, Николае и в нынешнее царствование. Большинство его, сколько могло, задерживало освобождение, урезывало у крестьян землю на местах, урезывало их наделы* в Государственном совете; уступило царской воле крайне неохотно и до сих пор продолжает вздыхать по крепостному праву, где и когда может, срывая* душу* на* мужике*. Еще и теперь дворяне, освоившиеся со свободой крестьян, примирившиеся с новым положением, далеко не составляют большинства. Ссылаются на то, что главные деятели реформы были

70 || в огромном большинстве дворяне; это бесспорно; || но при этом забывают, что они — незначительное меньшинство среди дворянства, предмет ненависти для дворянства, что они были призваны к отмене крепостного состояния не по выбору или назначению дворянства, но по выбору и назначению правительства, которое заботилось о том, чтобы в члены губернских* присутствий* и в мировые* посредники* попали люди, расположенные к делу; но и это, при всем старании, удалось не вполне, — так незначительно было меньшинство, сочувствующее освобождению... Когда Валуев, выражавший {стремления} большинства дворянства, не только перестал поддерживать меньшинство, но начал его теснить и преследовать, оно исчезло, рассеялось в массе. Всякий знает, каковы были новые мировые посредники в сравнении с первыми и до какой степени дело освобождения было искажено ими в самом своем основании. Нет*, не дворянское сословие самоотверженно и великодушно отказалось от крепостного права! Деятели освобождения призваны были правительством из меньшинства дворянской среды, высказывавшегося против крепостничества и вследствие того ставшего предметом преследования со стороны огромного большинства дворянского сословия (41—46).

Согласно автору статьи в «Русском мире*», освобождение испортило великоленные отношения (к прискорбию самих крестьян), отсюда упадок земледелия и — абсентеизм дворян, которые бежали в город или за границу (47), и — господство невежественной черни* в провинциях, невозможное и нестерпимое для культурных слоев (48).*

Придворная клика находит расчет нашептывать это высшей власти и насколько возможно — заставить ее смотреть глазами дворянского большинства. *Власть не знает России и судит по бумагам, которые клика ей докладывает. [Наилучшее доказательство того, как сообразно времени и как соответствует нынешним русским условиям самодержавие!]* До сих пор клика была настолько умна, что не опубликовывала своих докладов и затыкала рот печати, чтобы та не порвала ее лживых хитросплетений... Но в уверенности, что положение и власть ее укрепились, она начала завираться и пробалтываться. Самонадеянность клики развилась до такой степени, что она решила выступить со своей ложью и обманом печатно. После публикации «Мира*» каждый у нас мог бы, не прибегая к заграничным типографиям, изблечить придворных интриганов, если бы наша печать не была обречена на молчание. Всякий ребенок знает, что теперь, как до реформ 60-х годов, дворянство остается во главе местного управления; что суд и заведывание мужиками, — сосредоточенные в руках мировых* {судей} — дворян* и мировых* посредников*, тоже дворян, — попрежнему удерживаются дворянством; что дворянская организация осталась нетронутой; что уездные земские управы почти все, а губернские* все без исключения, где только есть дворянство, составлены из дворян; что председатели земских* собраний, с исключительными, огромными полномочиями, какими они облечены по инициативе Валуева, суть предводители дворянства; что где только есть дворяне, там крестьянство не занимает должностей и не играет ни малейшей роли, а если выборные его и попробуют высказать взгляды, противоречащие мнениям дворянского большинства, то придворная клика ссылает* их административным порядком, как недавно случилось с *Молиным** в Самаре. К крайнему сожалению, крестьянство и теперь еще не играет никакой роли в местном самоуправлении; вся власть еще безраздельно {сосредоточена} в руках дворянства, которое пользуется ею, как хочет, — распределяет места, налоги, судит и рядит. Если бы крестьянство не было совершенно пассивно, то, может быть, в некоторых уездах выбирались бы лучшие люди и земские* деньги на постройку зданий и починку дорог расходовались бы разумнее и бережливее, и на сельские школы их приходилось бы больше, и раскладка повинностей была бы равномернее и справедливее... Где же растворение культурного слоя в мужицкой массе? Где господство или хоть преобладание черни* в местном управлении? Утверждать это могут только *подлецы или ослы*¹, не имеющие понятия о том, что

¹ У Кавелина: «недобросовестные люди или круглые невежды».

происходит в России. Будь в дворянстве хоть тень связности, о которой мечтает «Мир*» и во имя которой придворная клика отвергает реформы 60-х годов, то, при теперешней действительной и сильной поддержке со стороны правительства, оно давно образовало бы сильнейшую сословную корпорацию, по духу своему опасную и вредную для народа и власти, как в Польше. Но в дворянстве нет и никогда не было связности*. Как сословие оно падает и никогда более не восстановится (48—51).

72 || *Абсентеизм дворянства и упадок помещичьих* хозяйств* — несомненный факт, но имеет другой смысл, чем тот, какой придает ему «Мир*».

В конце минувшего и начале нынешнего царствования абсентеизм за границу был невозможен, потому что путешествие за границу было очень затруднено сперва правительством, затем войной, а после войны — драконовские правила о выезде из страны смягчались лишь очень постепенно; кроме того, в первой половине нынешнего царствования и у себя дома была новая жизнь, свободная сфера деятельности (51). Но когда правительство повернуло обратно, когда оно начало мало-помалу уничтожать реформы, стеснять дарованные права, земство* и печать, тогда все, кто горячо принялись за дело, за работу, — охладели, сложили руки и *разбрелись...* и провинции опустели, потому что большинство дворянства оказалось неспособным заняться хозяйством по-деловому и серьезно, потому что в нем укоренилась привычка, воспитанная крепостным правом, жить на даровщинку и жуировать, не обременяя себя мыслью и трудом; потому что оно необыкновенно легкомысленно и беззаботно, как все праздные люди, отнеслось к новому положению вещей, созданному отменой крепостного права... Неспособность дворян делать что-либо, их несостоятельность и беспомощность вошли у простого народа в пословицу. Роскошь не по средствам, переходящие все границы издержки и мотовство дворянского класса всем известны и памяты. Везде банки и поземельный кредит обогатили людей, дали им средства уплатить долги, улучшить свое хозяйство, удвоить и утроить свое состояние; только у нас они разорили дворянство, ввели его в неоплатные долги. Понятно, что при таких условиях отнятие дарового труда разорило большинство дворян. *Выкупные* свидетельства**, вместо того чтобы идти на улучшение хозяйства, поставить его на новую ногу, сообразно с изменившимися условиями, были прожиты в городах и за границей, || съедены и пропиты, проиграны в карты, употреблены на балы, женщин и наряды. Вот что распугало и разогнало большинство дворян из провинций, а вовсе не введение нашей смиренной и безгласной черни* в местные* земства* (51—53).

73 ||

До сих пор речь шла о безобидной, честной, хотя и легкомысленной, не приготовленной к труду массе дворян. Но были и такие, которых реформы 60-х годов действительно выгнали из их имений. Неспособные свыкнуться с отменой крепостного права, с тем, что они не могут больше тиранствовать над дворовыми и мужиками, они изливали ярость на рабочих, всячески притесняли их, обсчитывали народ, не скрывали своего к нему презрения и ненависти и вызвали отместку: к таким дворянам не шли на работу и в службу, причиняли им всевозможный вред, наконец, с отчаянья и злобы, поджигали их дома, житницы и усадьбы. Эта часть дворянства жалуется и теперь на новый порядок, разоряется и кричит, что в провинции нельзя жить (53, 54).

Кроме этих видов абсентеизма {существует} еще один — политический, о котором «Мир*» мудро молчит. Некоторые дворяне, живущие в деревнях, хозяйничают, ладят с народом, приспособились к новому порядку, не жалуется на него, но систематически воздерживаются от всякого участия в местных общественных делах и управлении с тех пор, как придворная клика царствует в России, преследует независимых людей и поддерживает большинство, враждебное реформе (54). Это незначительное меньшинство дворянства понимает, что создать высшее привилегированное наследственное сословие, по рецепту «Мира*», и дать ему общественные и политические права, значит окончательно сдать народную массу в руки худшей части населения — разбогатевших кулаков*, железнодорожных тузов, бывших винных откупщиков, взяточников*, награбивших себе состояние, словом, всякого рода парвеню, награвших себе руки около казны, народа или по акционерным делам, на бирже и спекуляцией. Таково было бы большинство проектируемого программой «Мира*» дворянства (55), || которому, как он говорит, народ верит больше, чем чиновникам. *Народ, раздавленный поборами, которые против прежнего увеличились в 5 и даже в 8 раз и взыскиваются с необычайной жестокостью, не верит больше* ничему и никому, даже высшей власти, в которую он еще недавно слепо верил* (55). Он видит, что освобождение не облегчило его участи, напротив скорей ее ухудшило. Прежние посредники, защищавшие его права и интересы, заменились людьми или совершенно безучастными к его доле, или обратившими свою власть в помещичью, худшего сорта; он видит, как при взыскании с него податей и недоимок, продается его имущество за бесценок, благодаря совершенному бессердечию полиции; как с легкой руки бывшего тульского* губернатора *Шидловского** взыскание недоимок, вопреки закону и справедливости, обращается на бабьи* сарафаны* и бабью* собственность*; он видит, как помещики* и их приказчики совершенно безнаказанно обижают и теснят его, и он ни к кому

не может обратиться за помощью. В крестьянстве мало-помалу укрепляется убеждение, что вся администрация, казенная и общественная, дворянская и земская*, только для того и существует, чтобы обирать его, а для защиты его, бедного и темного человека, нет никого (55, 56).

Это — плод внутренней политики, начавшейся у нас с воцарением придворной клики. Во имя химеры классического образования наши университеты приходят в упадок, и молодежь, толпами выгоняемая из них и из гимназий, обращается в легкомысленных¹ пропагандистов бессмысленных брошюр и прокламаций. Во имя химеры привилегированного дворянства... ослабляется власть и доверие к ней народа, устраняется из администрации просвещенное меньшинство... подавляется русская мысль, налагается печать молчания на наши уста. Может ли это долго продолжаться?.. Наука, мысль, теория идут на службу олигархии только в эпохи разложения государств и народов (57). Он² думает, что в России еще так далеко не зашли.

Его предложения во 2-м письме, из которого надо выписать только немного.— (См. следующую страницу.)

75 ||

Письмо* второе*

Только люди, не имеющие понятия о теперешней России, или придворные интриганы, могут утверждать, что создание привилегированного сословия из остатков разоряющихся дворян, разбогатевших невежественных торгашей*-кулаков* и всякого рода *аферистов**, может возродить нашу местную жизнь, заменить теперешний разброд правительственной организацией *и т. д.* (58). В действительности же придворная клика не хочет самостоятельной местной жизни: чего она хочет — это ловить рыбу в мутной воде и беспрепятственно установить в России олигархическую конституцию. Вся дезорганизация, произвол, мрак, беззаконие идут у нас не из провинции, а из столицы, из среды придворных интриганов, которые хотят править именем власти в своих собственных интересах. Царствующая теперь в России котерия, завладевшая большей частью министерских портфельей, пронырливая, ловкая, безнравственная и невежественная — вот где наше зло и источник наших неурядиц (59, 60). *Согласно «Миру*» и этому его противнику**, «политическая революция в России невозможна». *Но, правда, он боится народных*

¹ У Кавелина: безумных.

² Кавелин.

бунтов (61). Он объявляет невозможной также и *конституцию** (там же и 62).

Огромный успех {совершится}, когда самодержавная власть сбросит с себя формы восточного деспотизма, византийского императорства и обратится в правильно организованную *неограниченную европейскую* монархию (64). Пока теперешний порядок дел будет существовать, пока Россия, преобразованная снизу, останется прежней сверху, до тех пор нельзя ожидать ничего порядочного. Крепостное право отменено в гражданском быту, а в нашем государственном устройстве оно (*крепостное право*) осталось, как было дано историей, нетронутое до сих пор. Но чтобы самодержавие могло преобразоваться, с отменой крепостного права, в правильную, хотя и неограниченную, европейскую монархию, совлечь с себя свои устарелые, полуазиатские, полукрепостные формы, нужны прочные, самостоятельные государственные учреждения, составленные из лучших людей страны. Без этого верховная власть, даже при самых лучших намерениях, роковым образом подпадет под влияние и господство придворных интриганов... *У нас теперь самодержавие — фикция, мечта: его в действительности вовсе не существует* (65). А именно самим самодержцем управляют царедворцы, его наушники! *Вот к чему все сводится. Теперь || { этот } человек хочет поправить { дело }.*

Государственный совет, сам наполненный царедворцами или комплектующийся из отживших свой век людей, превратился в *простую* декорацию (66). Царствуют камердинеры и дворовые люди (67).

Помочь может только правильное, сильно организованное государственное учреждение, не политического, а административного характера (67). Такое учреждение Петр Великий создал, {учредив} *Сенат* взамен *боярской* думы**. Это было сильным ударом, нанесенным боярству. При слабых преемниках Петра, придворная олигархия снова подняла голову. По мере того, как она усиливалась или ослабевала, значение Сената падало или возвышалось. При Екатерине II {его значение} упало окончательно и больше он уже не имел прежнего значения. Это объясняется обстоятельствами вступления Екатерины на престол и одновременным, вследствие этого, усилением придворной олигархии, которая легко могла бы обратить Сенат в орудие своих планов, как видно из замыслов Панина. При Александре I *Государственный совет* должен был вначале заменить Сенат Петра I. При *Николае I* Государственный совет тоже утратил свое значение. Личное управление одержало верх, министерские доклады затемнили и подавили правильный законный ход государственных дел, и высочайшие повеления по докладам министров, циркулярные

министерские распоряжения заменили правильное законодательство. Опять придворные клики и их нашептывания надолго, до нашего времени, остановили правильное развитие внутренней жизни России. В начале нынешнего царствования казалось, что это изменилось навсегда. Но именно потому, что снизу все было реорганизовано, а сверху осталось нетронутым, благое начинание имело мало успеха и оборвалось в самом начале. Ржавый*, негодный механизм наших устарелых государственных учреждений не мог сопротивляться напору придворных интриг. Последнее десятилетие выказало до очевидности, что без коренного переустройства, на новых началах, наших высших государственных учреждений, и из них в особенности административных, все погибнет, {превратится в} хаос (69, 70).

Основой этого {переустройства} автор считает *административный сенат*, но совсем иначе построенный, чем теперешнее первое отделение (департамент) Сената (71).

77 || Административный сенат, равный *по рангу* Государственному совету и совершенно независимый от министра юстиции, по существу своему {учреждение} правительственное*. Дать единство управлению, препятствовать министерскому произволу, выражать царю потребности страны вместо того, чтобы предоставлять это придворным. Коллегия с наименьшим числом членов, чем Государственный совет; $\frac{1}{3}$ назначается императором, $\frac{1}{3}$ выбирается из губернских* земств*, $\frac{1}{3}$ избирается самим сенатом. Избранные остаются в должности без дальнейшего утверждения сроком до трех лет. {Административный сенат} ежегодно обновляется одной третью. Каждый может быть вновь избран. Сенатор не может занимать никакой другой должности — ни государственной, ни общественной; может быть удален {из сената} только по судебному приговору за уголовное преступление; за выражение своих мнений в заседании сената он не подлежит преследованию и не привлекается к ответственности. Все получают одинаковое содержание, как назначаемые, так и выборные. Избрание, определение и удаление секретарей и чиновников канцелярии (сената) принадлежит ему. Негласность обсуждений и прений сената. Председатель — царь. Председательствующий — заместитель царя, в его отсутствие выбирается царем из числа двух или трех кандидатов, предложенных сенатом. *Комитет министров* упраздняется, {тем более, что} серьезные дела* его уже отходят к *Совету министров*. Также упраздняется теперешний *I департамент Сената*. *Государственный совет* уже теперь — {учреждение} по преимуществу законодательное; у него отнимается судебная власть, равно как и все административные {дела}. Отчеты министров и начальников {главных} управлений представляются этому административному сенату, который может требовать любых доказательств, документов,

разъяснений. Может приглашать, с *совещательным** голосом, всех лиц, которых он считает нужным. Имеет право ревизии министерств и департаментских управлений и подчиненных им мест и учреждений. Имеет право представлять верховной власти свои соображения о ходе различных отраслей государственного управления и о необходимых административных мерах. Царь принимает {предложения}, действует сообразно им или нет, как хочет. Сенат имеет только совещательную, не исполнительную власть. Подлежит его власти и не требует утверждения только то, что относится к исполнению его собственных административных функций. Он не исполняет сам своих решений, но наблюдает за их законным исполнением. Для этого ему должны быть предоставлены особые способы* и право входить* по исполнению его решений в сношения с кем требуется (71—78). *(Все это определено относится только к внутренним делам.) (Правительство придворных должно быть заменено солидным правительством.)* Теперь, при отсутствии высшего центрального административного органа, каждый министр делает в своем управлении, что хочет, толкует законы, как хочет *и т. д.* (80). || Отсюда — полный хаос и безответственность перед законом (81). Мы видим на каждом шагу, что за бесстыдное нарушение закона люди награждаются, за строгое соблюдение закона наказываются (там же). Мы не проходили через революцию, как французы, но политически и граждански развращены так же, если не больше, и по той же причине, происходящей там от беспрестанных революций, здесь от совершенной дезорганизации государственного механизма, отжившего свой век. Никто не верит в силу закона, меньше всего те, кого он облек властью (81).

Мне возражают, что подобное административное учреждение, без политических прав, *может быть превращено верховной властью в чистый фарс*¹, вроде теперешних учреждений, сперва нам ею дарованных, а затем снова превращенных в ничто и т. д. Такой взгляд выражает больше, чем все иное, глубокое недоверие к власти (*царю*), растущее у нас, к несчастью, не по дням, а по часам (82). Ни одна конституция в мире не создала политической свободы; она только закрепила существующую законной формой. У нас нет элементов, которые могли бы создать закон или учреждение, обязательные для верховной власти. Хорошо* ли* это* или* дурно*, — это другой вопрос, но* так* оно* на* самом* деле*; следовательно, и *болтать*² о конституции, навязанной* верховной* власти*, нечего* (82).

¹ У Кавелина: «не в силах будет побороть зло».

² У Кавелина: толковать.

Пока царь не поймет, что теперешние учреждения устарели, что основанное на законе, упорядоченное правление лучше, чем правление придворных лакеев, — *до тех пор никакие учреждения не помогут* (84).

«Может быть также *(таково мнение этого ультра-умеренного русского либерала)*, и это вероятно, что внешние события раньше естественного хода вещей вскроют наши язвы *[тот же самый царь, без которого ничего нельзя сделать]*, и мы снова за них поплатимся, как в Восточную войну, но на этот раз, конечно, еще ужаснее, еще унижительнее, чем тогда» (86).

СКАЛДИН. «В ЗАХОЛУСТЫИ И В СТОЛИЦЕ».
Петербург, 1870

До {объявления} *Положения** 19 февраля 1861 г. некоторые помещики выселили своих крестьян на самые худшие земли (стр. 18). Едва распространился слух об ожидаемой реформе, как правительство было вынуждено принять меры против насильственного обезземеления крестьян и загнания их на плохие земли (42). Богатство¹, получаемое крестьянами, в большей части случаев едва обеспечивает им насущный хлеб, в буквальном смысле этого слова, а необузданная вольность их состояла только в отнятии у помещиков власти распоряжаться душой и телом крестьянина, как вещью (стр. 42). Раньше, по крайней мере, они поддерживали крестьян, как необходимую рабочую силу (43).

Большинству помещиков* удалось раздобыть себе рабочий скот и орудия и таким образом обрабатывать помещичьи земли наемными батраками; но главное — крестьяне увидели себя в (*м а т е р и а л ь н о й*) зависимости от помещиков, потому что они нуждались в их угодьях, особенно там, где так назыв. «земельные отрезки» попали в руки помещиков*. Чтобы получить в пользование выгон и т. д., крестьяне были принуждены выпрашивать у помещика работу... из половины урожая или же за пользование частью помещичьей земли (46).

Ввиду падения {ценности} *выкупных бумаг* (20%) многие помещики соглашались на выкуп лишь в том случае, если крестьяне соглашались на *дополнительный платеж*, возмещавший падение курса {бумаг} (50). Он *простирался до 27 руб. на ревизскую душу* (стр. 53).

¹ Скалдин перед этим пишет о том, что после объявления Положения помещик «смотрел на себя, как на обираемого», а на крестьян, как на людей, «обогащаемых из чужого кармана и готовых составить из себя необузданную вольпицу».

В *Екатеринославской и Саратовской* губерниях наилучшим урожаем ржи считается сам-одиннадцать, *в северных нечерноземных губерниях*¹ лишь сам-три (стр. 57).

Наша *провинциальная торговля*, как всякому известно, основана на одном кулашничестве* и обмане; обман практикуется в чудовищных размерах, особенно при сделках с крестьянами: тут прибегают к разного рода мошенничеству — *фальшивым мерам, фальшивым весам*, обсчитыванью на деньгах — и вдобавок еще *просто к воровству*... Таким путем многие наши мелкие торговцы выросли у нас в крупных купцов и ворочают не одной сотней тысяч рублей (58) (*все это писалось в 1866 году*).

Выкупная рента и такие же *свидетельства** упали ниже 70, в то время как банковые билеты (*тоже выкупные**) дошли до 75, т. е. покупались из $6\frac{2}{3}\%$ (стр. 62). Правительство само еще больше снизило курс выкупных* бумаг, выпустив 2 *внутренних займа* с крупными лотерейными выигрышами (там же).

Во многих губерниях *мещане** и купцы скупают теперь по дешевой цене *помещичьи** земли, преимущественно *так наз. отрезные** (*отнятые* у крестьян при выделе высшего надела) и сдают их потом, за *самую* высокую плату, в аренду крестьянам; зачастую эта спекуляция так выгодна для скупщиков, что они в 3 года возмещают весь затраченный на покупку капитал (69). [*В степных местностях* купцы и спекулянты скупают по смехотворным ценам государственные земли и очень дорого сдают их в аренду крестьянам.] (1866—67.)

(*Денежный оброк*², заменивший собой *барщину*, выносятся некоторыми крестьянами еще труднее: для барщины требовалась лишь *мускульная работа* (89).

К моменту уплаты податей и оброка крестьянин часто бывает вынужден продать кулакам* свои тощие запасы хлеба, а перед *посевом (весной)* вновь *покупать у них семена*, платя на каждую четверть* по* 2 меры* роста* за* 5 месяцев, т. е. 25% (91).

Наши литераторы, выдающие себя за экономистов, удивляются тому, что наши крестьяне ищут земли на стороне, а свои собственные наделы обрабатывают плохо; они объясняют это свойством русского человека «стремиться в ширину, захватывать как можно большее пространство*», чтобы вести на нем «хищническое хозяйство»... В действительности же, когда *качество их* крестьянской *земли так плохо*, что она при самом сильном удобрении часто не возвращает даже семян, и когда *невозможно иметь удо-*

¹ У Скалдина: «а в нашей бедной губернии».

² У Скалдина: «дешевые платежи».

брения, потому что у крестьянина *нет* не только *лугов*, но *часто*¹ и *выгонов**, тогда поневоле приходится брать одним *количеством* *земли*. Вот почему здешние крестьяне особенно гонятся за покосами и выпрашивают их у помещиков исполу или за разные услуги (91—92).

Здешние (*нечерноземных губерний севера России*) помещики* тоже берут не рациональным хозяйством, для которого у них нет средств, а единственно *величиной своих запасек**; но помещики* не платят ни оброка за свои земли*, ни тех личных податей и разных поборов, которые тяготееют над крестьянином (92).

111 || *Временно-обязанные* платят здесь с 1867 г. *14 рублей* в год, при $4\frac{1}{2}$ десятинах душевого надела. Считая на двор* три ревизских души и отчисляя на каждый двор* под строения и т. д. $\frac{1}{8}$ десятины, не дающую дохода, — {оказывается}, что они платят с каждой десятины по меньшей мере 3 рубля, но наивысшая (*вольная*) арендная плата за десятину — только 2 рубля, а при долгосрочной аренде гораздо меньше того (93). Если крестьянин, нанимая землю на стороне, не считает возможным *давать* за нее более *2 рублей*, то это значит, что при большей плате не окупался бы его труд (93, 94).

Надо понять², что наши крестьяне работают только для хлеба насущного... *Платежи*, которые приходится крестьянину вносить со своего надела, так велики, что они *отнимают часть дневного пропитания, выколачиваемого*³ им с надела.

Это применимо и к крестьянам черноземных местностей (не говоря уже о всей северной полосе России), ибо, как известно, по *Положению** 19 февраля 1861 г., чем *производительнее и доходнее земля*, тем меньше назначено ее в надел крестьянам, так что в некоторых уездах *Тульской и Рязанской губерний* душевой надел понижается до $2\frac{3}{4}$ дес. при 9-рублевом оброке (стр. 94).

Рента с арендуемой крестьянами земли быстро возрастает, потому что крестьяне, при возрастании земских*, государственных* и мирских* налогов* и при недостаточности собственных наделов вынуждены брать землю на стороне, а участки, сдаваемые там в аренду, немногочисленны сравнительно с густотой населения (стр. 94—95 — *примечание*). Кроме того на *временно-обязанных* (как и на *бывших* государственных крестьянах) лежит множество *натуральных повинностей* — *дорожная, подводная и постоянная*; кроме того крестьяне, вместе с мещанами*, несут на себе всю тяжесть

¹ У Скалдина: иногда.

² У Скалдина: «надобно помнить».

³ У Скалдина: получасового.

рекрутской повинности. Вот почему при каждом урожае *несколько меньше среднего* они принуждены питаться *мякиной, лебедой* и другой дрянью¹; вот почему *подати* зачастую *не* удается взыскивать и с помощью принудительных полицейских мер²; крестьяне вынуждены сосредоточивать все свои помыслы и чаяния только на двух целях: как бы *уплатить подати и набить чем попало себе брюхо* (96).

Положение* дало крестьянам только то количество земли, которое, даже в урожайные годы, *едва* обеспечивает крестьянам уплату податей и насущный хлеб (97).

Оказывается, что гражданская свобода куплена крестьянами слишком дорогой ценой (стр. 97).

Во 2-й половине 1869 г. податной комиссией напечатан был, для внесения в Государственный совет, проект преобразования подушной системы (стр. 97).

По сравнению с 1862 г. *подушная подать* увеличена (1863) на 25 коп. на душу; это {коснулось} крестьян всех наименований.

Во 2-ю половину 1867 г. *подушная подать* увеличилась на 50 коп. {на душу}.

Душевой сбор* на *государственные* земские* повинности** увеличен на 20 коп.; он составляет теперь на душу 98 коп. (1867). *Это относится ко всем крестьянам.*

Затем более чем на 1 руб. с души *увеличилась оброчная подать* с государственных крестьян (стр. 99).

Это прямые налоги на «*рабочую силу*»; согласно исчислению Харьковской уездной управы, *разница между налогом на крестьянскую землю* и вольной арендной платой за нее составляет 1 руб. 34 коп. с десятины. (Налог с десятины составит 3 руб. 34 коп., тогда как наемная плата за землю лишь 2 руб. в среднем) (стр. 98). В России уже в 1862 г. все другие (привилегированные) классы платили лишь 17% {общей суммы} налогов, крестьяне же и мещане* — 76%; они были вынуждены уплачивать {этот налог} *из своих дневных заработков* (100).

Итак, во-первых, *неравномерное распределение налогов* (почти все падают на крестьян и мещан*) и, во-вторых, вообще *чрезмерное налоговое обременение, непосильное для страны.*

Следующее предложение дословно:

«Уже из этих данных явствует, что у нас чрезвычайное обременение низших классов налогами происходит не от одной только

¹ У Скалдина: «неудобоснедомыми веществами».

² У Скалдина: «подати взыскиваются нередко только с помощью принудительных полицейских мер».

112 ||

*неравномерности в их распределении между классами*¹, но и от общей валовой величины государственных налогов, несоответствующей платежным средствам народа, другими словами — от того, что русское государство проживает более, чем сколько позволяют ему его средства, чем сколько может дать ему, без своего истощения и разорения, богатство народа» (стр. 102).

Большая неравномерность² распределения {налогов} происходит, как известно, от того, что главнейшую часть *всех прямых налогов* составляют *налоги подушные*, то есть налоги на *личность работника*³, без всякого соображения с *имущественным положением плательщиков*... Все *классы* разделены у нас на *внесенные** с* *подушный* оклад** (*податные**) и *избавленные* от него (103).

По официальным данным, опубликованным министерством финансов в октябре 1869 г., *личные* налоги в 1868 г. составляли 70 200 000 руб., а именно: *подушная подать* — 42 млн., *государственный* земский* сбор** — 24 400 000 и *общественный* сбор** с государственных крестьян — 3 800 000.

Сюда не входят ни *выкупные платежи*, ни *губернские* и *уездные земские* сборы**, ни *особый* сбор** на *содержание мировых** по крестьянским делам *учреждений** в губерниях, где не введены *земские** учреждения, ни {стоимость} *натуральных земских* повинностей*. (*Ни страховой налог*.)

О подушном налоге (с которым связана круговая порука общины) и о паспортной системе — смотри на страницах 104—110. В 1724 г. Петр I ввел *ревизию* и *подушную подать*, которую *сельские общества* обязаны были платить за всех людей мужского пола, *приписанных* к ним по *ревизии*, {даже} за *младенцев, дряхлых стариков, инвалидов*, умерших или сданных в рекруты в промежутке между 2 *ревизиями*. Вначале *подушную подать* платили только крестьяне, пахавшие землю и т. д. *Слуги*, кормившиеся жалованьем, не подвергались этому обложению. Последующие правительства, неуклонно повышая прямые налоги, держались той же *подушной системы*, падавшей на одни *податные сословия*: по *душам* раскладывались и *земские* сборы** *и пр. и пр.*

По душам раскладывались и *натуральные земские* повинности*, лежавшие на одних крестьянах. Эта система весьма удобна правительству для административного исчисления и взимания налогов; они возлагаются не на каждое отдельное лицо, а на *целое общество**, которое и отвечает за них *круговой порукой*.

¹ У Скалдина: *сословиями*.

² У Скалдина: «чрезмерная неуравнительность».

³ У Скалдина: «на личный труд».

Чтобы увеличить подати, надо только прикинуть по несколько лишних гривен на душу или повелеть {произвести} новую ревизию. Примеру правительства следовали и городские и сельские общества, устанавливая различные сборы*, они держались большей частью подушного расчета. *Дворянские земли* доселе не платят никакого государственного налога (хотя их обязательная государственная служба, введенная Петром, уже вскоре после него *сгинула*. отмененная Петром III в 1762 г.). Не платят налога купцы и т. д., скупившие дворянские земли после 1861 года. Большие торговые и промышленные заведения, акционерные общества, банки и пр. платят относительно ничтожные налоги.

Подушный налог растет с увеличением числа душ, вне соответствия с их материальными средствами. В селениях с участковым пользованием землей хозяин, с одним всего работником (*взрослым*) в семействе, часто платит за 4—5 душ, а другой, имеющий много работников и большой участок, платит *только* за 2 или за 1 душу.

Против *подушного оклада* вопияли в своих писаниях *староверы*, называя его «*порождением антихристовым*», так как он облагает данью даже души умершие и невинных младенцев.

Все общество* несет круговую поруку; отсутствующий должен платить подушную подать не на месте своего {действительного} жительства, а на месте своей приписки по ревизии. Это обеспечивается *паспортами*, которые выдаются обществом* всем отлучающимся лицам. *Таким образом оно держит их в своих руках.* С 1763 г. правительство делает паспорта также источником финансового дохода (облагает их государственной пошлиной — *гербовым сбором*). Этот налог падает таким образом на передвижение с места на место лица, отправляющегося на заработки. «Взваливая на плечи крестьян всю массу прямых государственных налогов, *подушная податная система связывает их в то же время по рукам и ногам в приискании средств уплачивать эти налоги*» (109, 110).

Податная реформа — единственная мера, которая может предотвратить катастрофу, которая близится к России исполненными шагами (стр. 113). (Это было впервые напечатано в 1867 г.) «Государство в опасности, в опасности не исполнить перед цивилизованным миром своих обязательств (*платежных*)» и т. д. (!).

Между классами, платящими и не платящими на содержание государства, образуется пропасть, которую не в состоянии заполнить никакие фразы (стр. 113). (Отдельные главы этой книги последовательно появлялись в «*Отечественных записках*» в 1867, 1868 и 1869 г.)

113 || Крестьянин уплачивает подушную подать не из доходов своего надела, а из посторонних *заработков* (стр. 117) (*в 1867 г. это впервые появилось в печати*).

При введении *уставных** грамот* большинство безземельных крестьян было *приписано* к своим *прежним сельским обществам* (несмотря на наличие в Положении 19 февраля 1861 г. *неясно сформулированной статьи*, разрешающей им отказаться от надела). Впоследствии циркуляром министра внутренних дел это было разъяснено, но *никогда не было доведено до сведения* крестьян. Таким образом они попрежнему несут ответственность за *недоимки обществ*, хотя по роду своих занятий не могут пользоваться мирским* наделом. Точно так же, вопреки *Положению** 19 февраля 1861 года, множество дворовых* по ревизии было записано в число крестьян. В первые два года по освобождении многие из них продолжали платить помещикам* личный оброк и получать от них паспорта или же оставались у них в *услужении как чисто дворовые**, вопреки Манифесту (19 февраля 1861 г.). Затем *внезапно освобожденные*, они *вопреки их желанию* оказались приписанными к сельским обществам и тем самым стали их данниками, хотя не имели там ни* кола*, ни* двора*. С 1863 г. *выдача паспорта перешла во власть сельского общества**, которое стало вымогать от них ежегодно платежи на уплату недоимок (128). (В настоящее время безземельным крестьянам разрешено приписываться к волостям без принадлежности к сельскому обществу*) (стр. 131). Отсутствующие же (имеющие надел*) — остаются «*glebae adscripti*»¹, крепостное право на них перешло от помещика к миру* (132).

Многие крестьяне в черноземной полосе остаются на *барщине*, потому что ввиду отсутствия в тех краях всяких промыслов крестьянин лишен возможности выплачивать *денежный оброк* (154).

Неурожай в северной России в 1867 г. Голод (местами) в 1868 г. — См. у Скалдина главу V, стр. 166 и последующие.

В 1868 г. — голод, в большей или меньшей степени, в губерниях Орловской, Тульской, Рязанской и т. д. (стр. 203 и последующие).

Также в 1867 г. от* недостатка* в* продовольствии* страдала плодороднейшая Пензенская губерния.

Из Дашельсона: в 1871 г. — неурожай. Урожай меньше обычного, только около 29%. В 1875 г. — неурожай и затем голодный год. Наконец, в 1880 г. сильнейший неурожай — голод.

В Орловской губернии и южных частях Тульской и Рязанской черноземный слой (*bed, layer, stratum*) имеет более пол-аршина глубины (*1 а рш и н составляет больше 2/10 метра*), а рожь родится там сам-десять и сам-двенадцать (Скалдин, стр. 204).

¹ — «приписанными к земле».

На стр. 204 Скалдин говорит:

«Если большинство населения в государстве находится в таком нищенском положении, что при каждом местном неурожае целые губернии должны страдать от голода... то едва ли в таком государстве возможны какие-либо успехи высшей цивилизации».

Большую половину тяготеющего на *бывших крепостных* крестьянах бремени составляют *оброк* за пользование *наделом* или *выкупные платежи*; меньшую половину { составляют }: *подушная подать, государственный* земский* сбор**, *губернские и уездные земские сборы* и наконец *мирские* повинности** (243).

Оценка надела, особенно в северной полосе, слишком высока (стр. 243). Так, например, в 2 уездах за $4\frac{1}{2}$ *десятины надела* крестьянин платит 8 руб. оброка, т. е. при капитализации из 6% и при полном душевом наделе (*при неполном наделе* приходится платить еще *дороже*), {каждая десятина оценена} в 29 руб. 63 коп., тогда как в этих двух уездах {пахотную} землю (конечно, не самую отборную), можно купить по 10 руб. за *десятину* (244). (При покупке же целых имений, со скотом, *помещичьей* усадьбой** и лугами, платят 15 руб. за *десятину*) (там же).

Даже в самых хлебородных и выгодных по местоположению уездах средней и южной полосы ходячая цена на землю хотя и стала быстро возрастать со времени освобождения крестьян, — {но все еще} в *большинстве случаев ниже оценки*, установленной за *крестьянский надел* Положением** (там же). *Возрастание цен на землю* (или *ренды*) произошло от недостаточности *крестьянских наделов*, подвергшихся значительной «отрезке»; *следовательно, приходится приарендовывать землю* (245).

Наши крестьянин платит оброк не только за свою землю [а еще дополнительно за падение {курса *выкупного*} обязательства], но также за *свою личную свободу*: при оброке — *вечно*, а при *выкупе** — в течение полустолетия; все зависит от *помещика* — захочет ли он допустить *выкуп** (246).

А наряду с этим крестьянин должен еще вносить *подушную* подать** (в среднем по 1 руб. 75 коп. с души), обременяющую крестьян всех наименований; *подушный* государственный* земский* сбор** (в среднем 98 коп. с души), уплачиваемый только податными сословиями, *поземельный* сбор** на *губернские* и уездные* земские* повинности** $\frac{2}{3}$ которого падают на *крестьянские наделы*; затем *волостные* и собственно мирские* сборы**, а в большинстве губерний и все бремя *натуральных повинностей*, оцененных *податной* комиссией* в $75\frac{1}{2}$ коп. на *душу* (247) (*далее стр. 115 этой тетради*).

Это из VI главы Скалдина (1868).

С 1860 по 1868 г. {сумма} одной только *подушной и оброчной* подати** и *государственного* земского* сбора** возросла примерно на 35 000 000 рублей. Вдобавок к этому еще все новые налоги (*земские**, *мировые** и т. д.) и выкупные платежи (или соответствующие им *денежные* оброки** бывших барщинных крестьян) [209, 210].

Главнейшей причиной бедности наших крестьян является *непомерное отягощение их денежными повинностями* со времени их освобождения (213).

Причины бедности крестьян:

1) *Бесплодие полей, переданных крестьянам, или неблагоприятное для промыслов положение их местности.*

2) Еще более общая (и более широко распространенная) причина: при *введении* уставных* грамот** в большинстве имений *слишком значительная отрезка от крестьянских наделов и присоединение этих отрезков к помещичьим именьям.* При крепостном праве величина наделов определялась в течение долгого времени, и чаще всего качеством почвы и местными удобствами в различных местностях; чем хуже была почва, т. е. чем больше она требовала удобрения, тем более присоединялось к крестьянской пахотной земле выгонов или лугов (*или леса*) для содержания скота. При введении уставных грамот (*после освобождения крестьян*) большая часть *наделов** — одного и того же уезда или еще чаще нескольких соседних уездов [*следовательно, на огромном пространстве*] — была *искусственно приведена к одной общей мерке* — к высшим *душевым наделам.* Уменьшение (отрезка) крестьянских наделов зачастую было столь значительно, что совершенно расстроило хозяйство крестьян. Крестьяне говорят: «Они так *отмеряли* нам землю, так окружили нас всюду помещичьими полями, что скотину пасти нам негде; значит, мы должны платить им за пользование *отрезанной от нас* землей столько, сколько они потребуют от нас»; *а этими отрезанными землями крестьяне владеют целые века.* «Вот так улучшение нашего положения! Оброк-то на нас оставили прежний, а землю отняли».

Наряду с этой отрезкой от их старых наделов, *крестьяне повсюду лишились столь необходимых для них выгонов на помещичьих* полях.* Легко {определить}, сколько было у крестьян земли под озимью, яровым хлебом и под паром; но нельзя определить, каким количеством помещичьих земель пользовались они, выпуская скот на луга и поля под паром весной и на оттавы и жнива осенью (214, 215).

Еще хуже положение тех крестьян, которые перед самым манифестом были переселены на худшие земли — на пески, яры или мочевины. В некоторых случаях помещики* совершенно экспроприи-

ровали крестьян и обратили целые деревни *в бездомных и безземельных бродяг*¹. В некоторых случаях в это дело вмешивалось министерство внутренних дел, *но еще чаще оно уступало давлению помещиков**. Но большая часть этих случаев вовсе не доходила до правительства. По крайней мере в половине поместий отрезали землю у крестьян. Таким образом одновременно с уменьшением наделов происходило увеличение повинностей (215).

Прежде в случае неурожая помещик кормил крестьян собственным хлебом, теперь они должны занимать его у ростовщиков и входят в неоплатные долги (Скалдин, 205)².

После освобождения взамен помещичьей власти — «власть» общества, волостное начальство и *так наз.* мировые посредники (222).

В 1762 г. Петр III манифестом отменил обязательную службу дворянства.

Указ Екатерины от 7 октября 1792 г. приравнял крепостных к недвижимой собственности помещика.

Указы от 22 августа 1767 г. и от 30 марта 1781 г. за жалобу властям на помещика карали крепостных плетью и каторгой.

Павел I ограничил барщину 3-мя днями в неделю (Павел — 1796—1801).

115 || *(Это в 1868 г.)* Достоинно замечания, что в средней и южной полосе крестьяне предпочитают оставаться на барщине, некогда им столь ненавистной; в 1866 г. в Рязанск. губ. $\frac{1}{3}$ крестьян все еще { была } на барщине; в 1867 г. в одной губернии средней полосы крестьяне горько* сожалели о том, что вышли на оброк. Но больше всего горевали те крестьяне, которые { были } переведены* на* выкуп*. При уплате оброка нередко { крестьяне пользуются } снисходительностью помещика*; к тому же при взыскании { оброка } власти зачастую не помогают помещику; но в упоминаемой губернии прошедшим летом { происходила } э к з е к у ц и я (крестьяне там «вольные». т. е. крепостные государства) — принудительная продажа с публичного торга крестьянского скота, домашней утвари, кур; брали из сундуков даже женские наряды и проч., что особенно раздражало крестьян (249).

В чисто земледельческих губерниях многие крестьяне согласились отказаться от $\frac{3}{4}$ надела и довольствоваться четвертью (получаемой

¹ У Скалдина: в бобылей.

² Это утверждение Скалдин относит к числу мнений «людей, не принадлежащих к крестьянскому сословию», и повторяемых «огромным большинством помещиков». Подобные утверждения, пишет Скалдин, «приводят к целому ряду фальшивых заключений», в частности, к заключению, что бедность крестьян «происходит от упразднения над ними помещичьей власти» (стр. 205—206).

даром), так называемым *сиротским наделом*, но попали при этом из огня да в полымя. Здесь надел составляет 3, часто $2\frac{3}{4}$ десятины на душу; четвертая часть такого надела не в состоянии даже прокормить крестьянское семейство, а *подушные * платежи*, т. е. *казенные * и мирские * повинности ** им надо платить те же, что при полном наделе. Так, например, в одном ¹ уезде * сиротский надел = $\frac{2}{3}$ десятины на душу, считая и землю, на которой стоит хата, и на этом клочке лежит 5 руб. 70 коп. обязательных повинностей! (250.) Такие крестьяне вынуждены теперь нанимать у помещиков * землю, какую бы цену за нее ни назначили (251).

Прежде в *барщинных имениях*, т. е. среди *двух третей крепостного населения*, крестьянин почти не видал денег, почти никогда не оставлял своей деревни и знал только хлебопашество; теперь разом {с него потребовали} денег! денег! денег! и земля и душа его *оценены, капитализированы и обложены в пользу помещиков и правительства!* Крестьяне враждебно расположены не только к помещикам*, но *часто*³ *также и к правительству* (251).

В Редакционных комиссиях, {составлявших} Положение * было признано необходимым вознаградить помещиков * — не только за *отходящую от них* крестьянскую землю, но и за *потерю крестьянских рабочих сил*, т. е. за упразднение помещичьей* власти над личностью крестьянина, поэтому оценка крестьянской земли была *взвинчена более чем вдвое и втрое выше ее стоимости* (252).

В удержании Положением * личного оброка отразилось наследственное в нашем (*романовском*) законодательстве стремление облагать налогом *не собственность и доходы, а души* (254).

Исходя из этого принципа, Комиссия приняла {за основание} *оброки *, существовавшие при крепостном праве. В местностях, где существовал оброк, {были выведены} средние душевые оброки {сюда входил, разумеется, не только оброк за землю, но и за иные заработки — промысловые, торговые и т. д.}* Эти средние оброки * для различных местностей * дали цифры: 9, 10 и 12 руб. Эти средние оброки были приняты в каждой *местности * за высшую душевую повинность*, соответствующую установленному Комиссией *высшему душевому наделу*. Но откуда брались цифры, положенные в основу *средних выводов?* Из *ложных* письменных заявлений помещиков *, их *управляющих и старост **, обычно преувеличивавших цифры. Кроме того, они включали в оброк * посторонние *поборы ** и *натуральные услуги*.

¹ У Скалдина (стр. 250): Ефремовском.

² У Скалдина: государства.

³ У Скалдина: иногда.

Вопреки ожиданию Комиссий, число крестьян, оброк которых был таким образом повышен, оказалось на деле значительно более половины [бывших оброчных]. Притом сведения об оброках* охватывали только оброчные* имения с числом крепостных *свыше 100 душ, т. е. не касались 76,7% имений.*

Из данных статистики военного министерства. См. Тройницкий: «Крепостное население России по 10-й народной переписи 1861 г.

Имения с числом крепостных:	Число помещиков:	Или:	Итак:
1) до 20 душ	42 959	41,7%	{1) и 2) = 76,7% (помещичьих имений)
2) от 21 » 100 »	36 179	35%	
3) » 101 » 500 »	20 162	19,6%	
4) » 501 » 1 000 »	4 462	2,4%	
5) » 1001 и свыше	1 396	1,3%	

Таким образом число поместий с количеством душ* 101—1 001 и *свыше* составляет *только 26 020*, а число действительно крупных помещиков только — 5 858 (с количеством душ* от 501 до 1 001 и больше).

Выведенные Комиссиями *средние цифры* (оброка) — 12, 10 и 9 руб. {получились} в большинстве оброчных *местностей** *значительно* выше действительно существовавших там при крепостном праве. Только в *ничтожно малом* числе местностей они были понижены. В соображение не была принята ни *доходность земель*, ни *трудность* отхожих промыслов, ни непрерывное увеличение, — вплоть до последних дней существования крепостного права, — *налогов на личные заработки крестьян*. Оброки *действительно* облегчены для крестьян лишь в тех губерниях, где они достигали *баснословных* размеров¹ (например 100 руб. серебром с тягла), — таковы *промышленные* губернии: *Владимирская*, *Петербургская*, *Московская* и часть *Нижегородской*. Точное определение оброка

116 || Комиссии возложили на губернские || присутствия [они внесли это в Положение*] с тем только, чтобы они не переходили предельных цифр, принятых Комиссиями. *Все это — сплошной бюрократический обман, и царский Государственный совет* в дальнейшем отменил и это бесполезное {предписание} (255, 256).

Еще хуже было *положение** бывших *барщинных* крестьян, т. е. целых $\frac{2}{3}$ прежнего крепостного населения. Оброки в 8 и 9 руб., установленные для них Комиссиями, не основаны уже ни на каких данных, — это чисто произвольные цифры. Сперва установили для *всех {издельных} местностей без различия* 8 руб.; потом по

¹ У Скалдина: «доходили до чрезмерной величины».

требованию *некоторых* депутатов от губернских *дворянских* комитетов — 9 руб. для черноземной и степной полосы (257).

Высшие душевые наделы, выведенные Комиссиями для каждой местности* на основании тех же *лживых* показаний помещиков*, оказались во всей северной полосе и в большей части средней ниже тех наделов, которые действительно там существовали в большинстве имений. Во Владимирской, например, губернии число имений, в которых были показаны ¹ наделы, в одном только уезде* достигает 30% числа всех имений уезда, а в прочих колеблется между 7% и 20%. Помещики* в своих показаниях в большинстве случаев уменьшали подлинную величину наделов. В северной полосе они были столь разнообразны, что невозможно было вывести для них какую-нибудь общую норму. При разбросанности наделов помещики* там зачастую сами не знали их действительной величины (257).

Некоторые уезды, а часто и целые губернии в особенности отличались искусственным уменьшением показываемых наделов; так, во Владимирской губернии, совершенно сходной по хозяйственным условиям с Ярославской, средний душевой надел показан на 2,1 дес. меньше, чем в Ярославской; так, в Полтавской губернии — с лишком вдвое ниже, чем в Черниговской губернии и т. д. (257, 258). Характер этих показаний целиком зависел от направления, преобладавшего в различных губернских и уездных комитетах. Но — и так увенчалось все дело — Государственный совет, в окончательной редакции Положения*, еще более понизил принятые Комиссиями наделы в большинстве уездов северной и средней полосы и в некоторых уездах южной и сверх того возвысил с 9 на 10 руб. оброки* во всей Московской губернии и в тех частях 4 уездов Владимирской губернии, которые лежат по левую сторону реки Клязьмы. Таким образом почти по всей России в большинстве имений крестьянские наделы были урезаны. К тягости оброков прибавилась еще потеря земли. В северной полосе от крестьян отрезали главным образом луга и выгоны или лесные участки; в средней же полосе — и пахотные земли. Теперь почти повсеместно крестьянский скот питается летом скудной травой, растущей на паровых полях. Луга в крестьянских наделах — редкое исключение; для прокормления скота остается одна лишь солома. Крестьяне не могут содержать столько скота, сколько необходимо для удобрения их полей. В большей половине России от количества скота прямо зависят размеры урожая: сколько* скота*, столько* и хлеба*. Отсюда обеднение многих русских общин после освобождения (258, 259).

Уменьшение высших наделов Государственным советом увеличило несоразмерность установленных оброков с {величиной и достоинством}

¹ То есть откуда вообще поступили сведения о наделах.

наделов в тех уездах, которых это коснулось, другими словами, еще подняло ту часть *оброков и выкупа*, которую крестьяне платят не за землю, а как *выкуп за свободу*. При таких обстоятельствах огромное большинство крестьян справедливо жалуется на то, что с *выгодом на волю оброк их* был увеличен, хотя *«номинально»* Комиссия провозгласила правило, что *«повышение оброка»* ни в коем случае недопустимо.

Затем *градация*, установленная Положением* для *распределения высшего душевого оброка на десятины надела*: — *«чем меньше земли получает крестьянин в надел, тем больший оброк должен он платить за каждую десятину»*, — тягостна главным образом для крестьян черноземной и густонаселенной части России¹, где наделы редко достигают высшего по Положению* размера. Основано это на *идиотском* соображении, что чем меньше надел, тем больше труда и оборотного капитала затрачивает он на его обработку. *Поэтому 1-я и 2-я десятин в нечерноземной и только первая десятин в черноземной и степной полосе обложены гораздо большим оброком, чем следующие десятины*. Так, например, в первой полосе, при 9-рублевом оброке, за 2 первые {десятины надела} крестьянин должен платить 6 руб. 75 коп., а за 2 остальные десятины надела только 2 руб. 25 коп.; во второй и третьей полосе за первую десятину {он платит} 4 руб., а за все остальные 5 руб. Таким образом, где крестьянин имел больше установленного {Положением} высшего душевого надела, там {лишняя земля} от него отобрана; где он имел меньше, там его надел обложен усиленным оброком (260).

*Некоторые помещики**, слышав о задуманной реформе, *стали сами обрабатывать крестьянскую землю*² и оставили крестьянам лишь несколько *клочков земли*. Имея это в виду, Комиссия установила {низшие наделы} величиной в $\frac{1}{3}$ высших; недостающее до этого {низшего надела} помещик должен 117 || был прирезать. Эта $\frac{1}{3}$ в || *черноземной полосе — не больше 1 дес., а зачастую и гораздо меньше (считая усадьбу*)*, а платить за эту десятину — 4, а местами даже 4 руб. 50 коп. оброка. Каково же положение тех, у кого {надел} еще меньше! Однако это требование о *прирезке земли Государственным советом* принято не было и в Положении* не вошло (!) (261). *Но Положению барщина несколько поубавилась* (там же).

Высокие оброки, установленные Положением*, перешли и в *капитальную оценку наделов*, сделанную для *выкупа**. Отсюда преувеличенная оценка земли. Так, в *Поречском* уезде**, беднейшем уезде

¹ У Скалдина: «черноземных и малоземельных губерний».

² У Скалдина: «обобрали крестьянские наделы».

неплодородной Смоленской губернии, где пахотная земля никогда не {продавалась} дороже 10 руб. за десятину, крестьянская десятина оценена от 29 руб. 63 коп. до 55 руб. 55 коп.; в густонаселенной черноземной полосе, где высший надел {положен} в $2\frac{3}{4}$ десятины, — десятина оценена от 54 руб. 54 коп. до 66 руб. 66 коп. (262).

*В первой нечерноземной полосе душевые наделы ниже официально установленного наивысшего размера встречаются редко; но градация капитальной оценки препятствует крестьянам этих губерний требовать, при *обязательном выкупе*, уменьшения их надела, тем более, что в подобном случае Положение* обязывает их внести помещику* *дополнительный платеж* (= $\frac{1}{15}$ выкупной суммы¹), и притом разом, без всякой рассрочки. Потому-то при *обязательном выкупе* крестьяне никогда не требовали уменьшения надела; волей-неволей они должны брать всю отведенную им землю, как бы ни была она бесплодна и как бы ни были тяжелы для них {выкупные} платежи.*

В черноземных губерниях неполные наделы в большинстве случаев; и здесь особенно чувствительны для крестьян последствия градации, которая возвышает как оброки, так и выкупные платежи. Во всей нечерноземной полосе за цену, постановленную Положением, хотя бы и уменьшенную на $\frac{1}{5}$ при *обязательном выкупе*, ни один покупатель добровольно не стал бы приобретать землю, а крестьянину, пахавшему и удобрявшему ее целые века, она насильно навязывается в вечную собственность при *обязательном выкупе*. Надел стоит, например, 45 руб.; крестьянин должен (при {обязательном} выкупе*) платить ежегодно в течение 49 лет по 6 руб. 40 коп. = 313 руб., а при *выкупе добровольном* должен сверх того доплатить помещику* 26 руб. 66 коп.*

При выкупе (обязательном) сюда присоединяется замысловатый банковый способ погашения долга (263) (см. след. страницу).*

{В настоящее время} все {селения} одной и той же местности, заключающей в себе часто несколько десятков уездов*, подведены Положением* под одни и те же нормы оброков и выкупа, тогда как в одном и том же уезде*, на расстоянии иногда 2—3 верст, встречаются селения с совершенно различными хозяйственными условиями (272).*

*Так как курс выкупных бумаг долгое время стоял ниже 70%, то при 8-рублевом оброке помещики выручали с душевого надела только 74 руб. 90 коп. (при *обязательном выкупе*) и т. д.*

Многие должны были в конечном счете пойти на добровольный или обязательный выкуп, чтобы получить в руки капитал и т. д. (опубликовано впервые в 1868 г.)².*

¹ У Скалдина: ссуды.

² Речь идет о работе Скалдина.

Прикрепление к земле (и оброк или барщина) на 9 лет. Нелепый закон делает {положение} совершенно невозможным. См. стр. 284 и последующие.

I) 9-летнее временно-обязанное состояние:

1) Отказаться от надела крестьянин может в том случае, если он: приобретет вне {прежнего сельского} общества *вдвое больший душевой надел*; уплатит *вдобавок немедленно* {сельскому} обществу *стоимость покидаемого надела*, т. е. *капитализированный из 6% оброк*, лежащий на этом участке = 400, 450 или 500 рублям (при *трехдушевых участках * на * двор **).

Этот закон продиктован опасением, чтобы одновременные и массовые переходы крестьян на другие места не нарушили порядка внутри государства и не отозвались недобором казенных податей, а также {желанием} обеспечить помещику оброки. Следовательно, само законодательство сознавало, что установленный оброк не соответствует стоимости надела и что для прикрепления к нему крестьянина нужны искусственные меры. Но чего не могло обеспечить законодательство, это «*платежеспособности*», так как насильственная продажа {скота и имущества} вконец разоряет крестьян (284, 285).

2) В противоречии с {пунктом} 1 по истечении 9 лет крестьянину разрешается *отказаться от своего надела*, если он выкупит *усадебу ** — ничтожный клочок земли под огородом и конопляником, окруженный со всех сторон помещичьей* землей. Неужели это обеспечит крестьянина лучше, чем несколько десятин луга или пашни, купленных на стороне? Кроме того *покупка усадьбы ** для крестьянина разорительна; полагая на двор * только 4 души, она обходится ему в 100 руб. в *чисто* земледельческих местностях; а в промышленных или хотя и в земледельческих, но где усадьбы заключают в себе обширные конопляники или огороды — 166 руб.; это — при выкупе усадеб *целым обществом*. При выкупе же усадеб *отдельными домохозяевами* цена их, при четырехдушевом составе семейства, — 120 и 199 руб. Закон оказывает *предпочтение крестьянам*, остающимся в своих усадьбах*, перед крестьянами, || переселяющимися, несмотря на большую необеспеченность первых; следовательно, это *предпочтение основано только на том*, что первые *остаются в безысходной зависимости от помещика*, без земли которого они не могут существовать.

Редакционная комиссия не могла внести в это никаких изменений: так как это определение об *отдельном выкупе усадеб ** {было} уже в *первых высочайших рескриптах 1857 г. об улучшении быта крестьян* (287, 288).

3) В противоречии с требованием {покупки двойного участка} — та статья *Положения **, где крестьянам, получившим в дар $\frac{1}{4}$ *высшего*

или указного * надела, дозволяется отказываться от остальной его части. Но эта $\frac{1}{4}$ прикрепляет крестьянина к земле и держит его в зависимости от помещика (288).

4) Положение * дозволяет вовсе не приобретать земли тем отказывающимся от надела крестьянам, которые припишутся в городское * общество * и, следовательно, превратятся в безземельных и бездомных мещан *.

5) Положение * дозволяет крестьянину, при пользовании обязательным * наделом *, уменьшать его, по согласию с помещиком *, до $\frac{1}{2}$ высшего размера, а при выкупе * — даже до $\frac{1}{3}$.

6) В случае недоимочности отдельных крестьян по оброку помещику, «Положение *» дозволяет сельскому обществу вовсе отбирать от недоимщиков весь их полевой * надел *, а в случае недоимочности * всего общества * помещик¹ может отобрать до $\frac{1}{3}$ существующего полевого * надела *. Следовательно, лентяй и пьяница легко может освободиться от своего надела: стоит ему только упорно не платить оброка; порядочный же и трудолюбивый крестьянин освободиться от надела не может (288, 289).

Ко 2). Где крестьянам желательно купить * одни усадьбы *, а помещику невыгодно продать их, потому что тем самым он лишится высокого оброка или выкупного платежа за полевые * угодья * (например, во всех промышленных губерниях), там помещик может не допустить отдельного выкупа усадеб *; ему стоит только сделать простое письменное заявление, что он этого не желает, а пусть они покупают у него весь надел *. Такое заявление не обязывает помещика уступить крестьянам $\frac{1}{5}$ долю выкупной суммы, как при обязательном выкупе, или предоставить * им на выкуп уменьшенный против существующего надел *; наоборот, крестьяне, если бы пожелали воспользоваться письменным заявлением помещика *, должны бы были, прежде всего, внести в казначейство сразу весь дополнительный * платеж *, а потом волей-неволей взять именно то, от чего они хотели отделаться, — существующий надел *.

В губерниях же чисто земледельческих, где помещик *, очень охотно согласился бы на отдельную продажу усадеб *, — цена на нее делает это невозможным (289). Следовательно, отказ от надела с помощью выкупа усадеб * здесь на деле неосуществим и никогда не имеет места (290).

7) Относительно отказа от наделов целыми сельскими обществами в Положении * ничего не говорится (там же).

II) Положение крестьян {состоящих} на выкупе *: в течение 49 лет переход на другие места * для них невозможен, так * как * их

¹ У Скалдина: «мировой посредник».

наделы должны служить обеспечением *выданных* за* них* помещику* выкупных* ссуд**.

1) Если земля * выкуплена целым сельским обществом, то крестьянин, желающий отказаться от своего участка и выйти из общества, *обязан*, кроме приобретения двойного душевого участка на стороне, — уплатить в * казну * половину выкупного долга, лежащего по *мирской * разверстке* на его участке *, если притом *общество примет на себя ручательство* за остальную половину долга; при начале выкупа и при четырехдушевом составе семейного участка эта половина равняется 240 руб. или 213 руб., смотря по тому, был ли оброк 9-рублевый или 8-рублевый.

2) Если через такие самоустранения число крестьян уменьшится в обществе на $\frac{1}{3}$, *дальнейшее уменьшение {его состава} может происходить только с разрешения губернского * присутствия **; но если крестьянин внесет в * казну * всю причитающуюся с него часть выкупного долга, то он может быть уволен и без разрешения *губернского * присутствия **.

3) Из *крестьянского общества*, на котором числится недоимка по выкупным платежам, либо казенным податям, никто не может быть уволен без *разрешения губернского присутствия **.

4) Если же *домохозяин выкупил свой участок * отдельно* от других крестьян — в губерниях с участковым пользованием земель, — то он должен перед увольнением из общества *уплатить {за участок} или передать его другому лицу*, а это последнее обязано внести в * казну * сразу весь долг, состоящий на том участке * по * выданной * ссуде *.

119 || 5)¹ Наконец, *целое общество*, состоящее на выкупе *, может *перейти на другое место не иначе, как продав сперва свой надел в другие руки* с разрешения губернского * присутствия * и внеся в * казну * остающуюся на нем часть долга по выкупной ссуде (291). Обо всем этом для крестьянина, конечно, и речи быть не может (292).

В *настоящее время (1868)* уже около $53\frac{1}{2}\%$ бывших помещичьих крепостных состоит на выкупе *, не считая *западных губерний*, где выкуп * обязателен и где *выкупные акты совершены уже в большинстве и мений **. Перед истечением девятилетнего (с 1870 г.) периода большинство помещиков поспешит с *обязательным выкупом **. В *промышленной и непродушеванной полосе* помещики * поспешат с выкупом, чтобы *прикрепить крестьян к наделам* и воспользоваться *высокой выкупной ссудой*; в *губерниях плодородных*, — чтобы *обезопасить себя от недоимок и от неизвестности будущих указов*. Ведь уже ходят (1868) всякие слухи — о намерении, по истечении 9 лет *убавить оброки наполовину*, или же *облегчить переселение кре-*

¹ Вся цифровая разметка принадлежит Марксу.

стьян в крупном масштабе (292). *(Печаталось это впервые в 1868 г.)*

1878. (Янсон: Сравнительная статистика*. С П Б. 1880.)

В 37 губерниях временно-обязанных: 1 882 696 душ с земельной площадью в 6 657 919 десятин.

1870. (Статистика России по данным военного министерства):

9 западных губерний (Киевская, Подольская, Волынская, Минская, Гродненская, Виленская, Могилевская, Ковенская и часть Витебской).

Реформа 1861 г. в украинских губерниях (3) и литовских (6) протекала в еще более худших условиях, чем в русских губерниях, а в Виленском генерал-губернаторстве положение после реформы стало, несомненно, хуже прежнего. Только благодаря восстанию (в котором участвовало тамошнее польское дворянство — одни втихомолку, другие прямо) в 1862—63 гг. выкуп сделан обязательным для помещиков — на лучших для крестьян условиях (чем в России) (334). *(Значительные русские конфискации.)* В качестве некоторого ограничения, напр., при взимании оброков в северо-западных губерниях — Минской, с ее болотами и лесами, Гродненской, с ее зыбучими песками, и большей части неплодородной Виленской — был установлен предел в 3 руб. с десятины — сумма, которой там никогда нельзя собрать и не удавалось никогда — ни раньше, ни позднее (336), — но, согласно Положению* 1861 г., польское дворянство фактически установило такие оброки (стр. 338). *({Между тем} в плодороднейших уездах черноземной полосы внутренней России высший оброк, установленный Положением*, равен 3 руб. 27 коп. с десятины, но и там он не под силу крестьянам). Однако даже и этот непомерный оброк мог быть еще возвышен губернским* присутствием* по требованию помещика* (стр. 336).*

Благодаря пространным протестам и представлениям тамошних генерал-губернаторов, губернаторов и чиновников центральному правительству прекрасно было известно, что это бремя для крестьян чудовищно. Но все это ни к чему не привело! (337.)

Местное положение для губерний Юго-Западного края подтверждает неприкосновенность мирской* земли*, признанную инвентарными правилами 1847 г., и позволяет крестьянам ходатайствовать перед мировым посредником о {возвращении им} земли, отобранной помещиком*.*

Напротив того, Местное положение для губерний Северо-Западного края признает за крестьянами только те земли, которыми они пользовались 19 февраля 1861 г., другими словами, оно

санкционировало все кражи¹ помещиками инвентаризованных (1847) земель и оставило без всякой защиты² огромную массу обезземеленных батраков* (337).

В Юго-Западном крае (Киевское генерал-губернаторство), вопреки введенным Николаем в 1852 г. инвентарям в качестве наивысшей нормы {приходилось} в Волынской губернии* (согласно Положению) — 2,38 дес. на душу, т. е. менее высшего душевого надела в самых черноземных и вдвое выше населенных местностях внутренней России, каковы Курская губерния и южные уезды Тульской и Рязанской; в Подольской губернии — 1,98 десятины на душу, а в Киевской — 1,63 дес. Итак, великолепнейшая экспроприация³ крестьян в Юго-Западном крае, несмотря на провозглашенное инвентарями и подтвержденное Положением 19 февраля правило о неприкосновенности инвентарных наделов* (340).

Но вот в 1862—63 гг. разразилось восстание.

Указом 1 марта 1863 г. прекращены все обязательные отношения между помещиками* и крестьянами в Северо-Западном крае и предписано приступить к совершению общего обязательного выкупа* крестьянских угодий*.

1 октября 1863 г. {последовал} подобный же указ относительно губерний Юго-Западного генерал-губернаторства (341).

¹ У Скалдина: отобрабания.

² У Скалдина: обеспечения.

³ У Скалдина: обезземеление.

В 62% уездов * черноземной трехпольной полосы все бывшие помещицы * крестьяне * не могут иметь со своих наделов даже насущного хлеба, а в остальных 38% уездов в таком положении находится значительнейшая часть этих крестьян. С точки зрения исключительно материальной обеспеченности * им лучше {жилось} в среднем при крепостном праве (68, 69). Янсон («Опыт *»).

В черноземной полосе при трехпольной системе {хозяйства}, где удобрение крестьянских полей является необходимостью, а аренда земель — почти единственное средство пополнять недочеты собственного хозяйства, — выступает рельефно как симптом упадка — уменьшение скота; и скотоводство везде здесь сократилось, {и везде в силу одних и тех же причин} — уменьшения или отрезки пастбищ, *принудительной* продажи за недоимки *, не говоря о падежах скота, поражающих не один крестьянский * скот (75). Ржаной хлеб и щи — почти единственная пища крестьян в черноземной * {полосе} (стр. 76).

Здесь, где никаких местных промыслов не имеется, остаются: 1) наем в работники и поденная работа у помещиков *; 2) аренда; 3) отхожие промыслы (*уходят главным образом в Новороссию, на Юг*) (83). Об аренде — {смотри} стр. 85.

С проведением железных дорог, а именно вблизи их, {натуральная} рента в короткое время превращается в денежную (86). Непрерывно растут (87) рента и цена на землю, увеличиваясь на 300—400% (89). Крестьяне (арендуя землю), пускают все под пашню, даже *луга*, которых совсем не остается (90).

I

Черноземная трехпольная полоса.
{Губернии}:

- 1) Полтавская
- 2) Часть Херсонской
- 3) Часть Екатеринославской
- 4) Часть Таврической
- 5) Харьковская
- 6) Часть Саратовской
- 7) Часть Самарской
- 8) Воронежская
- 9) Тамбовская
- 10) Тульская
- 11) Курская
- 12) Рязанская
- 13) Пензенская
- 14) Симбирская
- 15) Казанская
- 16) Орловская
- 17) Часть Уфимской

II

Степная полоса чернозема *.

- 1) Южная часть Бессарабии
- 2) Южная, большая часть * Херсонской губернии
- 3) Южная, большая часть Екатеринославской губернии
- 4) » » » Таврической губернии
- 5) » » » Донской *казачьей* области
- 6) Южная часть Саратовской
- 7) » » Самарской и
- 8) прилегающие к Самарской — части Уфимской и
- 9) Оренбургской губ.

На Востоке — до подножья Урала, на Юге — до подножья Кавказских гор.

10) Более или менее степные черноземные {местности} в губерниях Харьковской, Воронежской и Тамбовской.

В западной части степной полосы, в {губерниях} Херсонской, Екатеринославской и Таврической — население гуще; в восточной — реже; в западной части 47—51% всего пространства {занимает}

частное землевладение, в восточной — оно ничтожно; в западной — менее девственная почва, в восточной — совершенно свежие степи.

В Таврической * губернии 90% крестьян — бывшие государственные; в Екатеринославской — 66%, в Херсонской — 64% имеют в среднем от 6,7 до 9,7 десятины на душу; тут много колонистов и менонитов. Эти последние (колонисты и менониты) очень слабо обременены платежами, и государственные крестьяне не сильно обременены ими.

121 ||

Бы в и и е помещичьи * крестьяне той же западной степной полосы (губерний Херсонской, Таврической, Екатеринославской) {наделены} землей скуднее, а платежи их гораздо более || обременительны. В наиболее густонаселенных частях Екатеринославской губернии, особенно при низших наделах, {дело обстоит} плохо. Так например, *Екатеринославская губернская* управа** в своем *докладе земскому* собранию* (1876)* говорит: «при дальнейшем сохранении существующего строя всем крестьянским собственникам предстоит разорение, или же он должен подвергнуться радикальной реформе». Тем не менее {наличие} во многих местах *значительной массы незанятых земель, относительно невысокая арендная плата*, несмотря на ее возвышение в последние годы, наконец, *отсутствие* {заботы об} *удобрении снимаемой земли* — все это дает преимущество крестьянам по сравнению с {положением крестьян} *трехпольной черноземной полосы*. На своих *собственных наделах* они должны *переходить везде к трехпольной системе*; эта необходимость вынуждает их искать переселения в более привольные места, но обременены они меньше, чем крестьяне более или менее степных местностей черноземной части Харьковской, Воронежской и Тамбовской губерний.

Северо-западные и Юго-западные губернии. {Сравни} *стр. 119 тетради [из Янсона: «Опыт*» и т. д.]*.

Киевское генерал-губернаторство: губернии Киевская, Подольская, Волынская — {эти губернии} — Подольская вся, Киевская — большей частью, Волынская — крайним югом своим — {входят в черноземную полосу}. По климату, плодородию почвы, близости к большим экспортным рынкам и к западной границе, это — одна из богатейших местностей России.

Остальные губернии — Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и часть Витебской (*а Могилев?*) имеют *песчано-глинистую и песчаную почву*. Значительная часть {покрыта} чистыми песчаными дюнами. *Северные части Киевской и Волынской губерний, южная часть Минской, Юго-восточный угол Гродненской* входят в так наз.

Пинское Полесье**, покрытое обширными болотами (*топями, трясинами*) и песками. *Всюду большая лесистость.*

После событий 1863 г. (*Перед тем правительство допустило такое хозяйничанье, что, например, в Киевской губернии дворянство отобрало у крестьян 13,8% и без того скудной площади так наз. крестьянских наделов.*)

Указами 1 марта и 2 ноября 1863 г. и 28 апреля 1865 г. помещикам {был предписан} обязательный выкуп; выкупные платежи были понижены на 20% против оброка; в других случаях (закон 2 сентября 1864 г.) оброк был снижен на 15% против определенного Положением * 19 февраля 1861 г.; крестьянам была обещана вся земля, находившаяся действительно в их пользовании. **Нечестно**¹ составленные выкупные договоры, за время с 19 февраля 1861 г., {полагалось} **аннулировать**². Эти меры распространялись и на Могилевскую губернию, где, вопреки обычному частнособственническому³ землевладению, преобладало великорусское Положение *, и на восточную часть Витебской губернии. Издано было также распоряжение о наделении безземельных крестьян Северо-Западного края * 3 десятинами без усадьбы * на семью и об устройстве * быта * батраков * и бобылей * западных уездов {Витебской губернии} (Янсон).

Наделы (см. стр. 105) составляют 2,4—4,9 дес.; выкупные платежи — от 68 коп. до 1 руб. 60 коп. с десятины, а все налоги от 1 руб. 10 коп. до 3 руб. 26 коп. на десятину. Здесь тоже государственные крестьяне поставлены в лучшее {положение}, чем бывшие крепостные (см. стр. 106).

Сравнительно с соседними великорусскими и малороссийскими губерниями средняя величина душевого надела почти везде больше, а платежи на десятину везде меньше (стр. 107).

Те же самые различия в материальном положении крестьян, которые в великорусских губерниях проистекают от высших, низших и четвертных наделов, здесь еще более усиливаются различием между {наделами} тяглыми, *пешими**, *огородными** и *батрачными** и, наконец, {существованием} во всех губерниях огромного числа крестьян безземельных, которые имеются, однако, и в Полтавской и в части Черниговской губернии, где тоже — частнособственническое владение землей (107, 108). (**Пеший * — крестьянин безлошадный.**) Там, где существует сельская община (*Россия*) наделение земель производится не по душевому принципу, а сообразно с рабочими

¹ У Янсона: неправильно.

² У Янсона: исправить.

³ У Янсона: «участковому», — противопоставляемому общинному.

силами {двора}, в губерниях же с *частноблагородническим владением* {наделение производится} согласно душевому составу двора *. *Пешие* *, у которых нет ни лошадей, ни скотины, не в состоянии обработать свой надел и *отдают свои наделы в обработку тягловым крестьянам*, а сами вынуждены идти в *батраки при помещичьих хозяйствах*. Еще хуже {положение} *огородников** (*кутников**). Таким образом, огромное большинство крестьян живет поденным заработком, сравнительно же *зажиточных крестьян* — меньшинство (109). (*Огородник — Gemüsegärtner.*)

Масса крестьян и в западных губерниях не может не только уплатить тяготеющих на их наделах податей и повинностей *, но и доставить средства существования для своих семейств (109).

{Податная * комиссия} приводит целый ряд крестьянских бюджетов, и все они кончаются дефицитом (*110 стр., прим. перед 1*) (*см. продолжение на стр. 126*).

126 || *Западные губернии. Документы, о которых идет речь на стр. 121, следующие: Доклады Комиссий по исследованию положения сельского хозяйства* ¹. Там, между прочим, говорится: «При *достаточном* ² наделе * крестьянин может покрыть все сборы, а для содержания семьи должен зарабатывать вне своего надела, или, наоборот, надел дает крестьянину возможность при среднем урожае прокормить и одеть свою семью и прокормить свой скот, но для *уплаты повинностей и для прочих расходов по сельскому хозяйству* он должен прибегать к заработку». В лучших уездах Киевской губернии (*за исключением самой северной ее части, эта губерния одна из богатейших местностей России*) еще в 1866 г. *доходность с десятины* исчислялась в 1 руб. 12 коп., а сумма платежей, лежащих на десятине — в 2 руб. 60 коп. (110, 111).

Нет ничего бедственнее положения крестьян в *полесской** (*Пинск*) *части западных губерний*. $1\frac{3}{4}$ ф. печеного хлеба в день на рабочего и т. д. ³ (111). В одном *полесском** уезде *Волинской губернии* (*это ее пинская часть*), в *Овручском* уезде, например, семья с 5 работниками, при 34 дес., не получает с надела достаточно для своего прокормления, а подати равны 134 руб. (Доклады * Комиссии*, I, отдел III, стр. 150).

¹ Название документов написано Марксом по-русски.

² У Янсона: настоящим.

³ У Янсона: «В Овручском уезде (Волинской губернии), при обыкновенных урожаях всего произведенного в нем хлеба (помещичьего и крестьянского) на каждого взрослого приходится по расчету не более $1\frac{3}{4}$ ф. печеного хлеба в день».

Немногим лучше {положение крестьян} в Могилевской губернии, где почва истощена или неплодородна; обременение их сборами не раз побуждало крестьян {обращаться с заявлениями}, чтобы им все-таки разрешили отказаться от их надела и переселиться в другие губернии (стр. 112) (Труды* подат.* Ком.*, стр. 542).*

Из северо-западных литовских губерний наилучшую почву имеет *Ковенская*; и здесь, в лучшем уезде, чистый доход для участка* в 50 дес. = 1 руб. 61 коп., а в 10 дес. — 79 коп. *(все это на десятину)*, а платежи крестьян на десятину — более 2 руб. (Докл.* и т. д. стр. 165) (Янсон, стр. 113).

С другой стороны, в западных губерниях все безземельные, огородники, большая часть тех, которые имеют пешие* наделы, живут не наделами, а заработками, которые очень низки (115). Нужда и наступление срока уплаты податей вынуждают этих крестьян, например, в Подольи (сплошь черноземной) занимать деньги для уплаты податей; при этом они продают свой будущий труд менее, чем по 20 коп. {в день} и должны еще сами заботиться о средствах пропитания¹.*

124 ||

Величина высшего надела, {установленного} Положением 19 февраля 1861 г. (3 марта по нашему летосчислению) слишком мала, за исключением степной полосы; вместе с тем допускается $\frac{1}{3}$ высшего и еще более низкий минимум; затем четвертной даровой надел. Наконец, крестьянину предоставляется право (при добровольном соглашении) отказаться от высшего в пользу $\frac{1}{3}$ надела. Таким образом, в зависимости не только от различий (местных) {в величине} высших наделов — образуется масса сельского пролетариата. В интересах помещика наделы оставлены существующие, если они менее $\frac{1}{2}$ высшего надела; максимум и минимум применяются в случаях обязательного выкупа.

Главной основой {при определении величины наделов} служило отношение пространства имений к числу крепостных; ни в коем случае² не мало- или многоземелье (отношение земельной площади к плотности населения), а отношение помещика* к крестьянам (123, 124).

Переселение затруднено, фактически сделано невозможным (123). (Таков смысл положений, определяющих условия выхода из общины.)

Значительная часть поземельных платежей вместе с податями ложится на «труд»³ (124).

¹ Продолжение конспекта следует далее на 124 стр. тетради Маркса.

² У Янсона: «и даже».

³ Кавычки Маркса.

Комиссия не потрудилась определить, что такое нормальный надел; она не исследовала ни нужды крестьян, ни производительность надела (все это она объявила невозможным. — См. Скребицкого¹.) В числе причин, почему его нельзя определить, Комиссии, в первую очередь, указывали на невозможность определить доход крестьян от промыслов и, следовательно, с первого же шага поставили определение надела в зависимость от побочного заработка крестьянина. [Самым легким выходом {из затруднения} было признание существующих наделов (каковы они были в 1859 г.)] (или, как говорится в другом месте, преобладающего надела, несмотря на то, что Комиссии сами признавали — Скребицкий, III, стр. 62, — что существующий надел только кормит крестьянина, не давая ему дохода. Ростовцев² и сами Комиссии настаивали на том, что существующие наделы должны быть сохранены, в каком бы отношении они ни находились ко всей {земельной площади} имения) (127). **[Но это делалось якобы в интересах крестьян.]** Они принимали тогда «средние цифры» (в расчете на душу или на тягло) (128).

Какой размер надела обеспечит крестьянина, не исследовалось вовсе (128). В конце концов: определен максимум и минимум для различных зон. И, наконец, далее Комиссии установили: 1) там, где из последующих выкладок выяснится, что существующий крестьянский надел превышает максимум, излишек против установленной законом высшей нормы крестьянского надела, должен быть отрезан; 2) {должен быть} установлен минимум, ниже которого надел не может опускаться (129). **Для работ Комиссий делалось все более и более характерным то, что «интересы помещиков * все более и более выступали на первый план»** (129).

Для черноземной полосы Комиссии приняли сначала в качестве высшей нормы надела $3-4\frac{1}{2}$ десятины; во втором периоде {своих работ} (5 сентября 1859—12 марта 1860 г.) для 7 местностей* {этой полосы} высший надел был установлен в $2\frac{3}{4}$, 3, $3\frac{1}{2}$, 4, $4\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$ и 6 десятин, и при этом Комиссии выражали опасение, что принятые ими размеры наделов слишком малы и ни в коем случае дальнейшему понижению подлежат не могут (131). Точно так же и для степной полосы, из принятых раньше {наделов} в $6\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$ и 12 дес., во второй период 12-десятинный надел был вычеркнут. Так и в нечерноземной полосе.

¹ Имеется в виду «Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян», тт. I—IV. Бонн на Рейне, 1862—1866.

² Председатель Редакционных комиссий.

Затем последовала проверка предложенных наделов на местах и разбор всех возражений в защиту помещичьих * интересов, которые были представлены депутатами, вызванными Комиссиями.

Результат этого — в третьем периоде {работ}: новое распределение губерний на «местности», с новым понижением наделов по 42 уездам {черноземной полосы} и {образование} 10 «местностей» вместо 7, и т. д. (с.м. 131, 132).

Понижение наделов должно было быть лишь {исключением}, но {несмотря на это проводилось} в большинстве случаев, тогда как прирезки были исключением (132, 133).

В окончательном проекте Комиссий, принятый за основу «существующий» надел потерпел еще значительно большее уменьшение (133).

В действующем Положении * для губерний великорусских, малороссийских и белорусских высшие наделы {потерпели} дальнейшее уменьшение; в 33% {местностей} черноземной полосы {наделы} уменьшены от $\frac{1}{4}$ и т. д. до $3\frac{1}{2}$ дес. (133). Наиболее чувствительно это там, где принятый высший надел и без того весьма незначителен. Увеличение {высшего} надела (максимум) {произошло} — (на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дес.). В степной полосе во всех уездах * надел понижен на $\frac{1}{2}$ десятины (133, 134).

Наименьший надел установлен Комиссиями в $\frac{1}{3}$ высшего (и после того как понижены нормы последнего); в некоторых же случаях прирезка признавалась необязательной, хотя бы существующий надел и оказался меньше самой низкой {нормы} для низшего.

Наделы остались существующие, если {они были} менее $\frac{1}{2}$ высшего надела (поскольку имеется добровольное соглашение между крестьянином и помещиком *) (124, примеч.).

125 || В случаях малоземелья, где при соблюдении установленных размеров надела помещик * лишился бы значительной части или всего своего поместья, был в 1-й период установлен — для сохранения поместного * элемента * — общий принцип, чтобы сохранить за помещиком * часть принадлежащей ему земли, причем под помещичьей землей разумелась общая совокупность его земель в различных уездах; в конечном счете за норму была принята $\frac{1}{3}$ его владений (так это и вошло в Положение *). Во втором периоде Комиссии сделали еще важные уступки:

1) {означенная} $\frac{1}{3}$ берется по отношению к удобным землям (и лесу); 2) под помещичьей * землей надлежит разуметь только ту землю, которая находится не далее 25-верстного расстояния от наделяемого селения *. Положение * 19 февраля делает из 25 верст 12 (139). Это новое ограничение первоначально было установлено в связи со

свободой переселения для крестьян, причем государство должно было этому { переселению } помочь; во второй период вопрос о переселениях был совершенно устранен (142).

Условия переселения (в настоящее время) — увольнительный приговор общины и т. д., отсутствие недоимок, уплата вперед податей, отсутствие спорных частных сделок и пр. — делают переселение возможным лишь для зажиточного меньшинства, а оно в переселении не заинтересовано (143). Все это вместе взятое равносильно «запрещению» переселений * (144).

2) Большинство губернских* комитетов считало, что повинности* должны быть соразмерны наделу и уменьшаться соразмерно уменьшению надела, на том основании, что средства крестьян находятся в прямой зависимости от размера их земельного надела.

Комиссии же, опираясь на мнения комитетов некоторых северных губерний полагали, «что средства крестьянина зависят не только от величины его земельного участка, но еще более от соразмерности надела с оборотным капиталом и рабочими силами, которыми крестьянин располагает. В 1-ю десятину крестьянин вкладывает всю рабочую силу и весь капитал, во 2-ю — уже не так много, и еще того меньше в 3-ю и 4-ю десятины» (148).

Они не задавались вопросом, действительно ли высший надел несоразмерен с рабочими силами, есть ли у крестьянина «оборотный капитал»; и эти собаки приняли указанный принцип обложения для всех великорусских губерний (там же).

Таким образом являлась система градации надела и все это для того, чтобы «помещики* не потерпели несправедливого ущерба» (149). Чем скуднее наделены крестьяне землей, тем больше обложены они платежами. Уже максимальный надел — меньше, чем рабочие силы, а оборотный капитал (удобрение) зависит, в свою очередь, от величины надела (есть ли луга и выгон*) (149).

Уменьшив во втором периоде работ наделы для многих «местностей», Комиссии, несмотря на это, удержали оброки в 10 и 9 руб. для оброчной* нечерноземной полосы и 8 руб. для издельной в той же зоне; во всей же черноземной полосе, наряду с уменьшением надела оброк был увеличен с 8 до 9 руб., так что оброк был повышен везде, а в черноземной полосе в особенности; при этом была удержана система градации (150).

Согласно этой системе с уменьшением надела уменьшались и повинности (оброк или выкуп), но в гораздо меньшей степени, чем надел (149); вдобавок к этому все подати для всех крестьян были одинаковы (152).

*Великорусское Положение * 19 февраля 1861 года* значительно упростило ¹ систему градаций и одновременно еще более возвысило платежи за 1-ю десятину (153). Таким образом прогрессивно шло и уменьшение высших норм наделов и возвышение платежей для тех крестьян, которые не могли получить полного надела, а таких большинство (154). *Положение ** допускает возвышение оброка свыше нормированного максимума (в известных случаях) при наличии ходатайства о том помещика *. В числе обстоятельств, дающих повод к возвышению оброков или повинностей * между прочим — возможность особых промысловых заработков * (156).

¹ У Янсона: упростило.

ВОПРОСЫ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ¹.

2-х первых номеров нет: №№ 2 и 4 «Записок *» от 1872 г.

III. Дороговизна ли рабочих рук составляет
большое место нашего хозяйства?¹

В 1871 г. в № 301 «*Биржевых* ведомостей**» перепечатано сообщение распорядительного комитета петербургского собрания сельских хозяев, где дороговизна рабочих рук (а зачастую их отсутствие, притом во время сенокоса и жатвы) изображается как основной недуг русского сельского хозяйства (стр. 199). Выдвигается требование мер к удешевлению {земледельческого} труда (там же). В том же духе {высказывается} особая правительственная комиссия (там же).

Заработная плата, наоборот, слишком низка (201).

[*Автор — сам помещик Смоленской губернии, данные которой он постоянно приводит; его имение находится в 15 верстах от станции железной дороги; оттуда до Москвы он может доехать в 12 часов за 3 рубля.*]

{Система обработки} помещичьих* земель* — издельная, т. е. земли сдаются на обработку за известную плату с десятины или *круга**. Круг, или *снизок**, состоит из 3 десятин — ржаной, яровой и паровой; иногда {он состоит} из 4 десятин, одна из которых добавляется для покоса. Крестьянин должен на *своих лошадях, и со своими орудиями* сделать все работы на 3 десятинах: вспахать, засеять, сжать, вымолотить и ссыпать хлеб в амбар, словом, сделать все работы, которые требуются при трехпольной системе, и сверх того — починить* мосты на полевых дорогах. Как в старину, при крепостном праве, помещику нужно иметь только старосту, чтобы своевременно *выгонять крестьян на работы и наблюдать за исполнением их. Круговые* работы** крестьяне называют по-старому *пригоном**. Если в круг* не входит покос (добавочная 4-я десятина), то покосы* обыкновенно сдаются из части — с половины, с трети и т. д. (202, 203).

¹ Заголовок написан Марксом по-русски.

За круг *, состоящий из 3 хозяйственных десятин, платят они 23 руб. (от 20 до 25); а там, где четыре поля (десятины), — до 28 рублей*.

Затем следует таблица с перечнем работ, которые обязан выполнить крестьянин за 23 руб. при трехпольном хозяйстве (203).*

На все эти работы у него уйдет 71 конный день и 195 рабочих дней (68 женских дней, 56 мужских), и это при наилучших обстоятельствах — при благоприятной погоде, недалежней возке навоза и дров, недалеком расстоянии деревни от усадьбы * и т. д. В этом случае крестьянин зарабатывает (при 23 руб. за круг *) $11\frac{4}{5}$ копейки за рабочий день, а именно — $11\frac{4}{5}$ как за денную работу лошади, $11\frac{4}{5}$ за работу мужчины и $11\frac{4}{5}$ за работу женщины. Теперь отсчитайте {процент} амортизации на лошадь, обрью *, земледельческие орудия, прокормление лошади и убыль лошадей от болезней — что же останется на черный хлеб и пустые * щи *? (204.)

Считайте сколько верст приходится работнику пройти, выполняя эти работы (стр. 204, 205), и сколько он получает за проход версты (205). Сравнение *дешевизны земледельческого труда с трудом литературным* (205)¹.

42 || Расчет издельной платы при обработке льна (1871—1872 гг.) — (стр. 205, 206).

Почему же крестьянин работает за такую *паршивую* плату, которая едва обеспечивает ему харчи? Крестьянин прекрасно знает, сколько ему приходится за рабочий день. Прежде чем вычислил я, крестьянин мне уже сказал, что он получает около 12 коп. за рабочий день при обработке кругов *. Мои вычисления дали $11\frac{4}{5}$ копейки. Тем не менее, этот способ сдачи работ в нашей местности преобладает, и те имения *, которые не могут сдать земли на * обработку * кругами *, за весьма немногими исключениями, где обработка производится батраками, вовсе опущены * (207).

Что же побуждает крестьян {работать за такую дешевую цену}?

- 1) Необходимость в лесе, покосах, выгонах и приволье для скота.
- 2) Крайняя бедность: чтобы не умереть с голоду и уплатить повинности *. Первая причина побуждает целые общества * брать на обработку известное число кругов * сообща за пользование угодьями * или за деньги с правом пользоваться выгоном. Вторая причина побуждает

¹ «За каждую напечатанную в «Отечественных записках» строчку я получаю от 13 до 15 копеек — пишет Энгельгардт — следовательно, за каждую написанную мною строчку я получаю более, чем получает крестьянин за целый день работы, более, чем получает крестьянин за проход с сохой 25 верст».

бедняков к этому, чтобы получить *в голодное время задаток*. По «Положению *» крестьяне получили в надел земли в ограниченном размере; хотя народонаселение не сильно еще возросло, — {полученной земли} недостаточно для них, чтобы пропитаться и уплатить повинности *. На своих наделах крестьяне имеют усадьбы * с огородами, поля, очень мало лугов, плохие выгоны и вовсе не имеют леса. Все земли, которыми, сверх того, владели крестьяне при крепостном праве, по «Положению *» отрезаны в пользу помещиков * и составляют так наз. «зацепные * земли *» или «отрезки *». Община *, получающая с полей достаточно хлеба для собственного прокормления, есть уже *зажиточная* община *, а крестьяне, не прикупающие хлеба *, слышат богачами. Таких обществ * очень мало; большинству крестьян — даже в урожайные годы — приходится хлеб * прикупать; в неурожайные годы, как, например, в прошедшем году (1872 ?) прикупали все, даже *богачи* (207).

Таким образом в нашей местности крестьяне с полевой земли своего надела денежного дохода не имеют и в большинстве случаев надела для прокормления крестьянину недостаточно, и ему приходится добывать извне денег для покупки хлеба. Другую статью дохода в крестьянском хозяйстве составляют *конопляники*: коноплю крестьяне продают. *Чем лучше конопляники, — а это зависит от местоположения, качества земли, и от того, как насижены истари места, — тем зажиточнее крестьянин*. Третья статья {дохода} — *скотоводство*: его продукты — молоко, шерсть, баранина, сало * — не продаются, потому что их крестьянину нехватает для собственного потребления и без особенной крайности он не продаст ни молока, ни барана. Деньги выручает он только от продажи какой-нибудь старой коровы или лишнего молодого бычка или старой лошади (— убить скотину на солонину — такая роскошь, которую может себе позволить только богач) (208).

Вот все, что *выколачивает* ¹ крестьянин из своего надела. Денежная выручка от конопляников идет у крестьянина на домашние расходы — покупку соли, рукавиц, лык для лаптей, дегтя, колес, сбруи *, железа, кос *, серпов, топоров, выделку * овчин *, ковку лошадей, плату пастуху, плату попам за *требы* * (*например, престины*), богослужение на дому в никольщину и т. д., при засеве хлеба, на покупку водки и сельдей на праздники. Только немногие богачи *, у которых конопляники очень хороши и скота много, могут уделить что-нибудь из этого дохода для уплаты повинностей * (208).

Даже при самых благоприятных условиях, когда надел достаточен, сколько нужно для прокормления, крестьянин должен, для

¹ У Энгельгардта: получает.

уплаты оброка * или выкупных, податей * и сборов * — *заработать * деньги ** на стороне. Большинство же сверх того — еще *для домашних расходов*, так как дохода {от надела} на это нехватает... Крестьянин должен купить *лес* для построек, дрова для отопления и лучину для освещения (даже у тамошних (смоленских) помещиков * лучиной * освещаются избы, где живет прислуга) (208). При недостатке лугов крестьянин должен покупать *сено*¹ — для прокормления скота, а главное, чтобы иметь {от скота} *навоз, необходимый для хлебных полей и конопляников*. Это на зиму; но и летом скотине нужен *выгон*, а выгона у крестьянина почти нет; если деревня на своем выгоне кое-как прокормит свиней и овец — это уже много; если сохранит хотя бы жизнь рогатому скоту, пока он не уберется с полей, это уже отлично; выгон нужен для прокормления лошадей весной в рабочее время и т. д. Значит крестьянин должен *купить выгон*. Чтобы не ссориться с помещиком *, чтобы иметь право собирать грибы и ягоды, вязать веники и пр. он должен *купить себе приволье **. Большинство же, — кроме уплаты повинностей * и {покупки} леса, покоса, выгона и приволья *, — должно еще покупать хлеб * (209).

43 || Даже те немногие крестьяне, которые исстари нажили одну, другую сотню рублей, в виде полуимпериалов, запрятанных в кубышки, должны *заработать * деньги ** для уплаты повинностей *, для покупки покоса, выгона и приволья *. Если они занимаются каким-нибудь выгодным промыслом, например, бьют масло, дубят * кожи или имеют выгодные заработки * на стороне, например, {если они} коновалы, землекопы и т. д., тогда они зарабатывают достаточно денег, чтобы из своего заработка * уплачивать повинности *, покупать лес, нанимать покосы, выгоны * и приволье *. Так как каждый крестьянин знает, как невыгодно для него обрабатывать * круги * у * помещиков * за 12 коп. в день, то он старается при малейших видах на это, склосотить с помощью заработка на стороне то, что ему нужно для уплаты повинностей, {покупки} леса, покоса, выгона * и т. д., то много-много, если они берут покос * из части и платят за приволье * какой-нибудь услугой. Мечта всех крестьян — *заработать на стороне деньги, чтобы на деньги снять у помещика * покос *, выгон и арендовать * землю* (209, 210).

Десятина *облаги **, засеянная льном, при благоприятных условиях может дать до 125 руб. валового дохода; наняв мужика обработать десятину за 25 руб., помещик получает 100; при менее благоприятных условиях десятина дает 100 руб., следовательно, 75 руб. чистого дохода; в самый дурной год — 60 руб. *, следовательно, 35 руб. *

¹ У Энгельгардта: покос.

чистого дохода. Но десятину облаги* под* посев* льна* крестьянин может снять за 15 рублей. Если только у него есть деньги, он арендует землю — ему ведь не нужно ни старост, ни расходов на администрацию. Но это доступно лишь тем крестьянам, которые имеют выгодные* заработки дома или на стороне. Но таких мало. У большинства крестьян заработки ограничиваются извозом* (*Transport, Verführung von Waren, Reisenden*), пилкой и доставкой дров. Кроме того — {отдачей} лишних членов семьи в работники; и так как поместий, где бы обработка земли производилась *собственными* батраками, очень мало, так как большая часть помещиков* бежала на службу и *совершенно* запустила свои имения, или там, где обработка обеспечена сдачей на круги*, оставила эти имения на попечение старост и сама в деревнях не живет, — то для заработков эти лишние члены семьи должны отправляться в Москву, где, вследствие наплыва рабочих, труд ценится так дешево, что редкий работник, отказывая себе во всем и питаясь одним хлебом, пришлет домой за год 40—50 рублей. Если всех этих заработков¹ крестьянину хватит на уплату повинностей* и покупку хлеба*, то хорошо; но часто и на это не хватает, потому что собственное хозяйство не позволяет отлучаться далеко, а вблизи выгодных заработков* нет (210).

При таких условиях мужику остается только искать {хотя какого-нибудь} заработка дома; такого заработка, который не мешал бы его собственному хозяйству, чтобы работать было не далеко и работать было можно между* делом* (210).

Взять *для этой цели* у соседнего помещика* на обработку* круг* земли* — самое подходящее дело (211). (*Там же мотивировка этого.*)

Если у помещика* много угодий* — есть лес и пр.; если они *хорошо расположены*, т. е. *со всех сторон окружают надел* какой-нибудь деревни, не слишком зажиточной, но и не крайне бедной, если есть исправные лошади, крестьяне не заняты отхожими* промыслами*, — то отношения складываются следующим образом: крестьяне берут у помещика* землю на обработку *целой деревней* — по кругу*, по полкруга*, по четверть круга* на двор (*крестьянский*), смотря по силе, со взаимной ответственностью и с платой от помещика* по 25 руб. за круг*, с молотьюбой, но без покоса, выговаривая вместе с тем право пасти скот на помещичьих* выгонах*, т. е. на паровом поле, по кустарникам, скошенным лугам и убраным полям. Что касается покосов, то крестьяне берут их *тогда уже* из части: из половины, из трети и т. д., смотря по качеству их;

¹ Энгельгардт имеет в виду извоз, пилку дров, отправку лишних членов на заработки и пр.

дрова тоже берут из части. Работает *целая деревня*, и богачи, и бедняки, *изо всех сил*¹ (211).

Крестьяне берут круги* только «по необходимости, по* невозможности* иначе* приложить* свой* труд*»; они очень хорошо знают, что имей они больше земли — своей или арендованной, — то *прилагая* труд* к* земле**, они получают больше, чем *при* обработке* кругов**. [Примечание к этому на стр. 211. Даже на пресной* земле без навоза, если рожь придет сам-третий и овес сам-друг с десятины — при посеве 1¹/₂ куля* ржи (*куль* — Mattensack — в качестве меры обычно содержит 10 пудов ржаной муки*) и 4 кулей овса получится 3 куля* ржи по 7 руб. за куль* = 21 руб. и 4 куля* овса по 2 руб.* 50 к. за куль* = 10 руб., следовательно, на 31 руб. с круга*, не считая мякину и солому. Поэтому, если можно сдать землю на обработку кругами*, то чем больше будет {обрабатываться} земли, тем выгоднее для помещика*, ибо тогда всякая и безнавозная земля дает доход.] (Стр. 211.) {Далее} *разъясняется, почему необходимость заставляет брать круг* (стр. 212). При этом в особенности следует отметить, что в указанном случае, когда работает вся деревня, богачи стараются взять на обработку

44 || из круга* *возможно меньше земли* — || лишь столько, сколько необходимо, чтобы вместе со всеми иметь право пользования выгоном* и привольем* наравне с бедняком, у которого максимум 1—2 лошади, тогда как у него, богача, 5—6 лошадей, да 4 штуки рогатого скота (212)².

¹ У Энгельгардта: «сколько кому под силу».

² На этом изложение обрывается, хотя Маркс и собирался продолжить его: в конце рукописи стоят слова — «продолжение следует».

**РУКОПИСЬ
Ф. ЭНГЕЛЬСА**

**А.Л. ПОПЕЛЬНИЦКИЙ. «ЗНАЧЕНИЕ * ПЕРЕОЦЕНКИ *
ПОВИННОСТЕЙ * В КРЕСТЬЯНСКОМ ДЕЛЕ».**
(«СЛОВО *», март 1881 г.)

Местами, особенно в Смоленской губернии, помещики требовали, чтобы крестьянин платил и за отмену крепостного права, то есть, чтобы он *просто купил себе свободу личности*. По предложению министра внутренних дел Ланского это {домогательство помещиков} было отвергнуто Главным * комитетом *, {решение которого} было утверждено царем 17 января 1859 года. Тем не менее то же самое требование было вновь выдвинуто симбирским, нижегородским и тамбовским местными комитетами, но снова было решительно отклонено Ланским, как искажение одобренных императором основных принципов выкупа.

Но Редакционные комиссии откровенно заявили: «никакой закон не может в точности соразмерить определяемую повинность с ценностью земли (*надела **), не подвергая через то разорению значительную часть помещиков. Принятый Редакционными комиссиями размер этой повинности сообразен со средствами земледельцев, и во многих случаях представляет собой не одну поземельную ренту, а *отчасти падает и на личность крестьян*».

Очевидно, что введенные в закон 19 февраля 1861 г. (*главный закон об освобождении крестьян*) меры, ограждающие интересы помещиков, противоречили даже основным началам устройства крестьян, выраженным в правительственной программе. Все это сделано под влиянием отчаянного вопля депутатов 2-го призыва от губернских комитетов, обвинявших Редакционные комиссии в коммунизме и социализме. На самом же деле эти Комиссии *даже* более, чем следовало, заботились об ограждении помещичьих интересов, доказательством чего служат те отклонения (*от первой программы*), которые прошли в законе 19 февраля 1861 г. (стр. 53). Между ними *самое* большое значение для крестьян возымели нормы повинностей, *отнюдь* не соответствующих количеству и качеству

полученной земли, и создавших то экономическое положение, о безвыходности которого уже писано * и * переписано * *так много*.

Данные о существовавших *(до тех пор)* крестьянских наделах * и повинностях *крестьян* за них, бывшие в распоряжении Редакционных комиссий и собранные самими же *помещиками*, были так извращены, что неверность и неполноту их признавали сами Редакционные комиссии, и члены губернских комитетов при обсуждении работы Комиссий торжественно заявляли о том же. Да и сведения, доставленные правительством были только приблизительно верны; даже и приблизительно неверны, как говорит статистик Журавский. И из такого ненадежного материала надо было извлечь нормы для определения поземельных отношений 10 миллионов человек!

Редакционные комиссии старались сохранить направление основных начал первой программы, выдерживали *ожесточенную* борьбу с могущественными противниками освобождения *вообще и с теми, кто стремился {создать} класс безземельных крестьян*. Они ковали железо пока горячо *и добивались чего могли*. И вот почему, при недостаточности {собранных} сведений и растущем влиянии помещичьей партии, *на крестьянина, кроме выплаты поземельной ренты, была возложена еще личная повинность, некий излишек ({составленный} из продукта его труда минус рента, т. е. из эквивалента заработной платы)*. «Но преувеличение цены надельной* земли через обложение слишком высокими повинностями даже за плохие земли нечерноземных местностей, во избежание разорения помещиков, мало удовлетворяло последних; их представители потребовали еще большего обременения крестьян», *настоящего живодерства* (стр. 54).

Еще в проектах некоторых губернских комитетов было выражено {требование} изменяемости повинностей, соразмерно с ценностью земли и ее продуктов. Только *один* тамбовский комитет требовал, чтобы такая переоценка {повинностей} производилась единственно с целью уменьшения этих повинностей, а не возвышения их. Но Редакционные комиссии нашли, что это предложение сводится к *беспрестанному*¹ *повышению* крестьянских повинностей (стр. 55), что произведет на крестьян плохое впечатление и увековечит *классовую*² борьбу. {В первый период своих занятий} (по 5 сентября 1859 г.) хозяйственное отделение Редакционных комиссий предлагало определить размер рабочей и денежной повинности неизменными цифрами, — тем более, что «для предупреждения

¹ У Попельницкого: периодическому.

² У Попельницкого: сословную.

слишком крутого перелома в помещичьем хозяйстве назначены повинности в размере, превышающем теперешнюю стоимость земли», а крестьянину при этом будет также предоставлена выгода от предполагаемого когда-либо в будущем повышения стоимости земли. Этот срединный путь и приняла Редакционная комиссия.

Но во втором периоде своей деятельности она пошла на уступки. Первый председатель Редакционной комиссии, генерал Ростовцев, 12 марта 1860 г. предложил вновь вопрос о неизменности денежных повинностей {на обсуждение} членов от губернских комитетов. Только два члена — Гаврилов и Кошелев — стояли за неизменный
 16 || {размер повинности}, требуя вместе с тем обязательного * || срочного* выкупа*. Напротив, все члены как первого, так и второго созыва требовали допущения переоброчки *под всевозможными лжи-выми предлогами*, причем неизменно предполагали непрерывное падение ценности денег (стр. 56). *При этом помещики до самого момента выкупа считали себя собственниками земли, которой должны быть наделены крестьяне**.

Но эти аргументы повлияли на Редакционные комиссии, и они уже в третьем периоде своей деятельности (по 10 октября 1860 г.) постановили «в* уважение* почти единогласного ходатайства членов от губернских комитетов допустить переоброчку на основаниях, сходных с законоположением Царства Польского».

Способ *периодической* переоценки повинностей предполагалось производить на основании {поземельного} *кадастра*. Но во многих местностях оброки уплачивались до сих пор не только с *ценности* земли, но и с промысловых заработков. А так как {Редакционные комиссии} стремились сохранить это положение, то они признали, что переоценка {повинностей} (стр. 57) на основании {поземельного} кадастра, основывающегося только на оценке земли, «*произведет всеобщее потрясение в доходности и ценности помещичьих имений через понижение повинностей во всех промысловых местностях*». Другой путь — и он был принят — это переоценка {повинностей} соответственно изменению средних цен на хлеб. При этом Комиссии не скрывали, что *всякое* повышение крестьянских повинностей *политически* опасно и представляет огромные трудности. Только *действительный* выкуп мог бы *в конце концов* помочь делу. Но условия выкупа поставлены в зависимость от воли помещиков и средств правительства. Комиссия предвидела, что далеко не все помещики будут в состоянии или захотят ввести выкуп и что еще в течение значительного времени после введения нового законоположения все еще останутся такие имения, в которых крестьяне, не сделавшись еще поземельными

собственниками, будут платить оброки, может, несколько ниже¹ сравнительно с ценностью земли. В этом случае должна была иметь место переоценка {повинностей} по условиям польского закона 1858 г. для содействия заключению сделок* между обеими сторонами. Эти условия заключались в ограничении возвышения или понижения повинностей 20 процентами *существующего их размера* и в пересмотре их каждые 20 лет. В течение этих 20 лет рассчитывали в большинстве случаев произвести выкуп.

Этот проект Редакционных комиссий не вызвал особого противодействия в Главном комитете (по * крестьянскому * делу *). Только князь Долгоруков, Муравьев и Княжевич желали установить переоценку *уже* по истечении 14 лет. А большинство членов присоединилось к мнению Редакционных комиссий (стр. 58). В *действующем же законе*, хотя период переобработки установлен двадцатилетний, но *предложенные* условия переобработки опущены и взамен сказано: переобработка производится на основаниях, кои будут установлены *п р а в и т е л ь с т в о м!*

Отсюда ясно, что переобработка была уступкой *помещикам* в ущерб крестьянам; что касается интересов последних, то оставалось только надеяться, что успехи выкупа окончательно избавят большинство имений от этой переобработки. Уже и прежде некоторые дворянские депутаты заявляли, что {установление} неизменной повинности может быть вредно и для крестьян. И действительно, скоро весьма определенно выяснилось, в каких местах крестьяне были слишком обременены, и, следовательно, переоценка могла стать для них выгодной. *Здесь поэтому* возлагались надежды на 1881 г., как на срок, могущий «дать повод к уравниению поземельных платежей со средствами крестьян и теми хозяйственными отношениями, какие определились двадцатилетним опытом» (Янсон)². *Затем* высочайше утвержденным 23 января 1879 г. мнением* Государственного совета *срок для переобработки был продлен еще на 10 лет! Однако* официальными исследованиями установлено, что в промышленных губерниях (нечерноземная полоса) разность между выкупной стоимостью и продажными ценами надела * {составляла} (стр. 59): выше 50% в губерниях: Новгородской, Тверской, Вологодской, Вятской, Уфимской, Оренбургской {с населением} в 760 000 ревизских душ бывших помещичьих крестьян, из которых 516 000 *выкупившихся*³ и 244 000 временно обязанных;

¹ У Попельницкого: «слишком низкие».

² Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1877, стр. 157.

³ У Попельницкого: «крестьян-собственников».

от 30 до 50% в губерниях: Псковской, Смоленской, Московской, Калужской и Пермской, в которых 1 380 000 ревизских душ бывших помещичьих крестьян, из них 826 000 *выкупившихся* и 560 000 временно-обязанных;

от 10 до 30% в губерниях: Могилевской, Ярославской, Костромской, Казанской и Симбирской с населением в 1 030 000 ревизских душ бывших помещичьих крестьян, из них 760 000 *выкупившихся* и 270 000 временно-обязанных.

Во всех 16 губерниях — 3 170 000 ревизских душ бывших помещичьих крестьян, из которых 2 100 000 *выкупившихся* свободных собственников, и 1 070 000 временно-обязанных (Доклад Комиссии по исследованию сельскохозяйственной производительности в России). В 9 других губерниях «разность {между стоимостью выкупа и действительными ценами на землю} составляет *менее 10%*», это распространяется на 2 100 000 ревизских душ крестьян, из которых *выкупившихся* 1 500 000 и временно-обязанных 600 000. Таким образом в 25 губерниях с населением в 5 700 000 ревизских душ *крестьянин был обманут в отношении ценности надела или, другими словами, помещик получил излишек как вознаграждение за то, что он лишился дарового труда*. «Для крестьян, приступивших к выкупу, этот недостаток в соотношении размера выкупной стоимости с действительной ценностью земли непоправим никакими переоценками и всецело будет тяготеть в продолжение 49 лет на выкупных платежах, вызывая недоимки * 17 || и следующие за ними *известные* средства взыскания их, если, разумеется, не будет признано справедливым понизить эти платежи». Примечание: «Газета «Страна*» от 8 марта 1881 г. передала слух, почерпнутый из достоверных источников, что в правительственных сферах предположено уменьшение выкупных платежей в 23 губерниях в размере от 40 до 70%, смотря по условиям местностей, на что потребуется 9 000 000 рублей».

Итак, выгода переоценки могла бы коснуться только крестьян временно-обязанных при условии возможно скорейшего ее проведения. В противном случае переоценка после выкупа, повсеместно произведенного по требованию помещиков, может быть {для крестьян} к 1891 г. горчицей после ужина.

Повредить крестьянам переоценка может только там (стр. 60), где рента и ценность земли с 1861 г. возросли в десять и более раз, т. е. в черноземной * полосе; потому что в девяти западных губерниях с обязательным выкупом и сравнительно выгодными для крестьян условиями {выкупа} почти все уже крестьяне сделали

собственниками. В черноземных* губерниях* выкупная стоимость была ниже {продажных цен}:

на 30—50% в губерниях: Орловской, Курской, Тамбовской, Черниговской, где имелось 780 000 *выкупившихся* крестьян и 480 000 временно-обязанных *ревизских душ*;

на 10—30% в губерниях: Нижегородской, Рязанской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской; здесь 826 000 *выкупившихся* крестьян, 414 000 временно-обязанных *ревизских душ*.

(Все вышеприведенные цифры взяты из Доклада Комиссии от 1873 года.)

В 37 внутренних губерниях к 1873 г. выкупилось 4 846 289 ревизских душ, {осталось} 2 574 910 душ временно-обязанных. С 1871 г. заметно замедление {в ходе} выкупной операции: в 1871 г. выкупилось¹ 334 448 чел., в 1872 г. — около 206 000, в 1873 г. — 186 000, а в 1878 г. — только 115 000, так что к 1 января 1879 г. осталось еще 1 767 686 временно-обязанных *ревизских душ*.

В каких же губерниях остается более всего временно-обязанных крестьян?

В нечерноземных губерниях; здесь почти не было выкупных сделок, {состоявшихся} по взаимному соглашению сторон, почти все заключены по требованию помещиков (в Ярославской губернии только 269 совершены по соглашению, против 3 395 по требованию помещиков; в Тверской губернии: 556 против 4 751 и т. д.) (стр. 61). Большинство выкупных сделок имело место в восточных и южных черноземных губерниях, где условия для крестьян более благоприятны (стр. 62).

Одни недоимки* по выкупным платежам составляют около 20 млн. рублей; и трудно рассчитывать, что в будущем крестьянин сделается более состоятельным и охотнее будет приобретать неплодородные земли нечерноземной полосы, когда и ценные земли его не соблазняют. Раз признано, что выкупные платежи, представляя вознаграждение бывшим владельцам за потерю права на личный труд крестьян, носят характер временного подушного сбора, то у крестьян не может (стр. 63) быть особенного желания совершать выкуп на тех основаниях, какие предписаны законом 19 февраля 1861 года. Мы это говорим потому, что теоретически установленные начала выкупа в применении к жизни достаточно обнаружили, каким бременем ложатся они даже на тех крестьян, которые *имели счастье получить*

¹ У Попельницкого: «сделались собственникам».

за свои деньги не одни только пески и болота. По Вильсону ¹ сумма платежей с выкупившихся крестьян (которые составляют $\frac{3}{4}$ всего числа бывших помещичьих крестьян) {достигает} 41 млн.; *общая же сумма уплачиваемых ими податей как государственных, так земских и мирских, не достигает этой цифры.*

Общая сумма недоимок* за пятнадцатилетний период 1862—1876 гг. по 38 губерниям составляет 14 103 000 рублей; из них 2 958 321 руб. {приходится} на одну только *Смоленскую* {губернию}. {Если к Смоленской} присоединить Новгородскую {губернию}, 2 уезда * Олонецкой, С.-Петербургскую, Псковскую (в особенности западную часть) и нечерноземные * уезды * Черниговской и Орловской, то это даст свыше 8 000 000. Присоединив {губернии} Могилевскую, Московскую, Рязанскую и Войска Донского, получим в 11 губерниях недоимки в 10 339 200 руб., так что на остальные 27 губерний приходится почти только $\frac{1}{4}$ общей суммы. Таким образом, главная недоимочная полоса {обнимает те именно губернии}, в которых не единица земли, а *побочный* заработок является источником денег для крестьян. Вдобавок {дурное} качество уступленной им земли. Уже в официальном отчете по Главному комитету за 1861—1870 гг. были указаны Псковская и Пензенская губернии, где неисправность крестьян во взносе платежей объясняется дурным качеством предоставленных им {на выкуп} земель. Как в прессе, так и в сельскохозяйственных обществах и докладах правительственных комиссий слышно единогласное утверждение, что положение крестьян ныне не только не лучше, {чем было прежде}, но значительно хуже, и чем далее, тем более оно ухудшается (стр. 64). Разногласие существует только относительно *причин* этого ухудшения.

{По мнению автора} необходимы: 1) понижение выкупных платежей, 2) изменение {самого принципа} выкупной *системы*, 3) восстановление *узурпированных* ² поземельных (*общинных*) прав крестьян.

18 || В Царстве Польском крестьянин выплачивает в 20 лет самый капитал, каждый год равными частями, по 5% долга в год, без платежа процентов {на ссужаемый капитал}. В России || в течение 49 лет {крестьянин платит} 6% *амортизации и проценты, так что там, где поляк платит 100 рублей, русский должен платить 294 рубля.*

¹ И. Вильсон. Выкупные за земли платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих (1862—1876). Записки императорского Русского Географического общества. СПб, 1878, т. V, стр. 266.

² У Попельницкого: нарушенных.

Автор требует для России обращения выкупного долга крестьян в долг государственный и замены выкупных платежей поземельным или подоходным налогом (стр. 65).

Настоящее положение дел является причиной того, что *вместо свободного крестьянина {мы имеем} только неоплатного должника*¹.

Пример. Граф Михаил Сергеевич Ланской узнал, что крестьян предположено по закону оставить на той самой земле, на которой застанет их введение Положения, и сделал распоряжение переселить своих крестьян из Одаевщины, Ардатовского уезда*, Симбирской губернии на другой берег реки, где имелась одна лишь *никуда негодная* песчаная и глинистая земля. Там они и остались *с кануна февраля 1861 г.* и жили подаяннем. Другим деревням также были даны жалкие наделы*. В 1866 г. министру финансов была подана анонимная записка о положении этих крестьян с объяснением накопившихся недоимок. Доклад министерству внутренних дел. Ведомственная переписка. Предложение симбирского губернатора (*явно под влиянием Ланского*) перевести крестьян на пустопорожные казенные земли. Между тем договор о выкупе заключен с крестьянами уже в 1862 году. Причем Ланскому на заседании губернского присутствия разрешено было, так как его земля не соответствует по качеству и количеству средней норме в уезде*, положенной в основу исчисления размеров надела* для той местности, перевести крестьян в другой уезд* (Симбирский). Здесь крестьянам было отведено по 4 десятины на душу якобы хорошей земли — всего 1 264 десятины, а в качестве выкупной ссуды начислено 37 920 рублей — ⁴/₅ капитализированного прежнего оброка. *Но земля была отвратительной.* Лишь два прилегающих друг к другу участка, в 95 и 79 десятин, были пригодны под пашню; остальная земля — песок или глина и большей частью кустарник, 104 десятины болота, лес тоже — только один кустарник. К тому же на деле оказалось менее 1 163 десятин! Луга большей частью good for nothing {никуда не годны} — там не было и травинки. Пахотная земля не вознаграждает за затраченный труд и большей частью уже *снова* брошена крестьянами (стр. 66—69).

Поэтому министерство финансов пришло к следующим выводам: 1) что граф Ланской воспользовался выкупной ссудой за 101 десятину 41 сажень*, хотя на бумаге и переданных крестьянам деревни Трепаловки, но в действительности {во владении их} не оказавшимися; 2) что кроме того вообще он взял за деревню

¹ У Попельницкого: «Существующие аномалии родят целый ряд других аномалий, в конце концов создающих из свободного крестьянина неоплатного должника».

Трепаловку слишком большую выкупную ссуду, ибо (прежний) оброк подлежал бы понижению, а {следовательно} должен бы капитализироваться лишь в пониженном размере (на основании местного Положения), чего не произошло; 3) что положение крестьян деревни Трепаловки требует немедленных, очень решительных мер помощи (*что это практически означает, не сказано*).

Крестьяне деревень Редкодубья и Суподеевки также обратились в министерство внутренних дел {с прошением} о переоценке их надела* и об отсрочке им недоимок*. Произведенное исследование положения крестьян графа Ланского раскрыло следующее.

Одаевщина. Правый берег реки Алатыря, с которого жители были переселены *незадолго* перед изданием {Положения} от 19 февраля 1861 г., состоит из великолепного глинистого чернозема, производящего пшеницу. Левый же берег, где находятся деревни Редкодубье, Полгуши, Трепаловка и Суподеевка, состоит из песчаной боровой земли, переходящей во многих местах в чистый песок. По берегу {реки Алатыря} идут сначала хорошие заливные луга, но местами болотистые и с зарослями кустарника. За лугами берег несколько поднимается. На правом подъеме расположены деревни Редкодубье и Суподеевка рядом с сосновым бором, оставленным в распоряжении владельца и теперь почти истребленным. Далее песчаные возвышенности, {на которых расположены деревни} Полгуши и Трепаловка.

Пахотные земли крестьян Редкодубья *относительно* лучше, чем земли остальных деревень графа Ланского, но по сравнению с землями других соседних селений они должны быть признаны плохими, так как не выносят засуху и требуют большого удобрения. {Часть} лугов также лучше, чем в других деревнях Ланского. Главное неудобство редкодубского надела заключается в том, что луга *как раз* против селения предоставлены владельцу, почти по самое селение, так что выгон и водопой {крестьянского} скота очень стеснены и затруднены. Наемных цен на земли левого берега реки Алатыря не существует вовсе, так как земель этих никто не снимает. Но тягловые* наделы* продаются крестьянами*, отправляющимися* в* долгие* заработки* (*те, которые из-за долгого пребывания на заработках отрываются от своих наделов и могут ими распоряжаться*) за 7 рублей. Выкупные платежи деревни {Редкодубье} за 1869 г. составляли 2 409 руб. 59 коп., а 15 мая 1870 г. недоимки {по выкупным платежам} составляли 2 056 руб. 58 коп., а по всем остальным сборам 371 руб. 63 коп. *Лежащие на крестьянах повинности далеко не обеспечены земельным наделом.*

Поступление сборов с крестьян зависит главным образом от удачи заработков, {которые состоят} в найме земель на правом берегу Алатыря под посев хлебов, в работах на мельнице, в сплаве барок по Суре и Волге и в сельских работах за Волгой и в Самарской губернии.

Полгуши. Наделы* по качеству намного хуже, чем земли {крестьян} Редкодубья; почва песчаная, большей частью не пригодна под пашню. Не пашется 700 десятин, почти половина земли. Большая часть земли, по показанию крестьян, дает два урожая после расчистки и после истощается так, что на ней не растет даже трава. Удобрение невозможно из-за недостатка скота. *Скот продан на покрытие недоимок**.

19 || Тягловые* наделы* продаются по 4 рубля, а душевые* по 2 рубля. Луга, составляющие главную доходную статью, не приурочены к наделу* крестьян. Корм для скота и пастбище можно обеспечить только в округе соседних деревень, и притом на значительном расстоянии. Главный промысел — лесной*, но с каждым годом он затрудняется вследствие вырубki лесов. Отхожие промыслы те же, что и в Редкодубье. Крестьяне деревни Полгуши обратились с просьбой в губернское присутствие о рассрочке им выкупных платежей на 100 лет, т. е. уменьшить ежегодную плату наполовину. Оклад выкупных платежей 7 руб. 20 коп. с души, общий же оклад всех сборов составляет 11 руб. 64 коп. Недоимок по выкупным платежам к 15 мая 1870 г. {числилось} 9 849 руб. 34 коп. — 25 руб. 64 коп. на душу, а по другим сборам 485 руб. 29 коп.

Трепаловка — деревня, куда были переселены крестьяне из Одаевщины. Не видно никакой жизни, никакого движения, даже нет накатанной* улицы*, нет правильно устроенных гумен и овинов, нет конопляников, а есть всего несколько небольших огородов. Сельский староста, обладающий лошадю, коровой, телкой и двумя свиньями, считается одним из зажиточных мужиков. Земля имеет много общего с землей Полгуш, только еще хуже; неудобных и нераспаханных мест еще больше, в деревне и около нее много болотистых котловин, ни для чего не пригодных. Сколько земли из надела* заброшено, крестьяне не могли объяснить даже приблизительно, потому что у них собственно пахотной земли почти вовсе нет; всякий пашет, сколько может и где может, потому что земля очень скоро истощается и далеко не у всякого рабочего есть лошадь. Удобрения *также* не существует вследствие *чрезвычайно* малого количества скота. Из лугов трепаловским крестьянам досталась худшая часть, больше болот и кустарных зарослей. Под луга их земля вообще непригодна. Тягловый* надел* продается между крестьянами по 3 рубля. *К местным промыслам крестьян принадлежит, по общему*

отзыву, нищенство, которым занимаются осенью и зимой, особенно женщины и дети. Отхожие промыслы те же.

В Трепаловке проведен помещиками обязательный выкуп, но и это почти не уменьшило платежей крестьян, в особенности по сравнению с {размером} существовавшего оброка, который был ниже высшего, причитавшегося по Положению 19 февраля 1861 г. В настоящее время¹ трепаловские крестьяне обязаны платить 7 руб. 20 коп. {с души}, точно так же, как и крестьяне Редкодубья, тогда как перед выкупом они платили 7 руб. 32 коп., а крестьяне Редкодубья 9 рублей. Общая годовая сумма выкупных платежей составила в Трепаловке в 1869 г. 2 268 рублей; недоимки по выкупным платежам ко второй половине 1870 г. — *уже* 15 486 рублей, {что составляет} 49 рублей на душу. Они также никогда не могут быть собраны, *так как ежегодный недобор равняется полной сумме годичных выкупных платежей!* Не поможет делу ни рассрочка, ни продление срока.

¹ К 1881 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА
БЕЗЪ
АДРЕСА.

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ЦЮРИХЪ. •
Издание журнала „Впередь!“
1874

Титульный лист книги Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса»

Получив случайно произведение нашего талантливого публициста и мученика за его любовь к народу, мы поторопились немедленно напечатать этот труд и придать ему возможно широкое распространение как в нашем журнале, так и отдельно. Поэтому статья Н. Г. Чернышевского появляется одновременно как брошюрою, так и в тексте нашего журнала. Она, очевидно, принадлежит к 1862 г. и относится к самым замечательным трудам нашего публициста по вопросу, который и теперь современен. Печатаемые здесь пять писем составляли первую статью труда, который должен был быть довольно обширен. Цензура не пропустила этой статьи. Нынешняя бесцензурная пресса Российской империи точно так же не решилась бы ее поместить. Не имея возможности напечатать начало своего труда, Николай Гаврилович не продолжал его. Мы печатаем на страницах «Вперед!» статью в том виде, в каком она сохранилась.

Редакция журнала «Вперед!»

Цюрих 16/4 декабря 1873 г.

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

I

5 февраля 1862 С.-Петербург.

Милостивый государь!

Вы не довольны нами. Это пусть будет, как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы, и не от вас мы, должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для них судья вне вашего круга, очень малочисленного, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнее вашего, но все-таки составляет лишь ничтожную частичку в десятках миллионов людей, благу которых мы и вы хотели бы содействовать. Если бы этот судья мог произносить с сознанием дела оценку вашим и нашим работам, всякие объяснения между вами и нами были бы излишни.

К сожалению, этого нет. Вас он знает по имени, но будучи совершенно чужд вашего круга понятий и вашей обстановки, решительно не знает ни ваших мыслей, ни причин, руководящих вашими действиями; а нас он не знает даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положение дел фальшиво. Работать для людей, которые не понимают тех, кто работает для них, — это очень неудобно для работающих и невыгодно для успеха работы. Думаешь, что какое-нибудь дело принесет пользу, а видишь, что оно остается неисполненным по недостатку сочувствия в людях, для которых предпринято. Вы испытывали это при каждом хорошем вашем деле. То же очень часто испытывали и мы. Это печалит и под конец сердит. Становишься мнителен и раздражителен. Не имеешь духа объяснить свою неудачу настоящею ее причиною — недостатком общности в понятиях между собою и людьми, для которых работаешь; — признать эту причину было бы слишком тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успех всего того образа действий, которому

следуешь; — не хочешь признать эту настоящую причину, и стараешься найти для неуспеха мелочные объяснения в маловажных, случайных обстоятельствах. Таким образом, вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, еслиб эти некоторые из нас, или вы, были правы в таком объяснении своих неудач! Тогда задача бы разрешилась очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела. Но грустно то, что никакие наши действия против вас, или ваши против нас, не могут привести ни к чему полезному. Апатичен остается народ; какой же результат могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты, о его пользах, хотя бы вы, или мы, и остались на поле действия одни?

Вы говорите народу: ты должен идти вот так; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все дремлют; а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уже раздаются призывы к народу, чтобы он жил так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывы, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков¹, — народ пошел, выручил, и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло бы быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии, не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, — он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Таковую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних.

Виповаты ли в этом недоверии народа вы или мы, нынешние люди? Нынешнее расположение народных мыслей устроилось долгим ходом событий, бывших раньше вас и нас. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для вас и для нас. Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь действительно полезное для него. Мы все, отделяющие себя от народа

¹ Как отчеркивания на полях, так и подчеркивания отдельных слов и выражений представляют собой воспроизведение сделанных рукой Маркса выделений в экземпляре принадлежавших ему «Писем без адреса».

какими-нибудь именами, — именем ли власти, именем ли того или другого привилегированного сословия, — мы все, предполагающие у себя какие-нибудь особенные интересы, различные от предметов народного желания, — интересы ли дипломатического и военного могущества, или интересы распоряжения внутренними делами, или интересы личного нашего богатства, или интересы просвещения — мы все смутно чувствуем, какая развязка вытекает из этого расположения народных мыслей. Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее; ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять, как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек; он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково; он не пощадит ни нашей науки, ни нашей поэзии, ни наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.

Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы почетнее для самого народа, и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все, — и нашу любовь к свободе, и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства, обращаюсь к вам, м. г., с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас.

Делая это, я понимаю, что делаю.

Я изменяю народу.

Изменяю потому, что, руководясь личными опасениями за вещь, более драгоценную для меня, нежели для народа, за просвещение, — я уже не думаю о том, полезна ли для народа забота о разрешении запутанностей положения русской нации вашими и нашими усилиями, а напротив, не выиграл ли бы народ через независимое от нас занятие национальными делами больше, чем от продолжения наших хлопот о нем. В этом случае, для своей выгоды, я подавляю в себе убеждение, что ничьи посторонние заботы не приносят лю-

дям такой пользы, как самостоятельное действие по своим делам. Да, я изменяю своему убеждению и своему народу. Это низко. Но мы принуждены были делать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для нас не значит.

А я предчувствую, что она будет совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цель, для которой изменяю я народу. Никто не в силах изменить хода событий: одни хотели бы, но не имеют средств; у других есть средства, но не может быть желания.

Из-за чего же я становлюсь изменником народу, когда сам знаю, что не помогу ни вам, ни себе? Не лучше ли продолжать молчание? Да, было бы лучше; но презренная писательская привычка надеяться на силу слова отуманивает меня. Я не в состоянии держаться на точке зрения житейского благоразумия, с которой очень ясно вижу, что всякие объяснения напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбивает с толку обыкновенная наша писательская мысль: «ах, если бы можно было объяснить дело! оно уладилось бы!» Поэтому я и молчал более двух лет оттого, что не имел возможности бить воздух словами, и, как видите, возобновляю этот пустой труд с первой же минуты, как мне показалось, что можно мне возобновить его.

Почему мне так показалось? В какой журнал, в какую газету я ни загляну, везде я нахожу признаки того, что как будто бы почувствовалась надобность в наших объяснениях. Очень вероятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастие добиваться хороших результатов посредством объяснений так сильно в писателях, что я увлекаюсь им.

Это увлечение неизвинительно после стольких опытов. Но я усиливаюсь прикрыть в собственных глазах жалкую забавность его, твердя себе о фактах, которые действительно таковы, что вы, м. г., действительно могли бы желать объяснения. Вот некоторые из них: бывшие помещицы крестьяне, называемые ныне срочно-обязанными, не принимают уставных грамот; предписанное продолжение обязательного труда оказалось невозможным; предписанные добровольные соглашения между землевладельцами и живущими на их землях, срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены в безысходное положение этой неисполнимостью предположенного решения, помещики ропщут и предъявляют требования, о которых не отваживались говорить не больше, как год тому назад; в государстве появилось и усиливается общее безденежье; курс падает, что равнозначительно возвышению ценности звонкой монеты сравнительно с бумажными

деньгами, или, что то же, падению ценности бумажного рубля. Одних этих фактов внутренней жизни русского народа уже достаточно, и я не имею надобности касаться ни многих других значительных фактов ее, ни других менее верных явлений, принадлежащих отношениям русского народа к жизни других народов, входящих ныне в состав одного с ним целого.

Примите, м. г., уверение в искренности чувств, склонивших вступить в это объяснение вашего покорнейшего слугу, каким имею честь, и пр.

II

6 февраля.

Источником тех затруднений во внутренней жизни русского народа, о которых я упомянул в конце первого письма, считается многими не только в вашем, м. г., но и в нашем кругу, так называемый крестьянский вопрос. Я не имею нужды доказывать вам, м. г., что вы не ошиблись, обратив на него первое ваше внимание. Но смею заключать из некоторых ваших слов, что не излишним будет разъяснить вам, почему он приобрел такую важность в ваших глазах. Часто человек не замечает отношения внешних побуждений к его собственным действиям, а при этой неизвестности он может ошибаться и относительно характера своих действий: может казаться ему возникшим из его воли такой факт его жизни, который произведен не зависевшими от него внешними обстоятельствами.

Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны. В народе ходил слух, что император французов требовал уничтожения крепостного права и согласился подписать мир лишь тогда, когда внесена была в договор тайная статья, постановлявшая, что крепостным крестьянам дается воля. Не знаю, м. г., известна ли вам эта молва, принимавшаяся за истину всем нашим народом; но если она достигала вас, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь странного мнения. Напрасно было бы, однакоже, приписывать его только невежеству и легковерию простолюдинов; от этих качеств произошло только то, что инстинктивное предчувствие неизбежной связи событий вылилось у народа в грубую форму, нелепость которой очевидна не только для вас, м. г., но и для каждого, имеющего понятие о международных отношениях. А предчувствие, выразившееся в столь смешном для нас виде, было

верно; оно говорило народу, что Крымская война сделала необходимою освобождение крестьян. Связь этих двух фактов такова: военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны. Я не имею надобности перечислять вам, м. г., те силы, которые могуществом своим должны были, повидимому, обеспечить торжество русского оружия: вам, лучше нежели мне, известна громадность средств, которыми располагала тогда Россия. Многочисленность наших войск была безмерна; храбрость их несомненна. При тогдашнем непоколебимом и, смею сказать, беспечном до слепоты доверии к нашей денежной системе и к нашим кредитным учреждениям и при нашем порядке установления налогов, не могло, повидимому, быть недостатка в денежных средствах. Потому русское общество нимало не превосходило мер возможного, когда ожидало в начале войны, что мы возьмем Константинополь и разрушим Турецкую империю. Когда война получила совершенно иной ход, этого разочарования нельзя было приписать ничему, кроме непригодности механизма, располагавшего нашими силами. Открылась надобность изменить неудовлетворительное устройство. Самою заметною чертою его считалось тогда крепостное право. Конечно, оно было только одним частным приложением принципов, на которых был устроен весь прежний порядок; но внутренней связи этого частного факта с общими принципами большинство нашего общества тогда еще не понимало. Потому общие принципы прежнего порядка были оставлены в покое и вся реформационная сила общества обратилась против самого осязательного из его внешних применений.

Надобно заметить вам, м. г., что это настроение общественного мнения страдало самою неудачною непоследовательностью. Крепостное право, конечно, заключало в себе возможность многих злоупотреблений, и вам очень хорошо известны случаи жестокости или алчности, или цинического насилия, проистекавшие из крепостного права. Но при всей их многочисленности надобно согласиться со словами бывших адвокатов крепостного права, что все эти вопиющие нарушения закона были исключением из общего правила и что огромное большинство помещиков составляли люди вовсе не злые и не преступавшие прав, какие давались им над крестьянами законом или утвердившимся под влиянием закона обычаем. Тяжела была для крепостных крестьян и вредна для государства законная сущность крепостного права. Но она была сообразна всему порядку нашего устройства; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее. А между тем общество предполагало отменить крепостное право силою старого порядка.

Эта ошибка, столь заметная ныне для всех, показывает, что причина, заставившая общество приняться за опыт отмены крепостного права, была недостаточно сильна для возбуждения в обществе совершенно отчетливых понятий об основаниях прежней его жизни. Да и действительно, вы лучше меня знаете, м. г., что Крымская война, при всех своих неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого. Неприятель едва коснулся наших границ на двух окраинах, далеких от коренных русских обитателей; можно сказать, что чувствительно было его прикосновение даже только к одной окраине, Черноморской, так как стоянка союзного флота под Петербургом, бомбардирование Свеаборга и мелкие высадки на финляндском берегу не могли считаться серьезными нападениями и доставляли нам больше поводов к насмешкам, нежели к основательным беспокойствам. Но что же такое Крым, Таганрог и Керчь для жителей Великой России? Это отдаленные колонии, о которых коренной русский никогда много не думал. Притом же, благодаря характеру местности, своему незнанию, отчасти быть может и по расчету императора французов, неприятель и в этой окраине не проникал далее нескольких верст от берега. Самые его победы над нами не были окончательными разгромами военных сил, организованных старым порядком. Армии наши отступали, но не бежали; ослабевали, но не уничтожались, и все еще сохраняли твердость и могущество, внушавшие уважение неприятелю. Не могло исчезнуть и в нас уважение к старому порядку: оно также только поколебалось, но не пало.

Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно. Англо-французы (как мы тогда называли союзников) прорвали небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться; и вот мы видим теперь, м. г., что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое, — штопать оно не хочет. Говоря проще, наше общество, занявшись отменением крепостного права, принялось за дело очень серьезное. Принялось оно за него с легкомысленною и беспечною недалковидностью, думая, что отделаться от этой задачи можно столь же незначительными переделками прежних внутренних трактатов, сколь ничтожны были переделки прежних дипломатических трактатов, оказавшиеся достаточными для заключения Парижского мира. Но внутреннее дело вышло не таково, как внешнее. Над ним поневоле стало учиться наше общество серьезности. Пришлось обществу много думать, и

вы видите теперь, м. г., как широко развивается труд пересоздания, которому, первоначально, поставлялись такие узкие границы.

И странное дело, м. г., как бывает иногда верен инстинктивный, почти бессмысленный шопот людей, которые громко и сознательно говорят совершенно иное. Вы можете припомнить теперь, что, при самом же начале крестьянского дела, поднялась темная молва, предсказавшая то самое движение дворянства, которое обнаруживается теперь.

Молва об этом движении, возникшая при самом же начале крестьянского дела, казалась пустою и смешною людям, судившим о будущих событиях не на основании самого характера затронутых этим делом общественных отношений, а только по прежним действиям дворянства, при прежних отношениях, теперь изменившихся. Они видели, что дворянство всегда являлось робким в делах с существующею властью, искало себе выгод только от угождения ей, и потому ожидали, что оно не выкажет энергии и по вопросам, возникшим из уничтожения крепостного права. Они видели, что дворянство очень пристрастно к своим привилегиям, и потому не ожидали, чтобы оно могло предъявить гражданские требования. Почти все просвещенные люди считали его бессильным для гражданской деятельности. Но они забывали принимать в расчет логическую силу событий, которая дает смелость боязливым, политический ум людям, не думавшим прежде ни о чем, кроме мелких личных расчетов. Осмеливаюсь думать, судя по некоторым вашим словам, что и вы, м. г., разделяли это заблуждение. Этого нельзя ставить в порицание вам, потому что ошибались вместе с вами почти все наши передовые люди. Но тем не менее ошибка раскрывается теперь фактами, и, научаемые опытом, все теперь могут видеть, что с самого начала надобно было ожидать исполнения той молвы, которая показалась им пустою болтовнею раздраженных крепостников.

В самом деле, каково было положение фактов при начале крестьянского дела? Существовали четыре главные элемента в этом деле: власть, имевшая дотоле бюрократический характер; просвещенные люди всех сословий, находившие нужным уничтожение крепостного права; помещики, желавшие отсрочить это дело из опасения за свои денежные интересы, и, наконец, крепостные, тяготившиеся этим правом. В стороне от этих четырех элементов находилась вся остальная половина населения — государственные крестьяне, мещане, купцы, духовенство и то большинство беспоместных чиновников, которое не получало больших выгод от бюрократического порядка. Из всех этих сословий, как и из самих помещиков, некоторые люди, — наиболее просвещенные, — составляли

•

одну партию, которую выше назвали мы «партией просвещенных людей» и которая стала в последние годы называться у нас либеральной партией. Но здесь мы говорим не об отдельных лицах, более или менее возвысившихся над своими сословными понятиями, более или менее думавших об общественных делах; мы говорим здесь о той массе всех сословий, кроме крепостного и дворянского, которая знала только свои сословные и личные расчеты. О ней мы говорим, что она стояла в стороне от крепостного вопроса, когда он начинал разыгрываться. Не имея расчета поддерживать крепостное право, она готова была по естественному человеческому чувству симпатизировать его уничтожению; но, по своей неопытности в общественных делах, еще не замечала, что собственными своими интересами она будет принуждена принять участие в нем. Это едва начинает обнаруживаться для нее только теперь, и, с вашего позволения, м. г., я коснусь впоследствии, как неизбежности участия этой массы остальных сословий в крестьянском деле, так и влияния, какое окажет она на ход событий своим неизбежным вмешательством. А теперь, сделав эту оговорку о первоначальном безучастии других общественных элементов, мы займемся рассмотрением первоначальных отношений между четырьмя элементами, принимавшими в нем участие с самого начала.

III

13 февраля.

На шесть дней был я оторван мелкими хлопотами своего журнального ремесла от беседы с вами, м. г., о деле, которое, однакоже, для меня гораздо важнее всех личных моих дел, не только мелких, но и важных. Вот как идет наша жизнь, — некогда бывает по целым неделям, месяцам, удосужиться ни на четверть часа для мыслей о предмете, который сам ставишь выше всего. Упоминаю об этих недосугах не для того только, чтобы выставить их своим извинением перед вами, м. г., в недостатках моего изложения: те же самые недосуги ставлю я оправданием и для вас, м. г., в том, что вы, как заметно по многим вашим выражениям, не углублялись достаточно в предмет, нас занимающий. В самом деле, м. г., несмотря на всю разницу вашего положения от моего, в отношении к недосугам разницы между нами мало, да и у всех людей жизнь в этом отношении идет почти так же. Вы имеете очень большие доходы, я — довольно умеренные, другой — очень малые; вы живете очень богато, я — так себе, другой и вовсе бедно; вас повсюду встречают с большим почетом, меня — так себе, другого и вовсе с пренебрежением.

А недосугов почти у всех людей одинаковое количество. И у вас, и у меня, и у всякого другого пропасть времени уходит на пустые разговоры, которых ни избежать нельзя, ни вести не стоит; на семейные дела, не имеющие никакой связи с общественными; на развлечения, от которых нельзя отказаться, хотя и ни к чему они не нужны: один из нас таскается по театрам, другой сидит за вистом, третий читает легкие книги, четвертый трется в светском обществе, — словом, каждый по-своему, а все-таки каждый как-нибудь убивает время попусту. И за всеми этими мелочами, неважными, но необходимыми, мало остается времени на серьезные занятия. А в серьезных занятиях опять-таки у каждого дня своя забота, мимолетняя, ни к чему прочному не ведущая, а все-таки безотлагательная. Так и летит время, и когда увидишь надобность взяться за дело, действительно важное, не имеешь досуга ни приготовить к нему, ни сообразить его, и начинаешь почти что на авось, и ведешь его на авось, и сам не заметишь, как оно от этого веденья на авось выходит вовсе не тем, чем ждал его видеть. С полною готовностью применять к вам все извинения, вытекающие из этого обыкновенного хода нашей жизни, прошу и вас, м. г., столь же снисходительно, по той же причине, посмотреть на недостатки моей корреспонденции.

Поверьте, я ценю всю важность принятой мною на себя обязанности разъяснить вам положение наших дел, и сам первый жалею о том, что могу беседовать с вами лишь урывками, спеша, кое-как; но что же делать, когда и у меня, и у вас слишком мало времени для основательных занятий.

Прежнее письмо к вам я кончил тем, что из характера и взаимных отношений четырех общественных элементов, с самого начала участвовавших в крепостном вопросе, надобно было предвидеть, к чему пойдет это дело. Мы видели, что тут было четыре элемента: власть, просвещенные люди, или либеральная партия, дворянство и крепостные крестьяне. Подумаем о роли каждого из них при первоначальном постановлении крепостного вопроса.

Крепостное право было создано и распространяемо властью; всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у нас не само собою и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегии. Почему же власть принималась за отмену той из установленных ею самой привилегий, которою наиболее дорожило дворянство? Ответ уже дан во втором моем письме. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войне, доставила силу так называемой либеральной партии, требовавшей уничтожения крепостного права. Таким образом, власть принимала на себя исполнение чужой программы,

основанной на принципах, не согласных с характером самой власти.

Из этого разноречия сущности предпринимаемого дела с качествами элемента, бравшегося за его исполнение, должно было произойти то, что дело будет исполнено неудовлетворительно: источником неизбежной неудовлетворительности был привычный, произвольный способ ведения дела. Власть не замечала того, что берется за дело не ею придуманное, и хотела остаться полною хозяйкою его ведения. А при таком способе ведения дела оно должно было совершаться под влиянием двух основных привычек власти: первая привычка состояла в бюрократическом характере действий, вторая — в пристрастии к дворянству.

Дело начато было с желанием требовать как можно менее пожертвований от дворянства. А бюрократия по самой сущности своей всего более занимается формалистикой. Потому и результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами, с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений. Этим думали удовлетворить помещиков.

Но тотчас оказалось, что решение сделано было неудобноисполнимое. Предполагалось сохранить сущность крепостного права, отменив его формы. Но без форм нельзя сохранить и сущности. И что же вышло? Помещики увидели себя не в состоянии пользоваться выгодами, которые были оставлены за ними; выгоды эти исчезали без всякого вознаграждения для них, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самом деле исчезли.

А между тем дворянство видело, что власть старалась сделать для него все, что могла. Из этого, естественно, следовал вывод: итак, власть не в состоянии ничего сделать для сохранения собственности помещиков или для их вознаграждения. А из этого вывода еще легче следовал другой: итак, помещики должны сами позаботиться о сохранении той части собственности, которая может остаться за ними, и о получении вознаграждения за ту часть, которую теряют. А из этого вывода неизбежно следовал третий: но до сих пор помещики держались не собственной силою, а постороннею опорой; теперь, когда прежняя опора оказывается слишком слаба, надобно им отыскать для себя новые опоры. Выбор тут был незатруднителен.

Мы видели, что при начале крепостного вопроса масса других сословий, до которых не касался он прямо, оставалась равнодушна к нему. Но нельзя ей было сохранить равнодушие, когда она увидела развязку, приготовленную бюрократическим решением дела. Крепостные крестьяне не поверили, чтобы обещанная им воля была ограничена теми формальными переменами, какими ограничило ее

бюрократическое решение. Из этого повсюду произошли столкновения между крепостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое решение. Произошли сцены, которых нельзя было видеть хладнокровно. Массою других сословий овладело сострадание к крепостным крестьянам. А между тем крепостные крестьяне, несмотря на все внушения и меры усмирения, остались в уверенности, что надобно ждать им другой, настоящей воли. От этого их расположения должны будут произойти новые столкновения, если надежда их не исполнится. Таким образом страна подвергалась смутам и опасается новых смут. А смутное время бывает тяжело для всех. Из этого стала развиваться в массе других сословий мысль, что нужно изменить решение крестьянского вопроса для отклонения смут. Раз будучи принуждены обстоятельством думать об общественных делах, все сословия естественно перешли от частного вопроса, давшего их мыслям такое направление, к общему положению вещей и, разумеется, не затруднились сообразить, согласно ли оно с их собственными выгодами. Тотчас же заметили они, что находятся в настоящем порядке черты, одинаково невыгодные для всех сословий, и соединились в желании изменить эти черты.

Вам известно, м. г., каких общих перемен стали желать все сословия, которых прямо не касался частный вопрос о крепостном праве. Все они чувствовали обременение от произвольной администрации, от неудовлетворительности судебного устройства и от многосложной формалистичности законов. Дворянство точно так же страдало от этих недостатков, как и другие сословия. Таким образом, сам собою открывался ему способ найти нужную для него опору. Оно сделалось представителем стремления к реформам, нужным для всех сословий.

Вст в каком положении находятся ныне дела. После сделанных мною объяснений, могу ли я надеяться, м. г., что вы избежите двух заблуждений, последствия которых были бы прискорбны.

Во-первых, м. г., вы не припишите каким-либо частным или сословным побуждениям дворянства тех желаний общей реформы, представителем которых оно теперь выступает. Эти желания не имеют ничего общего с раздражением некоторой части дворянства на власть за уничтожение крепостного права. С его уничтожением огромное большинство дворянства уже совершенно примирилось, как с фактом безвозвратным. Если остаются в дворянстве особенные сословные желания по этому делу, не принадлежащие и всем другим сословиям, то эти желания относятся только к размеру выкупа. Тут возможен спор, и еще неизвестно, какой размер выкупа будет одобрен или допущен другими сословиями. Но совершенно иной характер имеют желания дворянства относительно предметов,

выходящих за пределы этого частного вопроса. В мыслях о реформе общего законодательства, об основании администрации и суда на новых началах, о свободе слова — дворянство только является представителем всех других сословий, и представителем их выступило оно даже не потому, чтобы в нем сильнее были эти желания, чем в других сословиях, а единственно потому, что оно имеет при нынешнем порядке организацию, дающую возможность выражать желания. Если бы другие сословия имели законные органы для выражения своих мыслей, они высказались бы по этим предметам в том же самом смысле, как и дворянство, только с большею решимостью, потому что всякое другое сословие еще более дворянства чувствует обременительность тех общих недостатков нынешнего устройства, об устранении которых говорит дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, мещан или крестьян, или даже массу чиновников (за исключением немногих чиновников, которым нынешний порядок выгоден), вы услышите от каждого из этих сословий те же самые мысли о законодательстве, администрации и суде.

Если бы вы пожелали убедиться в этом, вы отстранили бы от себя всякую возможность другого важного заблуждения. Вы совершенно освободились бы от мысли, что можно принимать какие-нибудь меры против общего стремления, начинающего обнаруживаться. Его проявления еще кажутся слабыми, но ведь это потому только, что они еще первые. Присмотревшись к делу, вы заметите, что сила их очень быстро растет; очень жаль, что, при отдаленности вашей от маленьких людей, вы лишены удобств лично делать эти наблюдения. А мы, — наблюдающие вблизи жизнь всех слоев общества, кроме вашего круга, — мы видим очень быстрое распространение мыслей, о которых я имею честь беседовать с вами, и замечаем, что общество уже недалеко от решительного или единодушного заявления их.

Этим кончаю я, м. г., общий очерк настоящего положения дел. Для многих он был бы уже совершенно достаточен. Но я никак не смел надеяться, что он покажется вам достаточно полон для вас, мало занимавшегося рассмотрением дел с той точки зрения, которая одна только разъясняет их. Для вас этот краткий очерк может иметь только значение предисловия, перечисляющего предметы, о которых далее будет говорить подробнее, показывающего надобность заняться ими и обещающего, что автор постарается разъяснить их вам.

Мы видели, что главным пунктом, около которого стало группироваться все остальное, было дело об уничтожении крепостного права. Я займусь им в следующем письме.

IV

13 февраля.

Каким неровным током идет наша жизнь, м. г.! Шесть дней не мог я улучшить минуту для беседы с вами, а ныне вот в один день отправляю уже второе письмо. Так и во всем важном, как в этом мелочном случае. Иной раз тянутся долгие годы, и незаметно никаких перемен в существующих отношениях. А то приходит такое время, что беспрестанно совершаются новости, и вся обстановка жизни быстро переделывается. Возьмите, например, прошлый год. Смуты в Варшаве, смуты внутри России, загадочное появление программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми, небывалое движение молодежи в самом Петербурге, страшная развязка этого движения, слухи о предполагаемых требованиях дворянства, приготовления его к занятию общественными вопросами, — вот сколько в один год новостей, из которых каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направлению. Едва ли кому был приятен какой-нибудь из этих сюрпризов; но они все-таки случались, производимые натянутостью отношений. Не следует ли позаботиться о том, чтобы избавиться от их повторения? А избавиться от него можно только прекращением натянутости отношений; а чтобы прекратить ее, надобно разобрать, отчего отношения сделались натянуты. Мы начнем разборку самого главного и самого натянутого отношения, то есть вопроса об освобождении крепостных крестьян.

Я не знаю, м. г., имеете ли вы точное понятие о свойствах вещи, называемой бюрократическим порядком. Но если вы позволите, я объясню вам натуру этой вещи одним примером.

Целый угол моей комнаты завален многотомным изданием *«Материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости»*. Конечно, только очень немногие люди прочитали весь этот сборник журналов и протоколов, постановлений и докладов, справок и соображений; к огромному же числу людей, принимавшихся за это чтение и покинувших его, принадлежу и я. Не знаю, по каким причинам покидали чтение этих материалов другие, но про себя могу сказать, что я был остановлен не многотомностью издания и не сухостью бесчисленных подробностей, — по такому важному делу можно бы жадно прочесть не десятки, а сотни томов, — меня остановило совершенно другое обстоятельство, отпечатанное на первых же страницах I-го тома, так что я не дочитал бы *«Материалов»*, если бы они составляли всего одну тоненькую брошюрку, страничек во сто. Вот это обстоятельство, сделавшее для меня ненужным тратить время на чтение *«Материалов»*: Редакционная комиссия открыта была 4-го марта 1859 г.;

это первое заседание было только подготовительным, и журнал его занимает с небольшим одну страницу; для действительного начала своих занятий Редакционные комиссии собрались на другой день, 5 марта, и вот что мы читаем в самом же начале журнала этого второго заседания:

«Председатель предложил на обсуждение Комиссий извлеченные из печатных и литографированных его мнений некоторые основные мысли, которые, по его убеждению, не бесполезно было бы принять к соображению, а именно...»

Предложение председателя состояло из 9 пунктов; переписывать здесь все их было бы излишне, потому что некоторые имели только формальную важность, другие относились к предметам, которые уже были поставлены вне круга вопросов, предоставленных рассмотрению Комиссий. Обращаю внимание только на следующие пункты, относившиеся к вопросам, в которых мнение Комиссий не было, повидимому, связано ничем. Вот они:

«2) Одновременно с личным освобождением крестьян, необходимо дать им возможность *приобретать в собственность от помещиков, по добровольному с ними соглашению, достаточное количество земли для упрочения своей оседлости и обеспечения своего быта.*

«4) Обязательные барщинные повинности, и при срочно-обязанном положении, будут все-таки составлять вид крепостного права, но лишь подчиненного законным правилам. Посему они все-таки не могут не быть для крестьян тягостны, а для крестьян и правительства могут сделаться источником важных затруднений, что не соответствовало бы благим намерениям государя о действительном прекращении крепостного состояния. В этих видах, обязательные повинности должны быть рассматриваемы лишь как мера переходная, и если Комиссиям удастся сократить срок, или умерить действие оной, то улучшение быта может быть упрочено даже и на время срочно-обязанного периода.

«6) Помещики должны получить справедливое, вполне достаточное вознаграждение за те земли и угодья, которые крестьяне у них выкупают».

Смотрите же, м. г., что следует в журнале прямо за изложением предложений председателя:

«По выслушании сего, члены Комиссий единогласно изъявили полное сочувствие выраженным председателем основным соображениям, как вполне согласным с их убеждениями, а потому и просили о внесении сих соображений в журнал Комиссий для непременною руководства. Председатель не встретил препятствий ко внесению всего этого в журнал, предоставляя, однакоже, каждому из членов

высказывать искренно свои убеждения, если бы они были, в чем бы то ни было, и не согласны с его мыслями».

Вы можете видеть из этого, м. г., что такое значит бюрократический порядок. Старший говорит: я полагаю, что надобно решить дело вот так и вот так; согласны ли вы, господа? Я не навязываю вам своих мнений: возражайте против них, если не согласны; можете совершенно отвергнуть их, если они неправильны. На это все младшие сотоварищи единогласно отвечают: ваши мнения совершенно согласны с нашим убеждением, и мы вполне принимаем их.

Теперь, м. г., попробуйте рассудить, правдоподобная ли вещь, возможная ли вещь была, чтобы ни один из десяти тогдашних членов Комиссий не имел ни по одному из 9 пунктов, предложенных председателем, никакого взгляда, различного от решений, предложенных председателем, даже никакого сомнения в невозможности дополнить или улучшить, хотя в чем-нибудь, хотя одно из этих девяти решений? Вы бываете в обществе, м. г.; вы знаете, что если разговор ничем не связан, то никак не обходится дело без расспросов, объяснений, споров; конечно, могут согласиться, наконец, все единодушно, но ведь не с первого же слова. В заседании Редакционных комиссий, судя по журналу его, было не так. Это показывает, что свободы мнений в Редакционных комиссиях не было.

«Но ведь председатель нимало не стеснял ее, — он приглашал членов возражать и отвергать». Конечно так, м. г.; но опять-таки прошу вас вспомнить, что вы сами, конечно, замечали в обществе. Есть случаи, в которых на всякие приглашения выражать свои мнения свободно, каждый человек, в ком есть хоть капля рассудка и чувства приличий, ответит не иначе, как условной фразой, которая и наперед известна. Например, во время кадрили дама спрашивает кавалера: «не скучает ли он?» Даю голову на отсечение, он непременно будет отвечать, что нимало не скучает, что ему очень приятно танцевать с ней. А ведь она вызвала его высказаться, и ведь он, по всей вероятности, очень скучал с ней, иначе не было бы и повода к ее вопросу. Но как же вы хотите иначе, м. г.? На все есть свои законы приличия. Или другой пример: хозяин любит сам делать салат; сделал, и спрашивает гостей: вкусен ли салат; все в один голос отвечают всегда: «очень, очень хорош!..» Я хотел сказать, м. г., что во всяком разряде житейских вещей есть свои правила благоразумия, свои обязанности благоприличия, которых никто не нарушает, кроме людей неблаговоспитанных или сумасбродных. В том разряде дел, который называется бюрократическим порядком, принято за правило соглашаться во всем со старшим членом, который председательствует в собрании. Быть может, вам покажется это

правило странным, но покажется разве только по незнакомству с основаниями, из которых оно вытекло. Дело в том, что тут всегда предполагается, что председатель, — или как бы там ни назывался старший член собрания, — всегда имеет более точные сведения о целях высшего правительства, соображается с ними, служит истолкователем гланов, уже принятых высшим правительством. Вы знаете, м. г., что не всегда так бывает: иногда высшее правительство еще не приняло определенного решения по вопросу, переданному для разработки в бюрократическую комиссию; иногда оно готово изменить свое мнение о вопросе, хотя бы оно и было уже составлено у него. Но такие случаи бывают только исключением, а правила для образа действий возникают не из исключительных случаев, и при бюрократическом порядке всегда уже все приглашаемые на совещание бывают убеждены, что они приглашены только работать по инструкции, изменить которой уже нельзя, и хранителем которой избран старший член их собрания. Напрасно стал бы сам он уверять в противном, ему никто не поверит, что каждое его слово не должно приниматься за основание вырабатываемого постановления. Это настроение мыслей, — настроение совершенно неизбежное при бюрократическом порядке, — действует с такою обаятельною силою на председателя, что как бы ни готов он был вначале различать свои личные мнения от неизменных решений правительства, он скоро спутывает эти понятия, и ему начинает уже представляться, что каждое его слово — действительно закон: «я орган правительства, я знаю его виды, я хочу того, чего оно хочет, значит — чего я хочу, того оно хочет». Угодно ли вам, м. г., чтобы я подтвердил примером это неизбежное увлечение? Вы видели, что в заседании 5 марта председатель еще представлял свои мнения, только как свои личные мнения, которые только «не бесполезно было бы принять к «соображению»; через два с половиной месяца, в заседании 20 мая, он уже выражался следующим образом:

«Выкуп крестьянами земли, как уже было мною изъяснено, должен быть на основании высочайшей воли не обязательный, а полюбовный, т. е. выкуп не может происходить без формального согласия помещика продать, а крестьянина купить поземельные угодья, за исключением усадеб, продажа коих обязательна для тех помещиков, которые не изъявят согласия на продажу угодий полевых».

За этим вступлением следовал ряд соображений, изложив которые, председатель говорил совершенно в духе заключения, какое мы видели в журнале 5 марта; он и теперь, 20 мая, тоже приглашал

членов Комиссий не стесняться его мнением, давал им свободу отвергать это мнение.

«В заключение повторяю, что все эти мои соображения я не предлагаю в основу суждений Финансовой комиссии; Комиссия имеет полное право не только изменить их, но и совершенно их отвергнуть, и что цель моя при предъявлении этих моих соображений состоит единственно в том, чтобы объяснить Комиссии: в какие данные может быть нынче вставлен вопрос о выкупе крестьянами полевых угодий, и что выкуп этот я признаю весьма исполнимым».

Все это очень либерально; но извольте припомнить, м. г., какие выражения встречаются в начале речи, имеющей такое заключение: председатель упоминает о «*высочайшей* воле»; а потом, излагая свои соображения, он выражается так: «правительство должно, крестьяне должны, оценка должна быть; правительство покрывает своими средствами, правительство найдет возможность» и т. д., и т. д.; эти обороты речи выставляют каждую мысль председателя, как дело уже решенное правительством. Какое же существенное влияние могли иметь заключительные слова, что члены Комиссии могут изменять и отвергать мнение председателя, когда по тону всей предшествующей речи следовало принимать эти мнения за неизменную инструкцию, так как они представлены в связи с высочайшею волею. О чем же тут рассуждать? Надобно принимать к исполнению.

Редакционные комиссии так и делали.

Посмотрите же, м. г., что из этого выходило. Вы очень хорошо знаете, с какою целью были назначены эти Комиссии. Высшее правительство, определив некоторые, самые общие принципы дела, нашло нужным, чтобы им занялись специалисты. Их основательному исследованию оно желало предоставить определение всего устройства дела. Что же мы видим? — Едва собрались эти специалисты, ни за что еще не успели приняться, а уже определилось, как будет устроено дело. Но ведь дело еще не исследовано; ведь они еще не знают, какие основания будут найдены ими для него? Нужды нет, эти основания уже готовы. Как же они приготовлены? Очень просто. У каждого есть о каждом предмете какое-нибудь мнение или предположение. Разумеется, было и о крестьянском деле какое-нибудь мнение или предположение у лица, назначенного председательствовать в этих Комиссиях, как были у него мнения и предположения о всяком другом предмете, — и о том, что Виардо хорошая певица, и о том, что Вольтер был остроумный писатель, и о том, что Пулковская обсерватория хорошо устроена; предположите же теперь, что

начали бюрократическим порядком рассуждать об итальянской опере, о французской литературе, об астрономии. Собирают специалистов; председатель высказывает свои мнения об этих предметах, с которыми очень мало знаком, но о которых все-таки имеет же какое-нибудь мнение, — что из этого следует по бюрократическому порядку? то, что специалисты тотчас восклицают: совершенно согласны и вполне принимаем основания, предлагаемые вами, г. председатель.

Скажите, м. г., хорош ли вышел бы обед, если бы повар стал безусловно принимать все ваши или мои мнения о том, как варить суп или жарить ростбиф? А ведь вы или я, мы имеем об этом некоторые понятия. Но вы и я даже и не высказываем своего мнения об этом повару, которому поручили готовить нам обед. И мы очень хорошо делаем, что не высказываем тут своего мнения. А по бюрократическому порядку это дело пошло бы вот так: повар руководился бы не своим знанием и опытностью, а старался бы разведать, как мы думаем об устройстве кухонной плиты, о форме кастрюль и жаровен, о времени, сколько нужно держать кушанье на плите и т. д., и т. д. Разумеется, если бы стали к нам приставать с этими разведываниями, забегать и справа и слева, вовлекать нас во всякие разговоры и ловить каждое наше слово для исполнения, — разумеется, вывели бы от нас что-нибудь и об этих предметах, — и о кастрюлях, и о жаровнях, и о том, как топить печь и т. д., и т. д., и каждое наше слово об этом, дошедшее до повара, бог знает, через сколько уст и, бог знает, как перетолковывавшееся в каждом устах, становилось бы инструкцией для повара. Как вы полагаете, хорош был бы у нас порядок на кухне и вкусен выходил бы наш обед, как бы хорош ни был наш повар?

А ведь мы в самом деле не думали связывать его, ничего не хотели предписывать ему; мы хотели только, чтобы обед был хорош, и думали, что он будет готовить его, как сам знает. Нет, если повар будет к нам в бюрократических отношениях, это наше желание неисполнимо: повар непременно будет только подмастерьем нашим, поварская часть будет управляться нами.

Вот точно так вышло и в Редакционных комиссиях.

Будем говорить серьезно. При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело. Люди эти действуют, как машины, у которых нет своего мнения; они ведут дело по случайным намекам и догадкам о том, как думает про это дело то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этим делом. Что из этого выходит, мы увидим все на том же примере Редакционных комиссий.

Первою чертою дела для примера пусть послужит так называемая гласность, — это, м. г., бюрократическое выражение, придуман-

манное для замены выражения «свобода слова», и придуманное по догадке, что выражение «свобода слова» может показаться неприятным или резким кому-нибудь, — итак, м. г., первую чертою для моего примера я беру так называемую гласность по крестьянскому делу.

По фактам, которые приведены мною выше, могло казаться, будто председатель Комиссии действовал по своему убеждению. Остальные члены были работники, не могшие действовать по своим убеждениям, а трудившиеся по инструкциям председателя. Но по крайней мере председатель поступал сообразно своему убеждению. Оно могло быть составлено без основательного знакомства с делом; но каково бы оно ни было, все-таки оно было его убеждением, и, если оно определяло характер комиссионных работ, все-таки в этих работах могла быть какая-нибудь определенная мысль и внутренняя связность. Нет, м. г., и это наше предположение оказывается ошибочным. Мы видели председателя в его отношениях к членам. Перед ними действительно он был человек самостоятельный. Но ведь он был в сношениях не с ними одними, а со множеством лиц, в числе которых было несколько человек, занимавших относительно его точно такое же положение, какое занимал он относительно членов Редакционных комиссий. По бюрократическому порядку, он тоже в свою очередь выведывал мнения лиц, более заслуженных, чем он; тоже строил догадки о их мнениях и тоже принимал всякое их слово и всякую догадку о их мнениях за инструкцию, которую должен исполнять. Можно было бы найти множество подтверждений тому в воспоминаниях, еще свежих у каждого из нас. Но я хочу опираться только на факты, формально засвидетельствованные в протоколах Комиссий, и укажу вам на один из них.

Через месяц по открытии Комиссий, в заседании 6 апреля, председатель, наученный опытом, высказал убеждение, что ни он сам, ни Редакционные комиссии никак не могут удовлетворительно исполнить порученного им дела, если не привлекут к помощи их труду всю публику; он видел, что ему и Комиссиям необходимо опереться на общественное мнение; он видел, что, не будучи поддерживаемы общественным мнением, он и Редакционные комиссии не найдут в себе силы действовать, как нужно для успеха дела. Вот, м. г., подлинные слова председателя Редакционных комиссий, написанные в журнале заседания 6 апреля.

«Возбужден был вопрос: какую степень гласности должны иметь занятия Комиссий?

«По мнению, выраженному председателем, занятия эти составляют дело всей России, — дело, с которым тесно связано и спокойствие и благосостояние целого государства как в настоящем, так и в будущем. Опыт показал, что, хотя поднятый вопрос живо затронул

интересы всего народа, но Россия, в полном доверии к своему государю, осталась спокойною; что спокойствие это можно частью приписать и некоторой гласности, с которой с самого начала, по высочайшему повелению, было ведено дело. Притом же Комиссии, совершая труд, столь близкий интересам всех сословий, обязаны честным отчетом в своих действиях перед всею Россией. Дать этот отчет, успокоить всех и каждого, можно только посредством полной откровенности, потому что, где дело ведется открыто, там нет места ни превратным слухам, ни ложным опасениям, ни нелепым толкованиям. Наконец, на Комиссиях лежит святая обязанность уяснить вопрос и самим себе со *всех сторон*. Как бы ни был добросовестен труд Комиссий, как бы ни было велико стремление их быть беспристрастными и неодносторонними, они при всей опытности своих членов, вряд ли избегнут таких ошибок, которые, при применении к действительной местной жизни, могут оказать неблагоприятное влияние на успех дела. А потому, и здесь необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участие, которое прольет свет на каждую оставшуюся в тени сторону вопроса, дополнит недостающие факты и исправит во-время каждую ошибку Комиссий».

Вникните в эти слова, м. г., взвесьте их, они заслуживают того. Какой сильный и твердый тон, какое честное и широкое понятие о деле. Хорошо; но слушайте же, какой вывод делается из такого основания, какое применение получает такой принцип, какая практика извлекается из теории:

«Вследствие всех сих соображений, председатель полагал бы полезным:

«1) Все журналы и труды Комиссий печатать в значительном количестве экземпляров.

«2) Напечатанные экземпляры рассылать гг. членам Главного комитета, министрам и главноуправляющим отдельными частями, генерал-губернаторам, начальникам губерний и губернским предводителям дворянства (сим последним в нескольких экземплярах).

«3) Предварить всех означенных лиц, что подлежащие обсуждению Комиссий вопросы будут разрешаемы не ранее прибытия членов-экспертов, а затем труды Комиссий будут предъявляемы депутатам губернских комитетов для сообщения замечаний и с их стороны.

«4) Просить всех лиц, которым будут рассылать такие *труды*, сообщать свои замечания к определенному сроку, на особом по каждой главе листе, и по возможности кратко, чтобы Комиссии могли принять их в соображение своевременно, тотчас же разделять по отделениям и иметь физическую возможность прочесть и обсудить их».

М. г., вы твердо убеждены, что председатель Редакционных комиссий был человек очень умный. Я совершенно согласен с вами: посмотрите же, м. г., может ли умный человек, если руководится своим умом, делать такой вывод из такого основания. «Дело Редакционных комиссий — дело всей России». Самим Комиссиям, для успеха в своих занятиях, «необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участие». Что же надобно сделать? Как исполнить эту обязанность? Как получить эту помощь? «Экземпляры трудов Редакционных комиссий рассылать начальникам губерний и губернским предводителям дворянства, прося их сообщать Редакционным комиссиям свои замечания». М. г., скажите сами: разве начальники губерний и губернские предводители дворянства целая Россия? Разве суд их — общий суд целой России? Разве отчет перед ними, — отчет перед всею Россией? Думаете ли вы, м. г., что он, человек умный, не был внутренне сконфужен перед самим собою несообразностью своего заключения с началом? Думаете ли вы, что он мог прямо смотреть в глаза членам Редакционных комиссий, когда переходил от своего начала к своему заключению. Я этого не думаю, потому что думать так значило бы оскорблять его память с той стороны, с которой уже никак нельзя отзываться о нем дурно, — со стороны ума.

Чем же можно объяснить такую странную несвязность мыслей, такое явное несоответствие принимаемого решения с собственными желаниями? Конечно, только тем, что председатель Редакционных комиссий и сам был совершенно связан в своих решениях. И кем же был он связан в этом случае? Я говорю с вами, м. г., прямо и открыто, потому выскажу сам свое убеждение, вперед свидетельствую, что вы ошибетесь, если сочтете его неверным. Председатель Редакционных комиссий не был связан тут твердою и обдуманною волей того лица или тех лиц, волю которых он обязан был исполнить по закону; он был связан мнениями, опасениями, привычками множества других лиц, которые даже не имели законного права обнаруживать влияние на Редакционную комиссию. Он был связан мнениями целого круга, от которого, по формальному своему полномочию, был совершенно независим. Вот для вас, м. г., случай убедиться, что при бюрократическом порядке нет ни у кого независимости. В мелочах, особенно в поступках с подведомственными лицами, каждый имеет при бюрократическом порядке много произвола. Но следовать своим убеждениям в делах серьезных никто не властен; все связаны безгласною и незаконною взаимною зависимостью, потому что все тут основано на слухах, догадках, т. е. на уменьи угождать всякому, кто мог бы распустить невыгодный слух, если бы человек не угодил ему.

Если вы сравните практическое заключение председателя Редакционных комиссий о сообщении «Трудов Комиссий» губернским предводителям и губернаторам с теоретическим стремлением председателя призвать все общество к участию в этих трудах и давать отчет о них целой России, то вы увидите, м. г., каков бывает ход дел при бюрократическом порядке: начинают тем, что видят надобность чего-нибудь существенного и великого, стремятся к нему, и успевают сделать лишь нечто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное. Вы согласитесь, м. г., что мнения губернаторов и губернских предводителей никак не могли придать новой силы правительственному делу, потому что сами губернаторы имеют только силу, заимствованную от правительства, и губернские предводители находились тогда в таком же положении: они не имели значения, независимого от правительства; не могло иметь самобытного веса и их мнение. Таким образом Редакционные комиссии никак не могли найти в них подкрепления, в котором чувствовал необходимую нужду председатель Комиссий. Что же касается до содействия этих лиц разъяснению дела замечаниями на труды Комиссий, то в этих замечаниях Комиссии не могли найти ничего нового для себя: губернаторы смотрели на дело с правительственной точки зрения, подобно самой Комиссии, следовательно не могли указать Комиссиям важных сторон дела, которых не замечали бы и сами Комиссии; а губернские предводители могли делать замечания только с помещицей точки зрения, которая уже и без того была очень знакома Комиссиям. Итак, необходимо нуждаясь в опоре и критике для своих трудов, Редакционные комиссии искали их у людей, которые были для них совершенно бесполезны в этих отношениях и принуждены были работать, не имея ни поддержки, ни критики в своих трудах.

В следующем письме я постараюсь объяснить вам, м. г., к чему это привело. А теперь покончу несколькими замечаниями речь о предмете, наполнившем собою все нынешнее письмо, — о характере бюрократического порядка. Припомните, м. г., какие странные факты видели мы засвидетельствованными в журналах Редакционных комиссий. Созываются люди, чтобы рассмотреть дело; но с первого же раза им предлагают заключения, которыми уже решается все дело; а ведь оно еще не рассмотрено ни ими, ни лицом, предлагающим эти решения. И эти лица принимают предлагаемые им решения. Что же после этого они будут делать? Они будут не рассматривать дело, а только будут заниматься подборанием и прилаживанием мелких подробностей, то есть их работа будет работа каменщиков, смазывающих кирпичи один к другому, хотя и предполагали те, которые созывали их, что созывают их обсудить план здания. Как

произошла такая перемена в их назначении? Этого никто не знает. По чьей воле произошла она, — ни по чьей, потому что никто этого не хотел. Она произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял в самой главе всего управления. Вы хотите только спросить, ваш вопрос принимают за решение; вы хотите посоветоваться, и ваши слова принимают за приказание; вы ищете опоры, — все, до чего вы касаетесь, гнется перед вами. Так уже заведено в бюрократическом порядке, и ничего иного не добьетесь вы от него.

И посмотрите же, м. г., какая удивительная вещь произведена натурой бюрократического порядка. Думал ли кто-нибудь в высшем правительстве, что крепостное право должно быть сохранено при провозглашении его отмены? Конечно, никто этого не хотел в высшем правительстве. Хотел ли того председатель Редакционных комиссий? — Конечно нет, вам известно это. Хотели ли того члены Редакционных комиссий? — Нет, это всем известно. Что же вы видели, м. г., в самой же первой выписке, приведенной мною из журналов Редакционных комиссий? Вы видели, что Редакционные комиссии начали свои работы принятием принципа: при провозглашении освобождения крестьян, крепостное право должно быть сохранено. Припомните подлинные слова журнала «Заседания» 5 марта: «обязательные барщинные повинности и при срочно-обязанном положении будут составлять все-таки вид крепостного права». Это говорит председатель Комиссий. По выслушании сего члены Комиссий единогласно изъявили полное сочувствие к этим словам председателя и внесли их в журнал для неперемennого руководства себе. Снова спрашиваю, как могло это случиться, что в основание дела кладется решение, несогласное ни с убеждением членов Комиссий, ни с желанием их председателя, ни с намерением высшего правительства? Случилось это по неизбежному характеру бюрократического порядка: председателю Комиссий показалось по какой-то догадке, что хотят этого какие-то лица, которым необходимо угождать; членам Комиссий показалось, что слова председателя должны служить выражением неизменной решимости высшего правительства; а высшее правительство, увидев такое решение Комиссий, убедилось, что нельзя уничтожить крепостного права, если уже специалисты, и притом известные противники крепостного права, решают, что надобно сохранить его.

Точно так же определились и все другие черты дела: выкуп земель необязательный, а по добровольному соглашению, размер надела, величина повинностей и платежей крестьянских, и т. д. Никто не может принять на себя ответственности за устройство дела в таком виде, — ни высшее правительство, ни Редакционные комиссии,

решительно никто не желал устроить дело так; его так устроил собственно бюрократический порядок, независимо от воли и убеждения лиц, чем бы то ни было — работами ли своими, желаниями ли своими, подписями ли своими, — участвовавших в ведении этого дела.

Но посмотрите же, м. г., что из этого вышло? Я открою вам тайну, которая до сих пор оставалась неизвестною не только вам, — от которого укрывается столь многое, — неизвестною даже лицам, составлявшим положение об освобождении крестьян, — открою тайну, которая удивит как неожиданная новость всякого, кроме освобожденных крестьян, с первой же минуты почувствовавших на своих карманах действие этого секрета.

V

16 февраля.

Открытием секрета, который хочу сообщить вам, обязан я, м. г., случайному обстоятельству. Несмотря на гласность, которую непременно хотел придать трудам Редакционных комиссий их председатель, я целые два года даже не видывал этих изданий: так мало было их обращение между публикой. Нужно заводить знакомства и прибегать к просьбам, чтобы достать эти книги. Так у нас все делается, м. г.: без знакомства, без просьб ничего; с ними — все. Но писать о крестьянском вопросе нельзя было, потому я и не хлопотал, чтобы достать материалы, которыми не мог бы воспользоваться. Наконец, когда приблизился срок обнародования манифеста об освобождении крестьян, разнесся слух (неосновательный, как обнаружилось впоследствии), будто бы по его обнародовании разрешено будет разбирать Положения. Тогда я захотел иметь Труды Редакционных комиссий. Это издание состоит, как вам известно, из двух отделов: один, напечатанный в 8 д. л., содержит в себе материалы, более или менее переработанные самими Комиссиями; другой отдел, напечатанный в 4 д. л., под названием «Приложений к Трудам Комиссий», заключает в себе статистические данные о поместьях, имеющих более 100 душ. Тут обозначены: имя владельца и поместья, количество душ и тягол в каждом поместье, общее количество земли при поместье, количество каждого рода угодий, входящих в эту общую цифру, величина существовавшего надела и размер повинностей, отбываемых или платимых за него. Этот отдел я успел получить раньше, чем достал первый отдел, в котором переработаны Комиссиями данные второго отдела. Не имея под руками этих, сделанных Комиссиями выводов, и даже не зная до какой степени

выработаны они, я должен был заняться сам разработкою цифр, представлявшихся мне описаниями поместий. Мне хотелось получить приблизительное понятие о том, какая перемена производится Положениями в существовавшем наделе земли и в повинностях, отбываемых или платимых крестьянами помещику. Работу свою я хотел ограничить великорусскими губерниями, о которых об одних я и хотел писать, потому что сам лично знаком только с их бытом и обычаями. Но и тут я не мог переработать всех цифр по всем великорусским уездам, — цифр, наполняющих целые 4 тома: у меня не достало бы на то времени. Я должен был взять только некоторые уезды, чтобы судить по ним о всем целом. Но я хотел, чтобы разработанная мною часть действительно могла служить точною представительницею всего целого, и чтобы никому нельзя было заподозрить какого-нибудь произвола во мне при выборе тех или других уездов для пробы целого. Поэтому я перед началом работы принял два следующих правила:

1) Составив список уездов в том самом порядке, в каком они следуют один за другим в «Приложениях к Трудам Редакционных комиссий», я стал отбрасывать те уезды, в которых общее число описанных поместий заключает менее 10 тысяч душ крепостных крестьян, оставляя в своем списке только уезды, имеющие более этого числа. Цель этого приема понятна: я хотел работать только над уездами, представляющими достаточную широту основания для выводов о действии пропоздимой Положениями перемены. Таким образом осталось у меня 175 уездов, из которых в каждом описано состояние более чем 10 тыс. душ.

2) Из них я решился взять те, которыми будет начинаться каждый десяток, то есть первый уезд, одиннадцатый уезд, двадцать первый уезд и т. д.*

Таким образом, досталось мне взять для разработки цифр следующие уезды:

Александровский — Владимирской губ.

Бирючевский — Воронежской г.

Спасский — Казанской г.

Дмитровский — Курской г.

Клинский — Московской г.

Горбатовский — Нижегородской г.

Орловский — Орловской г.

Пензенский — Пензенской г.

* Прилагаю сделанный мною список на тот случай, если бы вы, ч. г., пожелали удостовериться в правильности его составления (см. в конце статьи, стр. 62). — *Примечание Н. Г. Чернышевского.*

Новоржевский — Псковской г.
 Михайловский — Рязанской г.
 Саратовский — Саратовской г.
 Алатырский — Симбирской г.
 Козловский — Тамбовской г.
 Нерехтский — Костромской г.
 Рославльский — Смоленской г.
 Корчевский — Тверской г.
 Епифанский — Тульской г.
 Мышкинский — Ярославской г.

Надеюсь, м. г., что правилами, принятыми мною при этом выборе, отстранена всякая возможность подозревать какую-либо произвольность в нем. Посмотрите же, м. г., что открылось из разбора цифр по этим 18 уездам.

Прежде всего я занялся счетом того, каков будет назначаемый Положениями новый оброк, при назначаемом ими новом наделе, сравнительно с прежним оброком и наделом, в тех поместьях, которые прежде были на оброке и останутся на оброке по Положению.

Общее число душ в оброчных имениях, внесенных в «Приложения к Трудам Редакционных комиссий», по всем 18 уездам:

125 324 души.

Прежний надел их показан в

419 406 $\frac{1}{2}$ десятин.

Всего оброка за этот надел при крепостном праве платили они помещикам:

842 728 руб. 50 коп.

Таким образом, при прежнем крепостном праве, средним числом, бралось с крестьян за одну десятину надела:

2 руб. 9 коп.

По правилам, данным новыми Положениями, из прежнего надела должно отойти к помещику:

101 767 $\frac{3}{4}$ десятины.

Остается за крестьянами:

317 638 $\frac{3}{4}$ десятины.

За них установлен оброк:

731 346 руб. 80 коп.

То есть за десятину земли своего надела крестьяне должны по новым правилам платить:

2 руб. 30¹/₂ коп.

Иначе сказать, по новым Положениям освобождаемые крестьяне должны платить помещику:

1 руб. 10 коп.

вместо каждого рубля, который платили ему при прежнем крепостном праве.

Ожидали ли вы, м. г., такого результата?

Не смею далее утруждать вашего внимания. Но если бы я смел предполагать, что сведения, мною доставляемые вам, будут приниматься вами с тою же единственною мыслью о драгоценности правды, с какою я старался приобрести эти сведения, то я поставил бы себе за удовольствие изложить вам во всей подробности вопрос о судьбе оброчных имений по новому Положению; потом перешел бы к вопросу о поместьях, состоящих на барщине; наконец, представил бы вам сведения о действительном значении тех сторон нового устройства, которые одинаково касаются тех и других поместий. Но я уже довольно много времени потратил на непрошенную беседу с вами, м. г., и не могу тратить его больше, не зная, не будет ли оно совершенно потерянным. Во всяком случае, вы теперь можете судить о том, каков был бы характер дальнейших бесед с вами; следовательно, вы сами можете судить, нужны ли они для вас.

Я понимаю, м. г., что нарушил правила приличия, напрашиваясь со своими объяснениями к человеку, нимало не вызвавшему меня на них; поэтому не будет для вас странным, если я не соблюду этих правил и в заключение своей корреспонденции, и не подпишусь по обычаю «готовый к услугам» или «ваш покорнейший слуга», а подпишусь просто

Н. Чернышевский.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 110, 115.

Б

Бирон, Эрнст Иоганн (1690—1772) — временщик в царствование русской императрицы Анны Ивановны; ярый приверженец политики крепостнического террора — 103.

Бисмарк, Отто (1815—1898) — 67, 73.

Бобринский, Александр Алексеевич (1823—1903) — состоял вице-директором хозяйственного департамента министерства внутренних дел; с 1861 г. — петербургский губернатор; в 1869—1872 гг. — петербургский губернский предводитель дворянства — 103.

В

Валуев, Петр Александрович (1814—1890) — представитель русской бюрократии 50—70-х годов; с 1861 г. министр внутренних дел. Под его руководством проводилась земская реформа 1864 г. В 1872 г. был назначен министром государственных имуществ; в 1877—1881 гг. — председатель комитета министров — 99, 100, 102—105, 110, 111.

Вильсон, Иван Иванович — русский статистик; автор исследования «Выкупные за земли платежи крестьян-собственников, бывших помещичьих» (1878) и ряда других работ — 163.

Вольтер, Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) — 12.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837—1916) — приближенный царской семьи; после убийства Александра II был начальником царской охраны; один из организаторов тай-

ного общества по борьбе с революцией, так называемой «священной дружины» — 99.

Г

Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852) — 52.

Д

Даль, Владимир Иванович (1801—1872) — известный русский этнограф, лексикограф и популярный писатель. Широкую известность Д. получил как автор «Толкового словаря живого великорусского языка» — 45.

Даниельсон, Николай Францевич (псевдоним Николай — он) (1844—1918) — экономист и публицист, народник; переводчик «Капитала» Маркса на русский язык; переписывался с Марксом и снабжал его книгами и материалами о России — 125.

Дмитриев, Федор Михайлович (1829—1894) — историк русского права; работал в земстве и мировых учреждениях Сызранского уезда; был близок с Ю. Самариным, вместе с которым издал за границей книгу «Революционный консерватизм» — 50, 70.

Долгоруков, Василий Андреевич (1803—1868) — военный министр, шеф жандармов; в 1857 г. был назначен членом Главного комитета по крестьянскому делу — 160.

Е

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 56, 74, 103, 115, 128.

Ж

Журавский, Дмитрий Петрович (1810—1856) — статистик, автор работы «Об источниках статистических сведений» и других статистических исследований о России — 158.

К

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818—1885) — историк и публицист славянофильского направления. Кавелин — «один из отвратительнейших типов либерального хамства» (Ленин), — объявил гнусные насилия царизма в отношении представителей революционной демократии законной самообороной власти — 95, 114.

Капнист, Василий Васильевич (1757—1823) — поэт и драматург; написал оду «На рабство» и оду «На истребление в России звания раба», выражавшие протест против крепостнического гнета — 52.

Клязевич, Александр Максимович (1792—1872) — русский министр финансов (1858—1862) — 160.

Коселев, Александр Иванович (1806—1883) — крупный помещик и винный заводчик; публицист-славянофил; в подготовке реформы 1861 г. участвовал в качестве члена Рязанского губернского комитета. К. пугал правительство возможностью «согласия между крестьянами и мещанами» и призывал в целях предотвращения этой опасности «опереться на «умеренную, благомыслящую» оппозицию» — 21, 22, 29, 47, 48, 159.

Л

Ланской, Сергей Степанович (1787—1862) — государственный деятель; в 1855—1861 гг. — министр внутренних дел — 68, 157.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович (1824—1896) — в 1866 г. — орловский губернатор; в 1867—1878 гг. — товарищ министра внутренних дел — 73, 75, 93.

М

Муравьев, Михаил Николаевич (1796—1866) — в период подготовки реформы 1861 г. — член Главного комитета по крестьянскому делу; ярый за-

щитник интересов помещиков-крепостников — 160.

Н

Наполеон I, Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815) — 4, 23.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 27, 29, 51, 56, 63, 101, 104, 110, 115, 138.

О

Орлов-Давыдов, Владимир Петрович (1809—1882) — тайный советник; служил в министерстве внутренних дел; в 1862 г. был избран петербургским губернским предводителем дворянства — 73, 74, 90—93.

П

Павел I (1754—1801) — русский император (1796—1801) — 123.

Панин, Никита Иванович (1718—1783) — русский государственный деятель; участвовал в дворцовом перевороте, в результате которого Екатерина II взошла на престол; после переворота подал проект учреждения «Постоянного императорского совета». Екатерина II, желавшая единолично возглавлять центральный правительственный аппарат, отвергла проект Панина — 115.

Петр I (1672—1725) — русский император (1682—1725) — 43, 51, 67, 97, 108, 115, 123, 124.

Петр III (1728—1762) — русский император (1761—1762) — 108, 124, 128.

Платонов, Степан Федорович — член Петербургского комитета по крестьянскому делу, решительно возражавший против надления крестьян землей в собственность и соглашавшийся лишь на предоставление ее в «бессрочное пользование» за повинности; с 1867 г. служил в судебном ведомстве — 70—73, 75, 90.

Попельницкий, Алексей Захарович — педагог; занимался изучением истории освобождения крестьян; член статистического бюро при Полтавской земской управе; помимо работы «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле», опубликовал статьи: «Первые шаги крестьянской реформы», «Как было принято положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами» и др. — 157.

Р

Ростовцев, Яков Иванович (1803—1860) — генерал-адъютант; государственный деятель периода подготовки крестьянской реформы; в начале 1857 г. был назначен членом Секретного комитета по крестьянскому делу, переименованного позднее в Главный комитет; с начала 1859 г. — председатель Редакционных комиссий для разработки проекта «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» — 145, 159.

С

Савельев, Яков Яковлевич (1820—1875) — деятель периода реформы 1861 г.; был уездным предводителем петербургского дворянства; в 1873 г. им был представлен проект волостного положения — 72.

Салтыков — см. *Щедрин*.

Самарин, Юрий Федорович (1819—1876) — славянофил; общественный деятель периода подготовки и проведения реформы 1861 года. Отражал интересы помещиков Поволжья и степной полосы, стремившихся перейти от барщины к наемному труду, выступал против немедленного выкупа земли крестьянами и настаивал на сохранении барщины в течение временного переходного периода (10—12 лет), «пока не установится само собой равновесие между предложением и запросом на вольный труд» — 50, 53, 55—57.

Сиверс, Яков Иоганн (1731—1808) — дипломат, член Тайного совета, приближенный Екатерины II и Павла I — 74.

Скалдин (псевдоним *Еленева, Федора Павловича*) (1828—1902) — представитель буржуазного либерализма 60-х годов; автор известной книги «В захолустьи и в столице»; впоследствии примкнул к реакционерам — 119, 125, 126, 128.

Скарятин, Владимир Дмитриевич — реакционный писатель, редактировал крепостническую газету «Весть» — 100.

Скребицкий, Александр Ильич — врач-окулист и историк; собрал все доклады и труды Редакционных комиссий и написал работу «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» — 145.

Т

Толстой, Дмитрий Андреевич (1823—1889) — один из крупных реакционных деятелей самодержавия; в 1865—1880 гг. — обер-прокурор синода и министр народного просвещения. Введенным им положением о начальных народных училищах 1874 г. и уставом гимназий 1871 г. были ликвидированы школьные реформы 60-х годов — 101.

Тройницкий, Александр Григорьевич (1807—1871) — известный статистик; в 1857 г. был назначен заведующим Статистическим комитетом и членом Главного управления цензуры при министерстве народного просвещения; с 1861 г. — товарищ министра внутренних дел; с 1867 г. — член Государственного совета — 130.

У

Уваров, Сергей Семенович (1786—1855) — министр народного просвещения (1833—1849) и президент Академии наук (1818—1855); ревностный защитник крепостничества, автор формулы «православие, самодержавие и народность», выражавшей основной принцип царской политики в области просвещения — 101.

Ф

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824—1883) — генерал; сотрудничал в газете «Русский мир», где поместил ряд статей под заглавием «Чем нам быть?». Он же автор книги «Русское общество в настоящем и будущем», выражавшей взгляды и настроения крепостников — 50—53, 55—58, 61.

Фонвизин, Денис Иванович (1745—1792) — 52.

Фурье, Шарль (1772—1837) — 106.

Ч

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — 3, 11, 12, 16, 18—20.

Ш

Шидловский, Михаил Романович (1826—1880) — генерал-лейтенант, сенатор, из дворян Харьковской губернии; в 1870 г. был отстранен от должности тульского губернатора, но оставался в свите императора и в генеральном штабе — 113.

Щ

Щедрин, Михаил Евграфович (1826—1889) — 29, 52.

Э

Энгельгардт, Александр Николаевич (1832—1893) — народнический публицист; агроном и крупный специалист по сельскохозяйственной химии; в 1871 г. был выслан из Петербурга. В своем имении Э. попытался организовать собственное хозяйство на рациональных «трудовых» началах; в действительности же, писал Ленин, этот опыт свелся к переходу к капиталистическим методам ведения земледелия и доказал наглядным образом несостоятельность народнических теорий — 149.

Ю

Юрьев, Сергей Андреевич (1821—1888) — литератор, редактировал журнал «Беседа» (1871—1872) славянофильского направления — 47, 48.

Я

Янсон, Юлий Эдуардович (1835—1892) — либеральный экономист и статистик, профессор Петербургского университета; заведывал статистическим отделом Петербургской городской управы; автор «Теории статистики» и «Сравнительной статистики России и западно-европейских городов» — 137, 139, 141, 142, 144, 160.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	III
КОНСПЕКТЫ И ВЫПИСКИ К. МАРКСА ИЗ РУССКИХ КНИГ	
Конспект работы Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса»	3
К вопросу об отмене крепостного права в России	18
Конспект книги Кошелева «Наше положение»	21
Конспект книги Самарина и Дмитриева «Революционный консерватизм»	50
Конспект книги Кавелина «Чем нам быть?»	95
Конспект книги Скалдина «В захолустьи и в столице»	119
Конспект книги Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах»	139
Конспект статьи Энгельгардта «Вопросы русского сельского хозяйства»	149
РУКОПИСЬ Ф. ЭНГЕЛЬСА	
Конспект статьи Попельницкого «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле»	157
<i>Приложение</i>	
«Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского с пометками Маркса	172
Указатель имен	200
<i>Фотоиллюстрации</i>	
Портрет Маркса	II—III
Первая страница конспекта работы Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса», составленного Марксом »	2—3
Страница 102 записной тетради Маркса с рукописью «К вопросу об отмене крепостного права в России» »	18—19
Титульный лист книги Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса» »	170—171
